

ПРОС
СЛЗ

СБОРН.ВТОРОЙ
ПОДЪ РЕД. А. БЕЛЕНСОНА

Н. КУЛЬБИНЪ
ПОРТРЕТЪ АКТРИСЪ
М. КУЗМИНЪ

ЗУДЕСНАЯ ЖИЗНЬ I.
ОСИРА БАЛЪЗАМО,
ГРАФА КАЛЮСТРО
В. РОЗАНОВЪ

ИЗЪ КНИГЪ, КЪ РИ
КОГДА НЕ БУДЕТЪ НА

ИЗЪ ПО ПЕЧАТАНА
НИЦЪ ИСТОРИИ РУССКОУ
КРИТИКИ

В. СОЛОГУБЪ
ПОКЛОНЕНИЕ

В. МАЯКОВСКІИ
АНАФЕМА

В. ХЛѢБНИКОВЪ
СЕЛЬСКАЯ ОЗАРО

ВАННОСТЬ
А. БЕЛЕНСОНЪ

АВТОПОРТРЕТЪ

Н. ЕВРЕИМОВЪ

УТОНЪ СМЫСЛЪ

ГРОМЪ-ГЛАСЪ

СТРѢЛЕЦЪ

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ.

подъ редакціей
АЛЕКСАНДРА БЕЛЕНСОНА

Н. КУЛЬБИНЪ

Портретъ актрисы

М. КУЗМИНЪ

Чудесная жизнь Іосифа
Бальзамо, графа Калиостро

В. РОЗАНОВЪ

Изъ книги, которая нико-
гда не будетъ издана.
Изъ послѣднихъ страницъ
исторіи русской критики

Ө. СОЛОГУБЪ

Поклоненіе—изъ Рэмбо

В. МАЯКОВСКІЙ

Анагема

В. ХЛѢБНИКОВЪ

Сельская очарованность

Н. ЕВРЕИНОВЪ

Уплененный Гран-Гинболъ

А. БЕЛЕНСОНЪ

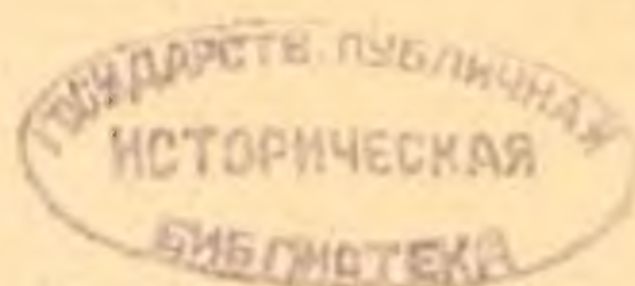
Автопортретъ.

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Обложка работы
Н. КУЛЬБИНА.
Марка изд. работы
Д. БУРЛЮКА.

OWN

Дозволено Военною цензурою, Пгр., 1 іюля 1916 г.

820776

Складъ изданія
въ книжныхъ магазинахъ Т-ва „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“

Н. Кульбинъ

Портретъ актрисы „Стариннаго Театра“ Ф. А. Глинской

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Автопортретъ, стих. А. Беленсона	143
Анагема, стих. В. Маяковского	117
Изъ книги, которая никогда не будетъ издана—В. Розанова	107
Изъ послѣднихъ страницъ исторіи русской критики—В. Розанова	137
Поклоненіе—изъ Рэмбо, перев. О. Сологуба	113
Портретъ актрисы, рисун. Н. Кульбина	1
Сельская очарованность, стих. В. Хлѣбникова	131
Утонченный 'Гран-Гинболъ' Н. Евреинова	125
Чудесная жизнь Іосифа Балъзамо, Графа Калиостро—М. Кузмина	3

М. КУЗМИНЪ.

ЧУДЕСНАЯ ЖИЗНЬ ЮСИФА БАЛЬЗАМО

ГРАФА КАЛЮСТРО.

Въ трехъ книгахъ.

(Изъ книги жизнеописаній—,Новый Плутархъ').

ПРЕДИСЛОВІЕ.

3 У Чарльза-Диккенса въ прекрасномъ, но мало извѣстномъ романѣ „Нашъ общій другъ“ мисперъ Бофинъ, чинная біографія Плутарха Херонейскаго, испытываетъ разнообразныя сомнѣнія: то онъ вѣритъ всему написанному, то ничему не вѣритъ, то даритъ своимъ довѣріемъ одну половину жизнеописанія, причемъ не знаетъ, которой отданъ предпочтеніе.

Будучи далекъ отъ мысли равняться съ Херонейскимъ мудрецомъ, я легко могу предсказать подобныя затрудненія у своихъ, хотя бы и снисходительныхъ чинашелей, шѣмъ болѣе, что, принимая „Новаго Плутарха“, я отнюдь не думалъ предлагать на общее вниманіе компилированныя біографіи и еще менѣе издавать свои фанпазіи за историческія изслѣдованія. Конечно, я не буду легкомысленно утверждать, что Микель-Анджело жилъ въ двадцатомъ вѣкѣ и не поселю Платона къ Зулусамъ, но, исключая самыя основныя біографическія очерканія, въ подробностяхъ, краскахъ, а иногда и въ ходѣ описываемыхъ событій, предославляю себѣ полную свободу. Главнымъ образомъ меня интересуютъ многообразныя пути Духа, ведущіе къ одной цѣли, иногда не доводящіе и позволяющіе путнику свернуть въ боковыя аллеи, гдѣ онъ и заблудится несомнѣнно.

Мнѣ важно по мѣсто, которое занимаютъ избранныя герои въ общей эволюціи, въ общемъ спринтѣ Божьяго міра, а внѣшняя пестрая смѣная картина и событій нужна лишь

какъ занимательная оболочка, которую всегда можетъ замѣнить воображеніе, младшая сестра ясновидѣнья.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы изъ моихъ жизнеописаній узнали то, что лишь самыя внимательныя, почти посвященныя, чтецы вычитаютъ изъ десятка хотя бы самыхъ точныхъ и подробныхъ, фактическихъ біографій,—единственное, что нужно помнить, лишь на время плѣняясь игрою забавныхъ, прагматическихъ и чувствительныхъ сплетеній, все равно, достоверныхъ, или правдоподобно выдуманыхъ.

Новый Плутархъ будетъ заключать въ себѣ около пятидесяти біографій и, конечно, подлежащихъ разсмотрѣнію лишь по окончаніи, но мнѣ казалось, что и отдѣльно взятая глава опшуда могутъ представлять нѣкоторый интересъ для читателя.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1.

Феличе Балъзамо спаралась взглянуць на маленькое существо, лежавшее около нея на широкой купеческой кровати и говорила мужу:

— Смотри, Пьетро, какіе блистающіе глаза у малюшки, какой умъ написанъ у него на лобикѣ!. Навѣрное, онъ будетъ, если не кардиналомъ, то во всякомъ случаѣ полковникомъ!.

По правдѣ сказавъ, ничего особеннаго не было въ больше-головомъ мальчуганѣ, корчившемъ свои распеленутыя ножки; нельзя даже было сказавъ, на кого ребенокъ похожъ, на отца, или на похудѣвшую Феличе. Тѣмъ не менѣе синьоръ Балъзамо, на минушю опорвавшись онъ большой расходной книги и засунувъ перо за ухо, повернулся къ кровати, и не подходя къ ней, оповѣнилъ:

— Вѣрояишѣ всего онъ будетъ честнымъ купцомъ, какъ его отецъ и дѣдъ. Можетъ быть, впрочемъ, онъ будетъ адвокатомъ, это теперь выгодное занятіе.

Будущій адвокатъ залился горькимъ плачемъ, можетъ быть, судьбы, копорюю ему предсказывали родственники, или онъ солнца, копорое какъ разъ на него бросало юнѣскій квадратъ. Бабка Софонизба быспро поднялась онъ столика, гдѣ она пила кофей около очага, передвинула ребенка въ тѣнь, закрыла его одѣяльцемъ и, тихо шлепнувъ для окончанія, подняла очки на лобъ и промолвила:

— Браки и должности въ небѣ рѣшаются. Никто не знаетъ, кшо чѣмъ будетъ. Вотъ если онъ сдѣлается графомъ или чудотворцемъ, то я удивлюсь и скажу, что онъ — молодецъ.

Феличе, закрывъ глаза, тихонько хлопала рукою по голубому одѣялу, улыбаясь и словно мечтавая, что будетъ съ маленькимъ Бенно, недавно окрещеннымъ въ Палермскомъ соборѣ.

Лѣтній жаръ уже сломился и Пьетро Балъзамо опирившись въ прохладную лавку, ушла и повивальная бабка Софонизба, а Феличе все лежала, спараясь скосить глаза, чтобы увидѣть Юсифа, котораго уже тихо паразилъ свои большіе каріе глазки. Дѣйствительно, не можетъ быть у купца такихъ глазъ, такихъ спранныхъ бугровъ на лбу, такой печати (конечно, печати) необыкновенности на всей большой головѣ.

И мать, и сынъ оба думали и видѣли (по крайней мѣрѣ, Феличе), какъ на стѣнѣ выскакивали, словно карточные квадраты, на которыхъ было написано поочередно: кардиналъ, полковникъ, адвокатъ, купецъ, чудотворецъ, графъ. Последний квадратъ появлялся чаще другихъ и былъ весело-желтого цвѣта.

Въ сумеркахъ Пьетро вернулся, жена только что проснулась и, подозвавъ къ себѣ мужа, тихо сказала:

— Несомнѣнно, онъ будетъ графомъ!

Балъзамо хотѣлъ было послать за докторомъ, думая, что у жены начинается бредъ, но Феличе остановила его, сказавъ, что она совершенно здорова. Пьетро сѣлъ у кровати и сидѣлъ долго, не зажигая огня и смотря на безмолвный пакешикъ, гдѣ заключался будущій полковникъ. Такъ досидѣли они до первыхъ звѣздъ, когда служанка принесла свѣчи и спала накрывавъ на столъ для ужина.

Малычикъ росъ, какъ распушъ всѣ дѣши небогатыхъ купцовъ, хотя родители ему предославили больше свободы, чѣмъ было принято. Феличе огорчалась, что Іосифъ плохо растетъ и будетъ маленькаго роста, нѣсколько утѣшаясь тѣмъ, что онъ все-таки крѣпкаго сложенія, широкоплечъ, имѣетъ высокую грудь, маленькія руки и ноги (какъ у графа) и выразительное, смѣлое лицо. И характеръ имѣлъ смѣливый, предприимчивый и откровенный, не безъ нѣкоторой вспыльчивости впрочемъ. Былъ щедръ, почти распутшеленъ, скоръ на руку и крайне самолюбивъ. Часто, когда Бенно прибѣгалъ домой и съ жаромъ разсказывалъ объ уличныхъ дракахъ, отецъ качалъ головою и полуплутиливо полусерьезно говорилъ: дѣшъ, братъ плохой изъ тебя выйдетъ купецъ! развѣ только мапросъ на торговомъ суднѣ. Ужъ очень ты задоренъ и важенъ, такъ жить нельзя! Мать ласкала сына и радовалась словамъ Бенно, потому что вовсе не считала положеніе купца самымъ выгоднымъ и достойнымъ для своего любимца.

Однажды упрямъ онъ разсказалъ ей удивительный сонъ.

Ему не спалось и сначала на яву онъ увидѣлъ, какъ по темному воздуху двигались и сплелись блестящія голубоватыя фигуры вродѣ шѣхъ, что онъ какъ то замѣнилъ въ учебникѣ геометріи: круги, треугольники, ромбы и трапеціи. Соединялись онѣ въ необыкновенно разнообразныя узоры, такіе красивые, что, казалось, ничего на свѣтѣ не могло быть лучше ихъ, хотя и были они одного цвѣта. Какъ будто вмѣстѣ съ ними носились какіе то инструменшны каменщиковъ, совсѣмъ простые: молотки, отвѣсы, лопашы и циркули. Потомъ онъ заснулъ и очнулся въ большой залѣ, наполненной одними мужчинами, посредиѣ стоялъ большой столъ, какъ на придворныхъ обѣдахъ, съ хоръ раздавались скрипки, флейшы, трубы и контрабасы, а самъ Іосифъ висѣлъ въ воздухѣ, сидя на голубомъ облакѣ.

Внизу, прямо подъ нимъ на маленькомъ столикѣ стоялъ графинъ съ чистой водою и около находился голый мальчикъ съ завязанными глазами, руки его были скручены за спину полотенцемъ. И Іосифъ понялъ, что этотъ пиръ—въ честь его; у него горѣли щеки, онъ чувствовалъ, какъ билось у него сердце, между нѣмъ какъ голубое облако, описывая мелкіе (все мельче и мельче) круги, опускалось прямо на столикъ съ графиномъ. Ему было такъ радостно, что онъ проснулся, но и проснувшись, продолжалъ чувствовать, какъ бьется его сердце и какъ пахнетъ варенымъ краснымъ виномъ, смѣшаннымъ съ анисомъ и розами.

Феличе весь этотъ сонъ поняла попросну и объяснила, что Джузеппе женился на графинѣ, будетъ держать открытый домъ и каждый день обѣдать съ музыкой, которая будетъ играть арии Перголезе. Но кажется, она боялась взглянуть предсказаніе, потому что усиленно просила сына никому не рассказывать объ этомъ видѣннѣ, обѣщая и со своей стороны полный и строгій секретъ.

Вскорѣ послѣ этого сна Іосифъ, гуляя въ отдаленной части города, засмотрѣлся на недавно обспрошенный домъ, съ котораго не успѣли еще снять лѣсовъ. Онъ былъ очень красивъ, въ четыре этажа, выкрашенный въ розовую краску; на крышѣ стояли гипсовыя вазы, вѣроятно, чтобы помѣщать туда вьющіяся цвѣты. На крыльцѣ сидѣла худая женщина съ ребенкомъ. Очевидно, она пришла издалека и нѣсколько дней не бѣла, такъ блѣдно и худо было ея лицо. Нищая не обратилась къ Іосифу, она его не замѣтила, да и пономъ естественнѣе было подумать, что такой маленький мальчикъ едва ли можетъ оказать какую либо помощь, развѣ сбѣгать въ аптеку или полицію. Но у Іосифа всегда почти были деньги. Имѣя доброе и быстрое на рѣшенія сердце, онъ, не дожидаясь обращенія, самъ подошелъ къ сидящей женщинѣ и молча протянулъ ей маленький голубой кошелекъ, гдѣ бречало нѣсколько монетъ, которыя онъ ей и представилъ. Такъ какъ Іосифъ былъ маленькаго

росна, но на видъ ему казалось не больше восьми лѣтъ. Ни-
щая съ удивленіемъ посматрѣла на благошворительнаго мальчуга
въ числомъ синемъ камзолчикѣ и не прянула кошелъка, оче-
видно думая, что деньги не принадлежатъ мальчику или что
онъ самъ не соображаетъ, что дѣлаетъ. Но синьоръ Балъзамо
очень важно замѣнилъ:

— Не безпокойтесь, это мои деньги и сейчасъ онѣ мнѣ не
нужны. Я буду очень радъ, если онѣ вамъ пригодятся.

Женщина разразилась благословеніями и поцѣловала руку Іосифу,
которую тотъ не отдернулъ, но наоборотъ очень охотно
повидимому подставилъ для поцѣлуя. Замѣмъ онъ неспѣша
повернулся и хотѣлъ было уже отправиться домой, какъ вдругъ
увидѣлъ, что его благодареніе не осталось безъ свидѣтелей.

9 У сосѣдняго дома стоялъ высокій молодой человѣкъ въ сѣромъ
плащѣ и внимательнѣе смотрѣлъ на Іосифа. Самъ мальчикъ не
понималъ, что заставило его подойти къ незнакомцу и почти-
тельно приподнять преуголку. Тотъ улыбнулся, но продолжалъ
молчаніе и не двигался. Остановился и Іосифъ. Наконецъ, чело-
вѣкъ въ сѣромъ плащѣ взялъ Іосифа за руку и спросилъ какъ-
то странно:

— Хотѣлъ бы ты имѣть такой домъ?

Мальчикъ не любилъ, когда посторонніе говорили съ нимъ на
ты и приномъ совсѣмъ не былъ приготовленъ къ такому
вопросу. Поэтому онъ промолчалъ и только перевелъ глаза на
розовое зданіе. Незнакомецъ продолжалъ:

— Но насколько прекраснѣе въспрощъ такой домъ, нежели
владѣть имъ.

Мальчикъ все молчалъ.

— Какъ хорошо бы въспрощъ прекрасный свѣтлый домъ ко-
торый вмѣстилъ бы всѣхъ людей и гдѣ всѣ были бы сча-
стливы.

— Дома строятъ каменщики!

— Да, дитя мое, дома строятъ каменщики. Запомни, что
я тебѣ скажу, но забудь мое лицо.

При этомъ незнакомецъ наклонился къ Іосифу, какъ будто именно для того, чтобы поить его лучше разсмотрѣть. Лицо его было прекрасно, и мальчикъ какъ бы впервые понялъ, что есть лица обыкновенныя, уродливыя и красивыя. Молодой человекъ пробормоталъ:

— Какъ ни шарацъ свои глаза, все равно ты позабудешь, чего тебѣ не нужно помнить!

Потомъ выпрямился и началъ нѣсколько торжественно:

— Іосифъ, у тебя доброе сердце и славная голова, смѣлый характеръ и веселый нравъ. Я не говорю о другихъ дарахъ. Никогда не употребляй ихъ во зло другимъ и для достиженія мелкихъ, ничего не стоющихъ выгодъ. Будь расчеплявымъ купцомъ, въ этомъ я согласенъ, пожалуй, съ твоимъ бабюшкой, потому что злодѣйство въ концѣ концовъ есть вещь невыгодная для самого злодѣя и ни къ чему доброму не приводитъ. У тебя же большой, огромный путь! Ты даже самъ не предполагаешь, какая участь тебѣ готовится.

10

Мальчикъ вдругъ замѣтилъ:

— Нужно много учиться!

— Да. Ты будешь учиться, но никогда не забывай двухъ самыхъ вѣрныхъ учителей.

Тутъ онъ положилъ одну свою руку на сердце Іосифа, другую поднявъ къ небу.

— Это—природа и чистое сердце. Они тебя научатъ вѣрнѣе и лучше многихъ книгъ!

Молодой человекъ поцѣловалъ мальчика и быстро ушелъ, а Іосифъ никому не рассказывалъ о своей встрѣчѣ, но когда старался вспомнить лицо незнакомца, то никакъ не могъ воспроизвести въ своей памяти его черты. Осталось впечатлѣніе только чего-то необыкновенно прекраснаго и милосерднаго. И потомъ еще Іосифъ былъ увѣренъ, что всегда узналъ бы этого человека, гдѣ бы и когда бы онъ ни встрѣтился еще разъ.

Нѣскольکو снранно, что у Іосифа послѣ этого случая, появилась и быстро снала развивающяся повншенная религіозность. Онъ не пропускалъ ни одной службы и наконецъ попросился у родителей въ монастырь „маленькихъ бранцевъ“, находившійся неподалеку отъ ихъ дома. Такъ какъ Іосифъ не высказывалъ желанья поснпригаться, а хотѣлъ только жить въ монастырѣ, гдѣ жило на такихъ же условіяхъ еще нѣскольکو мальчиковъ и молодыхъ людей, то супруги Балъзамо его отпустили, шѣмъ болѣе, что Феличе помнила про возможность для ея сына сдѣлаться кардиналомъ, а Пьетро рассуждалъ такъ, что все равно, гдѣ учинься, лишь бы учинься, а изъ монастыря онъ можетъ взять обратно Іосифа въ любую минуту, когда тотъ понадобится.

3.

Іосифъ учился довольно прилежно, особенно приснраснившись къ химіи и такъ называемымъ тайнымъ наукамъ, въ которыхъ былъ доснпаточно опытенъ братъ Пуццо, и предложившій молодому Балъзамо отпратитьсь съ нимъ на островъ Мальту. Іосифу было уже двадцать три года, а онъ не только ходилъ еще, къ огорченію своихъ родителей, холоснымъ, но даже не имѣлъ, повидимому, никакихъ любовныхъ связей. Въ городѣ по этому поводу были разныя невѣрные и смѣшныя слухи, но у „маленькихъ бранцевъ“ знали навѣрное, что Іосифъ ведетъ себя цѣломудренно, отдавая все время отпававшееся отъ занятій прогулкамъ за городомъ и проснымъ играмъ.

Вмѣстѣ съ Іосифомъ и братомъ Пуццо на Мальту отпратился еще кавалеръ д'Аквинно, старинный еще знакомецъ добраго монаха, очень скоро подружившійся съ молодымъ Балъзамо, не смотря на разницу въ лѣтахъ. Кавалеру о ту пору было лѣтъ

подъ сорокъ; онъ имѣлъ мягкія, вкрадчивыя манеры, пріятный голосъ, интересовался тайнами природы, магнетизмомъ, велъ замкнутый образъ жизни и считался человѣкомъ очень богатымъ. Къ Іосифу онъ отнесся такъ, какъ будто тотъ былъ ему кѣмъ-нибудь заранѣе рекомендованъ съ самой лучшей стороны. Іосифа это не удивляло, такъ какъ онъ былъ нѣсколько легкомысленъ и принималъ ласковое обращеніе и участіе какъ нѣчто должное. Впрочемъ, кавалеръ былъ повидимому такимъ добрымъ и достойнымъ человѣкомъ, что могъ бы пріобрѣсти довѣріе кого угодно, не только двадцати-пятилѣтняго юноши, не видавшаго ничего на свѣтѣ, кромѣ своего Палермо.

Іосифъ отправился въ путешествіе въ свѣтскомъ платьѣ, причемъ кавалеръ наспоаялъ, чтобы онъ принялъ отъ него извѣстную сумму денегъ, какъ прибавку къ ассигнованнымъ ему на обмундированіе отъ родителей, и одѣлся, не торгуясь и не соблюдая излишней экономіи.

Бальзамо обрадовался неожиданному подарку, такъ какъ оплачивался прислуживаніемъ къ щегольству, хотя часно ходилъ небрежно и даже неряшливо одѣтымъ.

Родители сердечно простились съ сыномъ и самъ онъ отъ души прослезился, махая платкомъ и смотря, какъ все уменьшался гористый берегъ и все шуманиѣ спанивался родимый городъ. Но долго ли можетъ грустить молодой человѣкъ съ живымъ характеромъ, любознательнымъ умомъ и легкимъ сердцемъ, впервые отправляясь въ далекое плаваніе, особенно, когда онъ увѣренъ, что не только жизнь и продовольствіе, но и извѣстныя развлеченія обезпечены ему кошелькомъ преданнаго и состоятельнаго друга?

Конечно, оспровъ Мальва и образъ жизни рыцарей не очень подходили человѣку, ищущему веселаго времяпровожденія, и болѣе напоминающъ мѣсто, куда ѣздятъ поучаться и брать примѣръ строгой и духовной жизни, но такъ какъ Іосифъ, повсюду, ничего еще не видѣлъ и кромѣ того имѣлъ искреннее и сильное влеченіе къ занятіямъ, то онъ очень радовался и путеше-

ресовался всѣмъ успроисшвомъ и жизнью ордена и завелъ много знакомствъ, насколько пріятныхъ и поучительныхъ, настолько и могущихъ быти полезными впослѣдствіи. Кавалеръ Аквино, вѣроятно, принимая въ соображеніе молодость своего спутника и боясь, чинобы онъ все-таки не соскучился на рыцарскомъ островѣ, предложилъ ему проѣхаться въ Испанію, на что Іосифъ, конечно, съ радостью и согласился. Бранъ же Пуццо остался на Мальтѣ.

13 Море производило на Іосифа необыкновенное впечатлѣніе. Несмотря на то, что все его путешествіе состояло изъ коротенькаго переѣзда съ Сициліи на Мальту и болѣе значительной, но тоже небольшой переправы съ острова на Испанскій материкъ,—ему казалось, глядя на широкія блестящія волны и пынныя борозды корабля, что онъ объѣхалъ чуть не весь міръ, побывалъ и въ Турціи, и въ Египтѣ, и на Родосѣ.

Ночи были безлунны, но все небо было засыпано звѣздами, какъ золотыми зернами. Часомъ на палубѣ кавалеръ бесѣдовалъ съ Балъзамо. Откинувъ назадъ голову, какъ онъ имѣлъ привычку дѣлать, исполненный блестящихъ плановъ, Іосифъ говорилъ:

— Какія звѣзды, синьоръ! и это все міръ, въ сотни разъ большіе чѣмъ наша планета. А сколько солнечныхъ системъ! Какъ міръ огроменъ, таинственъ и прекрасенъ! И подумаешь, что человѣкъ, пылинка, можетъ пріобрѣсти власть надъ всѣми вселенными. Сказавъ: «стой солнце!» и оно остановилось. Можно умерить опять восшорга, сознавая все величіе человѣческаго духа!

— Ты—дѣвенокъ, Іосифъ! говорилъ кавалеръ, а Балъзамо, не опуская головы, широко разводилъ руками, будто хотѣлъ заключить въ объятія весь звѣздный куполъ, всѣ земли, и море, и палубу, и кофейный столикъ, на которомъ дымилась чашка и желѣбла рюмка съ ромомъ, такъ какъ Балъзамо до такой степени пристрастился къ кофею, что не могъ и часу существовать безъ него.

— Я завоюю весь міръ! воскликнулъ Іосифъ послѣ молчанія.

Кавалеръ посмотрѣлъ на него удивленно. Тотъ продолжалъ медленно, словно читая въ небѣ написанныя слова:

— Я овладѣю силами природы, земными, водяными, огненными и воздушными! Я овладѣю сердцами людей, ихъ душами, ихъ волею. Я сдѣлаюсь могущественнѣе Цезаря, Александра и Тамерлана — и на землѣ насанетъ благослѣ, миръ и кротость!

— Ты овладѣешь прежде всего самимъ собою, своими страстями и желаніями и освободишь свой духъ.

— Да, конечно! отвѣтилъ Іосифъ уже обычнымъ тономъ и принялся за кофею.

— Поэтому что это большое искушеніе — власть, особенно 14
власть духа. Одно изъ трехъ искушеній Іисусу.

— Но я чувствую въ себѣ такую силу!

— Сила въ тебѣ велика, тѣмъ оснорожнѣе нужно съ нею обращаться. И тономъ не слѣдуетъ забыватьъ повинновѣ. Кто не умѣетъ повинновѣсь, едва ли сможетъ повелѣвать.

— Развѣ я когда-нибудь нарушалъ послушаніе? — спросилъ Іосифъ, ласково беря за руку Аквино. Тотъ задумчиво посмотрѣлъ за бортъ.

— Іосифъ, тебѣ предстоитъ великая будущность, но и великія испытанія, но Богъ тебѣ поможетъ.

Бальзамо пряхнулъ волосами, будто онъ былъ такъ увѣренъ въ своихъ силахъ, что почти не нуждался въ помощи, и ничего не отвѣтилъ.

Кофею уже прослѣлъ, ромъ былъ вынутъ, на синемъ, синемъ небѣ будто воочию вращался звѣздный кругъ; опъ Юпитера шелъ блѣдный сполбъ въ водѣ, разбиваемый ночной рябью и пенный, почти удушливый вѣтеръ доносилъ широкими поноками изрѣдка горьковатый запахъ померанцевъ. Они приближались къ Испаніи.

Шелъ уже второй годъ, какъ уѣхалъ Іосифъ и все не возвращался. Старый Балъзамо схватилъ гдѣ-то злокачественную лихорадку, которую не выдержалъ его уже не крепкий организмъ. После смерти мужа, Феличе сама вела торговлю, расплашилась съ кредиторами и наняла знающаго приказчика. Но, конечно, она думала, что было бы гораздо лучше, если бы скорее вернулся сынъ и взялъ все въ свои руки. Особенно теперь, когда она и сама свалилась съ ногъ и совершенно не знала, какъ окончится ея болѣзнь. Съ отъѣздомъ Іосифа и смертью стараго Пьетро, сами комнаты спали какъ-то тише, меньше и казались болѣе пыльными и запахлыми. Феличе лежала на той же кровати, гдѣ родился Іосифъ, покрывая тѣмъ же одѣяломъ, и печально думала о своей одинокой теперь жизни и, можетъ быть, близкой смерти. Вдругъ она услышала, какъ брякнуло кольцо у входной двери, еще разъ, еще... слышѣе — и въ комнату быстро вошелъ коренастый молодой щеголь такихъ лѣтъ, когда уже нужно браться черезъ день. Онъ быстро подошелъ къ кровати, отдернулъ пологъ.

— Джузеппе, дитя мое!

— Милая мама, добрый день.

Феличе смѣялась и плакала, осыпала сына поцѣлуями, разсматривала его лицо, носъ, глаза, губы, даже ощупывала, какъ слѣдая. Іосифъ смахнулъ слезу и началъ рассказывать свои странствія, но, казалось, Феличе ихъ не слушала, а только смотрѣла на это лицо, на эти глаза, будто она завтра же должна была ихъ потерять и хотѣла теперь насмотрѣться досыта. Сердце ее не обмануло: она не увидѣла больше сыновняго лица радостно и спокойно, а если и замѣчала его, то въ разодранныхъ видѣніяхъ предсмертныхъ мукъ, потому что бѣдная женщина умерла въ ту же ночь, словно ея организмъ не выдержалъ радости. У нея было спокойное и довольное выраженіе,

какъ у человека, копорвій дождался хозяина, заперъ двери, передалъ ключъ владѣльцу и мирно ушелъ домой.

Джузеппе не былъ хозяиномъ, копорвій вернулся въ насиженный домъ. Непосѣдливоснѣ, любопытство и стремленіе къ знанію, увлекали его далѣе. Впрочемъ, это желаніе поддерживалъ въ немъ и кавалеръ Аквино, прѣхавшій съ нимъ въ Палермо. Ликвидировавъ родителъскую торговлю и снявъ положенный трауръ, Іосифъ отправился въ Римъ снабженный рекомендательнымъ письмомъ къ графу Орсини. Это было весною 1768 года.

Папскій Римъ, несмотря на духовный санъ государя, жилъ весело и свободно. Іосифъ бѣгалъ первые дни какъ сумасшедшій, осматривая памятники языческой и папской старины, пѣнясь пышностью богослуженій и процессій, или глядя черезъ окна кофеенъ на суетящійся и будно всегда карнавалный народъ.

Бывалъ онъ только у графа Орсини, не прерывая заброшенныхъ было первое время по прѣздѣ занятій. Кромѣ общей неспрѣмы и оживленности улицъ, его не мало привлекали окна магазиновъ, ремесленныхъ заведеній, гдѣ, казалось, были выставлены предметы, свезенные со всѣхъ концовъ міра. Жаръ не былъ особенно жестокъ и позволялъ Іосифу гулять по городу даже въ нѣ часы, когда римляне по привычкѣ отдыхаютъ послѣ обѣда.

Однажды, проходя по эспрадѣ Пеллегрини, Іосифъ замѣтилъ въ окнѣ одного литейщика чугунное кольцо, украшенное старинными эмблемами, напомнившими ему его давнишній сонъ. На порогѣ стояла дѣвушка лѣтъ пятнадцати, съ веселымъ и живымъ лицомъ, озабоченно и удивленно глядя на замѣшканнаго молодого человека. Она спросила, не можетъ ли чѣмъ служишь синѣору, причемъ шутъ же прибавила, что отца, Іосифа Феличѣяни, въ лавкѣ нѣтъ, а она сама, дочь его—Лоренца. Балъзамо представился въ свою очередь и спросилъ насчетъ кольца. Лоренца сказала, что она не знаетъ, за сколько

отецъ продасть эту вещь и чѣмъбы, если господину не трудно, онъ зашелъ завтра утромъ.

— Тогда отецъ будетъ здѣсь и вы съ нимъ потолкуете.

— Хорошо. И синѣора Лоренца будетъ завтра тутъ?

— Синѣора Лоренца? не знаю. Развѣ это васъ интересуесть? Имѣйше въ виду, что синѣора Лоренца прекапризное существо и никогда не можетъ сказать, что она будетъ дѣлать черезъ минушу.

— Будемъ надѣялись, что завтра мы увидимся. Итакъ, до завтра.

Лоренца сморщила носъ и присѣла, причемъ Іосифъ замѣнилъ, что дѣвушка немного хромаетъ на лѣвую ногу. Давъ покупателю опойши нѣскольکو шаговъ, она окликнула его:

17 — Послушайше, господинъ въ зеленомъ кафтанѣ! Вы не думайше, что я совсѣмъ глупая дѣвочка и меня можетъ прегеспи любой молодчикъ. Миѣ уже пятнадцать лѣтъ и я отлично понимаю, что вы вовсе не Балъзамо и даже не Іосифъ.

— А кто же я по вашему?

— Вы—графъ!

— Отлично. Какъ же моя фамилія?

— Фамилія? ахъ.. да.. фамилія. Ну, хотя бы Каліоспро.

— Почему же именно Каліоспро?—спросилъ Іосифъ, раздувая щеки отъ смѣха.

— Не смѣйтесь, пожалуйста. У меня есть пенка Каліоспро.

— Графиня?

— Ахъ, нѣтъ! Если бы она была графиней!

— Что же бы тогда было?

— Я была бы графининой племянницей! Нѣтъ, правда, вы не опирайтесь, что вы—графъ. Я это вижу по глазамъ. Только вы—скупы, и думаю, что отецъ возьметъ съ васъ дороже за то, что вы—графъ, скрываете свой титулъ. Вотъ и все! Но я васъ выдамъ папѣ, будьте увѣрены.

— Какъ вамъ угодно. До свиданья, синѣора Лоренца.

— До завтра, графъ.

— Каліостро?

— Каліостро.

Оба разсмѣялись, но на слѣдующее утро Лоренца, дѣйствительно, представила Балъзамо, какъ графа Каліостро, и лицейщикъ даже спалъ разспрашивать, не въ родствѣ ли молодой человекъ съ ихъ теткой Цезариной Каліостро. Кольцо Іосифъ купилъ, но на слѣдующее утро пришелъ на эспраду Пеллегрини опять, уже въ качествѣ простаго знакомаго. Лоренца въ одинъ изъ визитовъ Іосифа сказала:

— Синьоръ графъ, у меня есть къ вамъ маленькая просьба.

— Въ чемъ дѣло, синьора?

— Скоро наступитъ карнавалъ, любимое мое время... Я всегда гуляла съ нашимъ знакомымъ мѣдникомъ Труффи, но онъ такъ лѣнивъ, безполковъ и неповоротливъ, что это означало для меня почти всю прелесть веселой прогулки... Вотъ если бы... впрочемъ, это слишкомъ большая для меня честь!..

— Вы хотите, крошка, чтобы я васъ сопровождалъ во время карнавала?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я просно такъ сболтнула... я не подумала. Не обращайтесь вниманія.

Лоренца притворно краснѣла, опускала глаза, стыдилась, но по лукавой улыбкѣ видно было, какъ ей хотѣлось, чтобы Балъзамо понялъ ее и самъ предложилъ свое общество для веселыхъ дней масленицы. Лоренца присѣла и прибавила:

— Благодарю васъ, ваше сіятельство, благодарю васъ! Я постараюсь достать себѣ костюмъ, достойный васъ.

5.

Лоренца была прелестна въ красной маскѣ; широкое зеленое платье „графини“, какъ она выразилась, дѣлало почти неза-

мѣшнымъ ея хромоту, и Іосифъ, которому все-таки было только двадцать пять лѣтъ, съ удовольствіемъ взялъ дѣвушку подъ руку.—и они отправились по улицамъ, сплошь наполненнымъ маскированной, кричащей, поющей толпой. Все пѣло, кувыр-калось, цѣловалось, ленивы взлетали въ воздухъ, пепарды прещали, свиски, гремушки, прещотки, барабаны раздирали уши. и на минушку, когда они вдругъ разомъ стихали, слышались струны гитаръ, будто кто въ бочку сыпалъ крупный горохъ, а въ ней гудѣлъ фаготомъ майскій жукъ. Выпущенные разноцвѣтные пузыри съ веревками лепѣли, цѣпляясь и шѣкаясь въ балконы, украшенные старыми коврами, кусками парчи и цвѣтными одѣялами. Надувая щеки, трубилъ арлекинъ передъ балаганомъ, а на занавѣси другой, громадный, манернымъ пальцемъ указывалъ на входъ. «Алина, королева Голконды», «Посрамленный Труфальдино», «Сундукъ бѣдствій». Ребята грызли куполъ с. Пепра выписанный на большихъ коричневыхъ пряникахъ; собаки лая ондыхали въ антракшѣ, съ красными колпачками на ученыхъ головахъ. Обезьяна вычесывала сверху блохъ на маскированныхъ дамъ, бросавшихъ въ нее объѣдками яблокъ. Ракета! разсыпалась розой, роемъ разноцвѣтныхъ родинокъ, рождая радостный ревъ ропозѣвъ. Колеса кружились, качели, коньки, юбки парусомъ, чулки, полоски шѣла надъ ними. Кто-то качается высоко верблюжьей морду, какъ насосъ. Всѣ шарахаются разомъ, будто самъ Климентъ XIII пастырскимъ помеломъ перегоняетъ паству съ мѣсна на мѣсно. Съ горы льется ручей, пестрый, словно кухарка вылила ведро, гдѣ куски и шоманъ, и моркови, и зеленого лука, капуциновъ, свеклы и красного перца и жирная жидкость. Ахъ, серенада въ бесѣдкѣ! а она на слонѣ двигается, будто сейчасъ всѣхъ раздавитъ. Трескъ вѣтеровъ.—арлекинъ сдѣлалъ неприличный жестъ. Блестящъ глаза и гусно хрустальный смѣхъ исчезаетъ въ повечерѣвшемъ небѣ. Загорѣлись фоншаны. Кавалеры брызжутъ на пискливыхъ маркизъ и китаянокъ. Бубенчики. Лопаются трико. Все шемѣ. Видень мѣсяцъ. Гдѣ же мечеть? Онъ одинъ повисъ безъ минарета. Съ

Палатина помянуло свѣжей землею и травой. Прощай, день! Сосѣднее Ave Maria звякаетъ, какъ мирное спадъ. Облако такъ тихо сползаетъ, будто бы не знаетъ, плыветъ ли дальше, или вернется, или какъ бѣлый подолъ опустился на площадь.

Лоренца, распрепанная, помятая, счастливая, возвращалась медленно домой подъ-руку съ Іосифомъ. Они тихонько переговаривались, вспоминая проведенный день: какъ они ѣли мороженое, рубцы и пряники въ палаткѣ, пили желтое орвеето, какъ сморѣли фантошей, гдѣ деревянная королева была убиена дубинкой за невѣрность, какъ имъ гадалъ астрологъ, какъ къ Лоренцѣ приспалъ монахъ съ носомъ въ полтора аршина и въ шелковыхъ, вышитыхъ золотомъ чулкахъ; какъ собачкѣ отдавили лапу: она ее поджала, а директоръ успокаивалъ публику, говоря, что теперь пострадавшей въ нѣкоторомъ отношеніи будетъ удобнѣе: не нужно будетъ упреждать себя поднимать лапку. И все, все,—всѣ мелочи они вспоминали, будто дѣти или влюбленные.

Лоренца шла, снявъ маску и болтая ею на ходу. Глаза ея были задумчивы и нѣжны, а мушка со щеки съѣхала совсемъ къ ноздрѣ, придавая лицу смѣшной и трогательный видъ. Она нѣсколько печально говорила:

— Вотъ и прошелъ день и раньше будущаго года не вернется, да вернется уже не такимъ же. Я буду старше, не буду васъ, мало ли что можетъ измѣниться? Вы понимаете, какъ грустно, когда что-нибудь кончается? И я уже не графиня! Я очень глупая и, можетъ быть, вѣтренная мечтательница, но вотъ я часто мечтаю... Вы не смѣйтесь, я этого никому не говорю, а между тѣмъ я должна это сказать, иначе я лопну... Миѣ бы хотѣлось не то, что быть богатой или знатной, а бывать ими... Всегда, это скучно! А такъ: сегодня богатая княгиня, завтра поденщица, послѣзавтра монахиня... Можетъ быть, я рождена быть картежницей или актрисой. Я вѣдь очень веселая и выносливая... Или авантюристкой! Но одной скучно! И потомъ я обожаю путешествія. Вы счастливы, всего такъ

много видѣли. А миѣ ужъ пятнадцатѣ лѣтъ, а между тѣмъ я никуда не выѣзжала изъ Рима,—вѣдь это же ужасно! Но что объ этомъ толковать!.. Судьба не всегда о насъ зависитъ. Простите, что я такъ болтаю. Гдѣ же это вамъ интересно... Иосифъ пробормоталъ какую-то любезность и поцѣловалъ руку у дѣвушки. Больше они не говорили, тѣмъ болѣе, что дошли уже до дома Феличѣяни.

Черезъ нѣсколько дней лавку на эспрадѣ Пеллегрини посѣтилъ графъ Орсини и долго бесѣдовалъ съ хозяиномъ, причемъ они заперли двери и Лоренцу выслали на улицу. Хотя дѣвушка ничего противъ этого не имѣла, но все-таки ей показалось, что отецъ съ гостемъ совѣщаются что-то ужъ очень долго. Наконецъ они вышли. Старый Феличѣяни долго смотрѣлъ въ слѣдъ уходившему графу Орсини, не накрывая головы шляпой, потомъ обратился къ Лоренцѣ:

— Ну, стрекоза, можешь себя поздравить.

— Не знаю, съ чѣмъ! отвѣтила дочь, пожимая плечами.

Отецъ объяснилъ ей, что графъ приходилъ въ качествѣ свата отъ Иосифа Балъзамо, и что онъ, Феличѣяни, далъ свое согласие, такъ что теперь дѣло только за нею. Лоренца, вспыхнувъ, воскликнула:

— Вотъ я и буду графиней! Но какой плутокъ этотъ вашъ молодой человекъ! хотѣ бы слово миѣ шепнулъ.

Феличѣяни, конечно, не очень охотно отдавалъ Лоренцу за человека, который не имѣлъ никакого мѣста, не занимался никакимъ ремесломъ, ни искусствомъ и не получилъ наслѣдства, но Орсини объяснилъ ему, что Балъзамо готовился къ ученой дѣятельности и что на первыхъ порахъ ему будутъ помогать друзья, такъ что молодая чета не только не будетъ ни въ чемъ нуждаться, но даже будетъ жить въ полномъ довольствѣ. Дѣвушка радовалась, хотя и не была влюблена въ Иосифа, такъ что, пожалуй, этотъ послѣдній болѣе неспѣшливо ждалъ свадьбы, которая и произошла 20 апрѣля 1768 года въ церкви св. Маріи на горушкахъ.

Лоренца и слышатъ не хотѣла, что Балъзамо не графъ Каліостро, говоря, что ей ея мечты и фантазіи дороже какихъ-то тамъ полицейскихъ бумагъ. Іосифъ не слишкомъ горячо убождалъ, до такой степени привыкнувъ къ своему графству, что когда иногда въ минуты нѣжности жена называла его „Балъзамчикъ мой!“ онъ совершенно серьезно хмурилъ брови и думалъ, кого имѣешь въ виду графиня. Чтобы совсѣмъ не походить на Іосифа Балъзамо, онъ даже измѣнилъ свое имя, называя себя и подписываясь: „Александръ, графъ Каліостро“. Впрочемъ, онъ вообще любилъ инкогнито и псевдонимы, зовясь еще графомъ Фениксомъ и графомъ Гара, но это было въ послѣдствіи. Молодые жили еще восемь лѣтъ въ Римѣ. Каліостро укрѣплялъ свое знаніе, силу и мудрость подъ опытнымъ руководствомъ. Лоренца немного выѣзжала, посѣщала театры и прогулки, нашла себѣ платьевъ, но все-таки была очень рада, когда мужъ объявилъ ей въ 1776 году, что имъ предстоитъ отправиться въ Лондонъ. Предъ Лоренцой уже рисовалась жизнь, полная превратностей, приключеній, величія и паденій, о какой она мечтала въ тотъ далекій день карнавала.

22

6.

Они пріѣхали въ Лондонъ яснымъ іюльскимъ днемъ. Солнце доспапочно грѣло, и улицы были, пожалуй, оживленнѣе, нежели въ Римѣ, такъ что не будь небо такъ блѣдно, будто хорошо вымытый голубой синець, и толпа не такъ молчалива, можно было бы подумать, что они не покидали благословенной Италіи. Лондонскій народъ иногда и шумѣлъ, но это не былъ веселый гулъ южной площади, а брань и плачь и выкрики закопѣлыхъ оборванцевъ, голодныхъ дѣтей въ слишкомъ длинныхъ сюртучкахъ и поломанныхъ шляпахъ, да накрашенныхъ женщинъ, шѣснив-

щихся у самых стѣнокъ и одѣльных такъ, будто каждая часть ихъ туалета была выжжена мусорщикомъ изъ герцогскихъ помойныхъ ямъ, гдѣ она пролежала съ полгода. Онѣ держались робко и молча, только временами произительно переругиваясь между собою или съ проходившими масперовыми. Впрочемъ, далѣе опѣ старыхъ кварталовъ улицы дѣлались шире, неболѣшіе домики, обвитые хмѣлемъ съ широкими низкими окнами имѣли, не смотря на то, что были крашены въ темную краску или построены изъ некрашеннаго кирпича, довольно уютный и привѣтливый видъ. Около многихъ изъ нихъ были насажены кусты бузины и разбиты огороды съ цвѣтами и хозяйственными правами, на окнахъ висѣли клѣшки съ канарскими птичками и внутри почти въ каждой комнатѣ былъ виденъ большой, занимавшій чуть не четверть всего пространства, очагъ съ котелкомъ.

Въ одномъ изъ такихъ домовъ на Whircombstreet'ѣ и поселился Каліостро, снявъ верхній этажъ у миссъ Жульетты.

Каліостро минуло тридцать три года. Онъ придавалъ большое значеніе этому обстоятельству, думая, что это—время его выступленія на историческую арену и считая жизнь до этого года лишь за подготовку, да и то можетъ быть доспащную, къ этому шагу. Въ Лондонѣ онъ былъ посвященъ въ масонской ложѣ „Надежда“. Это не была аристократическая ложа, но скромное содружество, состоявшее главнымъ образомъ изъ живущихъ въ Англіи французовъ. Каліостро выбралъ именно эту ложу, не имѣя доспащныхъ связей въ Лондонѣ и, можетъ быть, желая болѣе замѣтнымъ образомъ проходить первыя ступени, будучи единственнымъ шипулованнымъ лицомъ въ этомъ обществѣ. Кромѣ того онъ не могъ не видѣть, что въ смыслѣ практическихъ знаній и способностей къ изученію природныхъ тайнъ и магіи онъ превосходитъ многихъ, кто стоялъ выше его въ ложѣ „Надежда“. Дома онъ продолжалъ занятія химіей и математикой, дѣлая опыты надъ увеличиваніемъ алмазовъ и стараясь проникнуть въ систему азартныхъ игръ. Кромѣ

ного онъ изслѣдовалъ высшую гигиену, которая давала бы возможность организму периодически возстановляться и противо-
дѣйствовать вліянію времени, для чего каждый мѣсяць два дня онъ налагалъ на себя строгій постъ и строгое уединеніе, даже не прибѣгалъ къ любимому имъ кофею и обществу Лоренцы. Дѣйствительно, графъ былъ очень моложавъ и въ свои тридцать при года казался двадцатидвухъ-лѣтнимъ юношей, хотя и страдалъ при невысокомъ ростѣ нѣкоторою тучностью.

Лоренцу послѣдніе опыты мужа интересовали больше всего, и хотя она была на десять лѣтъ моложе Калиостро, она часто просила его послѣ ежемѣсячнаго двухдневнаго заповорничества передать и ей часть животелъной силы.

Графъ, улыбаясь, сжималъ ей голову обѣими руками, потомъ проводилъ ладонями по ея лицу, шеѣ, плечамъ и груди, увѣряя, что ей еще рано прибѣгать къ чудеснымъ средствамъ. Лоренца чувствовала нѣкоторую теплоту и словно уколы въ крови отъ прикосновеній мужа, но для вѣрности бѣлилась, припиралась и румянилась напропалую. Впрочемъ, маленькая, съ занятою мордочкой, веселыми ужимками, она и теперь похожа была на дѣвочку.

Лоренца была не совсѣмъ довольна жизнью въ Лондонѣ, она совсѣмъ не такъ себя ее представляла въ своихъ мечтахъ. Согласитесь сами, довольно скучно живой молодой женщиной сидѣть цѣлыми днями въ маленькомъ домикѣ и, надѣвши наряды, смотрѣть на капустныя гряды, межъ тѣмъ какъ мужъ все время проводитъ въ лабораторіи или ходитъ по масонскимъ собраніямъ, осматривая ее безъ вниманія. Дѣлу помогла миссъ Жульета, хозяйка дома. Видя, что пріѣзжіе досадно богаты и что Лоренца скучаетъ и, можетъ быть желая приспосовить своихъ знакомыхъ, она предложила Калиостро взятьъ себя секретаря и компаньонку супругѣ. У миссъ Жульеты какъ разъ была въ виду подходящая пара: г-жа Блевари и сирѣчь Вителлини. Первая была раззорившейся португалкой, второй — проигравшимся любителемъ химіи.

— Какъ разъ для васъ! орапорспивовала миссъ Жульета. — Мисприссъ Блевари знаетъ Лондонъ, какъ свои пять пальцевъ, и видѣла лучшіе дни; это настоящая лэди! она васъ не унижитъ своимъ обществомъ. Мистеръ Випеллини честнѣйшій малый, онъ бѣденъ, это правда, но со всякимъ можетъ случиться несчастье. Онъ хорошо пишетъ и, какъ и графъ, интересуется химіей. Онъ будетъ вамъ полезенъ, увѣряю васъ. Это доброе дѣло, повѣрьте. Къ тому же они ваши соотечественники. — Хорошая миссъ Жульета и португалку причислила къ дочерямъ Италіи. Хозяйка совершенно напрасно пратила свое краснорѣчіе, потому что графъ и графиня ровно ничего не имѣли противъ ея протеже, и на слѣдующее утро Лоренца, выйдя въ залу, увидѣла сидѣвшими у дверей двѣ спранныя фигуры. Графиня всплеснула руками и, воскликнувъ: — вотъ такъ уроды! — не отвѣчая на низкіе поклоны, бросилась за мужемъ.

Знавшая лучшіе дни, мисприссъ Блевари оказалась маленькимъ, толстымъ существомъ съ усами, какъ у жандарма, чернымъ какъ нечищенный сапогъ, одѣтымъ въ красную робу, зеленую шляпу и лиловые чулки. Ея толстыя кривыя ноги висѣли, не доходя до полу; онъ пудры, кошорая обильно осыпалась на ея выступающую грудь и почти такъ же выдающуюся спину. Лицо ея казалось еще чернѣе и усы задорнѣе, пальцы были въ кольцахъ съ крупными цвѣтными стеклами. Около нея еле сидѣла задыхающаяся толстая москвичка, высуня языкъ, раскорячивъ ноги и все время чихая. По другую сторону двери оспорожно, согнувшись въ три раза, сидѣлъ спарикъ въ зеленыхъ очкахъ и съ зеленымъ козырькомъ надъ глазами. Онъ нюхалъ табакъ и тоже поминутно чихалъ, спараясь дѣлать это не въ разъ съ москвой.

Лоренца, введя Калиоспро, снова всплеснула руками и сѣла на диванъ отъ смѣха. Уроды встали и низко поклонились. Графиня, преодолевъ смѣхъ, подбѣжала къ мисприссъ Блевари и быспро заговорила:

— Никогда не снимайте этого плаща, дорогая синбора, никогда. Мы такъ будемъ ѣздить по городу, и ваша душка мосенбка съ нами! какъ ее зовутъ? Психея? прекрасно! Мы ѣ будемъ казаться, что всегда карнавалъ! Иногда и синборъ Вишеллини будетъ насъ сопровождать (шутъ любитель химіи и Психея разомъ чихнули). Мы весь Лондонъ сведемъ съ ума!

И она спала крупный португалку. Москва не двигалась вслѣдъ за ними, только чихала всякій разъ, когда онѣ кружились около нея. На слѣдующее утро Вишеллини перевезъ свой чемоданъ, а Блевари свой сакъ, гдѣ была испанская шаль, кашанбеты, двѣ бутылки хересу, молитвенникъ и три рубашки, и семейство графа увеличилось двумя персонами, не считая Психеи.

26

7.

У Вишеллини было много свободного времени, которое онъ проводилъ обыкновенно въ кабачкѣ 'Трехъ киповъ', гдѣ былъ давнишнимъ завсегдатаемъ и имѣлъ много друзей. Увидѣвъ, что 'любитель химіи' не слишкомъ полезенъ при опытахъ, Калиостро пользовался имъ для посылокъ, но и на это дѣло 'честнѣйшій малый' оказался мало пригоденъ, такъ какъ постоянно пропадалъ и возвращался домой ночью съ помутившеюся памятью и преувеличеннымъ сознаниемъ собственнаго достоинства.

Желая помочь своимъ соумышленникамъ въ случавшихся иногда денежныхъ затрудненіяхъ, онъ имъ посоветовалъ обратиться къ графу Калиостро, говоря, что тотъ 'человѣкъ богатый, добрый и при томъ 'философъ', слѣдовательно не будетъ очень разбираться, правду ли говорятъ просители. Между другими былъ косоглазый мистеръ Скопъ и нѣкая Мэри Фрей, которымъ Вишеллини долго не говорилъ о графѣ Калиостро. Наконецъ, у нихъ дошло дѣло до того, что прямо хотѣ полѣзай въ петлю.

Тогда Вишеллини открылъ и этимъ своимъ пріятелямъ о добротѣ своего патрона.

На ихъ несчастьѣ у Каліостро въ данную минуту не было денегъ, онъ ждалъ присылки изъ Рима. Мэри Фрей, назвавшаяся для большей простоты супругой миссера Скоппа, сдѣлала печальное лицо и медлила уходить. У нея было пріятное откровенное лицо съ свѣтлыми глазами и нѣсколько большимъ рпомъ, въ данную минуту завуаленное досадою и озабоченностію.

Каліостро постоялъ нѣсколько минутъ, угѣшая гостью, но печаль не сходила съ ея физиономіи. Мэри сидѣла, опустивъ глаза и готова была заплакать.

27 — Ну, такъ я пойду. Простите, что я васъ беспокоила, графъ. Благодарю васъ за доброту... и она, пошашнувшись, оперлась на спинку кресла, будто, чтобы не упасть. Графъ далъ ей стаканъ воды и о чемъ-то задумался, смотря, какъ Мэри жадно глотала и повидимому не собиралась уходить.

— Вы очень огорчены, миссрисъ Скоппъ, очень нуждаетесь? Мэри молча развела руками.

— Я вамъ могу пожалуй помочь. Вы играете на королевской лотереѣ?

— Я? нѣтъ, сэръ.

— Завтра 14-го Ноября. Поставьте на 1-й номеръ. Если вы не довѣряете мнѣ, то завтра только слѣдите за номерами и провѣрьте мое указаніе. Поставите послѣзавтра на 20-й или 18-го на 55-й и 57-й.

Мэри слушала графа внимательнѣе, но нѣсколько удивленно. Потомъ молвила скорбно:

— Благодарю васъ, но мнѣ нечего спавить, у меня ничего нѣтъ.

— На спавку я вамъ дамъ, сказалъ Каліостро, вынимая два золотыхъ.

— Да наградишь васъ небо, сэръ! сказала Мэри, низко присѣдая, и вышла изъ комнаты. Каліостро долго стоялъ, задумавшись, наконецъ пробормоталъ.

— Нѣтъ, я поступилъ правильно. Если бы я желалъ только провѣрки моихъ вычисленій, кто бы мнѣ помѣшалъ поставитъ самому на данныя номера, но я знаю, что не слѣдуетъ обращать своихъ знаній на корыстныя цѣли, я хотѣлъ сдѣлать доброе дѣло этимъ бѣднякамъ.

Мнимая мисприссъ Скоптъ, не выходя еще изъ дома графа, записала на бумажкѣ указанныя ей графомъ нумера; вечеромъ расплаившись со Стономъ и Вителлини дюжину портера и, убѣдившись, что 14-го ноябрю дѣйствительно выпалъ первый номеръ, 15-го уже поставили на 20-ый. Успѣхъ превзошелъ ихъ ожиданія. 18-го уже всѣ трое поставили всѣ свои деньги и выиграли цѣлое состояніе.

Вителлини хотѣлъ хлопнуть себя по лбу, но угодивъ по зеленому козырьку, тѣмъ не менѣе воскликнулъ:

28

— Ну что? не говорилъ я вамъ, что графъ философъ? Кто же кромѣ философа удержался бы отъ лотереи, зная способъ играть навѣрняка.

— Тогда бы его замѣтили и выслали бы изъ Англіи, замѣтила Мэри Фрей.

— Она права! — добавилъ Скоптъ, — даже намъ, друзья мои, благоразумнѣе играть поочередно, чтобъ не возбуждать подозрѣній. Сначала я, потомъ Мэри, потомъ мистеръ Вителлини.

— Ловко придумано! но какъ же мы будемъ играть, не зная номеровъ?

Скоптъ покосился на говорившую и спросилъ?

— А ты думаешь, онъ больше не скажетъ?

— Можетъ сказать, можетъ и нѣтъ.

— А если его пригласитъ въ долю?

— Нѣтъ, на это онъ не пойдетъ! заявилъ секретарь.

Въ молчаніи нѣкоторое время пиянули портеръ, глядя на потрескивающій каминъ.

— Мисприссъ Скоптъ придется еще разъ сходить и придумать новую исторію, посоветовалъ Вителлини.

— Но разъ онъ колдунъ, онъ узнаетъ, что я вру.

Итальянецъ вдругъ загорячился и зачихалъ, прочихавшись, онъ началъ совсѣмъ не такъ бурно, какъ можно было предположить по вступленію.

— Онъ не узнаетъ. Вы мнѣ повѣрьте. Во всякомъ дѣлѣ есть спеціальность. Онъ колдунъ по угадыванью лотерейныхъ номеровъ, но совсѣмъ дитя въ смыслѣ отгадыванья мыслей. Мое мнѣніе, что разжалобить его можно.

— Ну, хорошо, мистриссъ Скоптъ пойдетъ, но съ условіемъ, — что вы выиграете, половина мнѣ, моя же доля не дѣлится.

Графа не было дома, когда пришла Мэри Фрей. Лоренца, выйдя на голоса, остановилась было въ дверяхъ, но посетительница, быстро что-то сообразивъ, подошла сама къ ней и представилась:

— Мистрисъ Мэри Скоптъ.

29 — Вы къ графу?

Мэри вдругъ заплакала.

— Что вы, что вы, успокойтесь!.. Мистриссъ Блевари, скорѣе соли, я боюсь, что синбора лишится чувствъ.

Едва португалка скрылась, какъ Мэри Фрей заговорила шоропливо:

— Ваше сіятельство... я бѣдная женщина... у меня шрое дѣтей... мистеръ Скоптъ, мой мужъ, ужасный игрокъ и пьяница... я на улицѣ... и шрое малютокъ. Графъ былъ такъ добръ, что уже помогаль мнѣ, но этотъ игрокъ все отнялъ и пропилъ. Я боюсь даже... я такъ счастлива, что встрѣтила васъ... вы можете попросить за меня графа. Вы видите, какъ я мучаюсь... но я боюсь, что графъ не будетъ великодушенъ во второй разъ. О, какое несчастье! Если бы вы видѣли малютокъ, графиня!

Мэри подняла глаза къ небу и осталась такъ, будто въ ней испортился механизмъ и она не могла уже опустить глаза безъ механической помощи. Лоренца была очень взволнована.

— Милая мистриссъ, зачѣмъ вы такъ огорчились. Я увѣрена, что мужъ войдетъ въ ваше положеніе и поможетъ вамъ, чѣмъ можетъ. Я со своей стороны тоже готова...

Лоренца стала искать кошелекъ, но Мэри остановила ее рукой и сказала:

— Благодарю васъ, но хотѣла просить не денегъ.

— Чего же?

Мистриссъ Скоппъ поднесла плашокъ къ глазамъ и вѣроятно это было достаточной механической помощью, потому что когда она опустила руку, ея взглядъ былъ уже вполне нормаленъ.

— Чего же вамъ нужно? переспросила Лоренца.

— Номеръ лотереи на седьмое Декабря.

Лоренца даже вскочила съ ларя, на которомъ сидѣла (объясненіе происходило въ передней).

— Какой номеръ лотереи? вѣдь это же вашъ мужъ игрокъ, а не вы!

— Миѣ нужно знать, какой номеръ выиграетъ седьмого Декабря, повторила Мэри монотонно и уныло.

— И графъ вамъ можетъ это сказать?

— Можетъ, если захочетъ.

Лоренца разсмѣялась.

— Право, вы принимаете мужа за ярмарочнаго шарлатана.

— Вашъ супругъ, графъ Калиоспро—великій и мудрый человекъ! отвѣтила Мэри серьезно.

— Можетъ быть, но причѣмъ нумъ лотерейные номера? зачѣмъ онъ будетъ ихъ отгадывать?

— Затѣмъ, чтобы помочь несчастнымъ.

Графиня принялась ходить по передней, нахмурившись и заложивъ за спину руки. Мало-по-малу нахмурившееся было ея лицо прояснилось и сдѣлалось почти веселымъ, когда она обратилась къ мистриссъ Скоппъ.

— Хорошо. Я поговорю съ мужемъ.

Мэри бросилась цѣловать ея руки, какъ вдругъ у входной двери раздался ударъ кольца.

— Боже мой, это графъ! все погибло!

— Идите скорѣе сюда, это выходъ прямо на дворъ. Приходите въ восемь часовъ подъ окно, я дамъ сигналъ! успѣла прошептать Лоренца, толкая гостью къ стеклянной двери.

Неизвѣстно, что говорила Лоренца съ мужемъ, но когда миссриссъ Скоптъ вечеромъ подошла къ условленному окну, оно было темно и только въ лабораторіи графа чуть свѣтился красноватый огонь. Наконецъ показался слабый огонь свѣчи, рама полуоткрылась, къ ногамъ Мэри упалъ свертокъ и въ снѣжной тишинѣ раздалось: „восемь“.

Въ сверткѣ оказалась гиней, завернутая въ бумажку, на которой было написано то же число 8.

8.

31

Графиня выѣзжала съ португалкой главнымъ образомъ за покупками. Она покупала изъ любви покупать, ей правилась починишельность приказчиковъ, свѣтлыя или полутемныя лавки, загроможденныя массою интересныхъ, красивыхъ и дорогихъ предметовъ, приходящія и уходящія покупательницы, шуршанье матерій, разговоры и споры, шолконня, запахъ духовъ и легкая пыль надъ прилавками. Она смотрѣла на лавки, какъ на женскій клубъ, свела не мало мимолетныхъ знакомствъ и никогда не отказывалась выпить чашку чая въ маленькой комнаткѣ за лавкой, стоя.

Однажды она встрѣтилась съ миссриссъ Скоптъ. Лоренца ее узнала, а Мэри все время поводила глазами, будто ища кого-то, и увидя Лоренцу, успокоилась, однако не подошла къ ней, а наклонившись надъ голубымъ кашемиромъ, стала тихонько говорить съ приказчикомъ. Вскорѣ вошли Вишеллини и косоглазый Скоптъ. Лоренца прошептала къ Мэри и заговорила весело. — Дорогая миссриссъ, рада васъ видѣть! я думала, что вы уѣхали! помните, вы собирались сдѣлать что-то въ этомъ родѣ! Какъ вашъ супругъ, вы кажется были не очень довольны его образомъ жизни... Надѣюсь теперь все благополучно? Мэри печально отвѣтила:

— Благодарю васъ, графиня. Теперь все болѣе, чѣмъ благополучно. Пустьъ небо награди́тъ графа! я была у него (не думайте, что я неблагодарна), но васъ не было дома въ то время.

— Онъ мнѣ ничего не говорилъ. Жалко, что меня не было. Лоренца вынула табакерку и предложила миссриссъ Скоптъ, но та живо возразила:

— Позвольте, я васъ лучше угощу. Небывалый табакъ, онъ смоченъ въ меду и продуренъ резедой, кромѣ того къ нему подмѣшана китайская травка.

— Не вредно ли? спрашивала Лоренца, набивая маленькую пиздю. Скоптъ и Випеллини были совсѣмъ рядомъ и кланялись ей.

— Восхищенельно! никогда ничего подобнаго не нюхала. Синбора Блевари, попробуйте! (вы позволите?), нужно дать и Психеѣ. Лоренца смѣялась и чихала, совала въ носъ португалкѣ, которая, обороняясь и нянясь, наступила на москву. Приказчики улыбались и приостановили хлопанье свершками матерій, такъ какъ всѣ покупательницы повернулись спиною къ прилавку, наблюдая происходившую между Лоренцой и миссриссъ Скоптъ сцену; мѣстахъ въ прехъ поднимался паръ отъ чайныхъ чашекъ, невидныхъ въ толпѣ.

— Благодарю васъ, сказала Лоренца, отдавая коробочку владѣлицѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, графиня, оставьте у себя. Это—слабое выраженіе моей благодарности.

— Зачѣмъ, дорогая миссриссъ? Конечно, табакъ восхищенеленъ, но я даже не знаю, куда его пересыпать! Я не хочу мѣшать его съ моимъ. Джо! (обернулась она къ лавочному мальчику въ длинномъ зеленомъ фаршукѣ) нѣтъ ли у васъ пустой табакерки.

— Я не позволю!—вступилась Мэри,—вы примете отъ меня эпощъ маленькій подарокъ не иначе, какъ съ коробочкой: она не слишкомъ плоха!

Табакерка была золотая съ эмалированной крышкой. гдѣ былъ изображенъ охотникъ, цѣлящійся въ утку и не замѣчающій, какъ изъ рѣки вылѣзаетъ испуганная купальщица. Посмотрѣвъ, Лоренца сказала задумчиво:

— Табакерка очень хороша, но я не могу ее принять, она слишкомъ дорога, графъ будетъ недоволенъ.

— Почему? почему? Графъ не будетъ вмѣшиваться въ маленькія женскія любезности, повѣрьте. Если вы ко мнѣ расположены хоть немного, вы сохраните эту бездѣлку. Я ее не покупала, это досталось мнѣ отъ покойной тетушки. Не пренебрегайте мною, умоляю васъ. Я смотрю на васъ, какъ на благодѣтельницу, я вслану на колѣни и не подымусь, пока вы не согласитесь исполнить мою просьбу.

33

Мэри говорила почти съ неприличной спрасишностью; въ полнѣ перешептывались, пожимали плечами, размахивали черезъ плечо графини табакерку; кшо-шо, поднявшись на ципочки, пролилъ чай на Психею, которая зачихала; спановилось неловко и комично. Лоренца все спояла, верняя коробочку въ рукахъ.

— Нѣтъ, мнѣ не слѣдуетъ этого дѣлать! проговорила она.

Мэри съ шумомъ бросилась на колѣни, сваливъ плашбемъ съ ногъ какого-то карануза, приведеннаго бабушкой, который тогда заревѣлъ и не покапнулся только потому, что вокругъ было слишкомъ много ногъ.

— Графиня, я васъ умоляю.

— Всманьте, всманьте, дорогая мисприссъ! я беру вашъ подарокъ, благодарю васъ.

Мэри вскочила еще быспрѣе, чѣмъ опустилась и спала съ жаромъ цѣлованъ Лоренцу. Дамы видя представленіе оконченымъ, повернулись снова къ прилавкамъ, зашуршали шелка, сукна и кашемиры; ребенокъ успокоился и Психея переспала чиханъ.

Каліоспро былъ очень недоволенъ этой исторіей, которую Лоренца рассказала ему вечеромъ, но онъ былъ разсерженъ окончательно, когда оказалось, что въ табакеркѣ двойное дно

и въ тайномъ помѣщеніи находилось ожерелѣе значительной цѣнности и золотой футлярчикъ, гдѣ вмѣсто зубочистокъ были вложены свернутые банковые билеты. Онъ раскричался на графиню, будто она была виновата, говорилъ, что знаетъ эти штучки, — мошенники хотѣли подкупить Лоренцу, а потомъ опять вымогали у него предсказанья. Лоренца, которая уже надѣла ожерелѣе и разглаживала на столѣ рукою свернувшіеся билеты, замѣтила спокойно:

— Незвѣстно еще, будутъ они къ вамъ обращаться или нѣтъ. Онъ васъ зависитъ не давалъ имъ больше указаній. А если они — мошенники, такъ имъ и нужно. Эти деньги мои и никогда я ихъ отсылать не буду. Я была глупа, что призналась вамъ во всемъ. Я васъ не спрашиваю, откуда у васъ деньги, когда вы ихъ не зарабатываете, и вамъ нѣтъ дѣла до моихъ денегъ.

34

— Лоренца! возвысилъ голосъ графъ.

— Ну что жъ? я знаю, что я Лоренца!

— Какъ вы говорите со мною?

— Попрошу. Я еще разъ скажу, что денегъ я отсылать не буду.

— Изъ этого могутъ произойти немалыя бѣдствія. Графиня пожала плечами.

— Вы можете ошибаться, Александръ. Если бы вы никогда не ошибались, вы видѣли бы, съ кѣмъ имѣете дѣло, и не водились бы со всякою дрянью.

Помолчавъ, Калиостро промолвилъ, будто про себя:

— Пусть все совершается, что предназначено: можетъ быть, такъ будетъ лучше!

Вѣроятно Лоренца не слышала, что говорилъ мужъ, потому что, помолчавъ, замѣтила только:

— А можетъ быть, мы ошибаемся, и миссриссъ Скоттъ вовсе не мошенница. Съ вашей помощью она выиграла много денегъ и захоула въ моемъ лицѣ васъ отблагодарить. Нужно отдать ей справедливость, она сдѣлала это очень деликатно. И я по-

чему-то увѣрена, что она больше не будетъ къ вамъ обращаться за опгадываніемъ лоперейныхъ номеровъ.

— Дай Богъ, но для большей вѣрности мы перемѣнимъ квартиру, чтобы меня не такъ скоро отыскали.

9.

И графъ, и графиня оказались правы: супруги Скоптъ не спрашивали больше лоперейныхъ номеровъ, но конечно очень подходили подъ опредѣленіе „мошенники“.

35 Въ началѣ 1777 года Каліоспро переѣхалъ на другую квартиру, какъ разъ попавъ въ тотъ домъ, гдѣ верхнее жилье снимала Мэри, но послѣдняя только раскланивалась при встрѣчахъ, не дѣлая попытокъ выманить у графа деньги и не стараясь сблизиться съ Лоренцой. Ея видъ заставлялъ подозрѣвать какой-то планъ, который и не замедлилъ обнаружиться. Можешь быть графъ и подозрѣвалъ его и имѣлъ предчувствія, но 7-го Февраля его очень удивилъ вечерній визитъ судебного пристава и шести полицейскихъ, явившихся, чтобы арестовать его за долгъ Мэри Фрей въ размѣрѣ двухсотъ фунтовъ стерлинговъ. Каліоспро отвѣтилъ, что онъ не знаетъ никакой Мэри Фрей, не подозрѣвая, что миссъ Мэри Фрей и миссриссъ Скоптъ—одно и то же лицо, и что онъ никому ничего не долженъ, но ему показали бумагу, гдѣ его долгъ подтверждается клятвенными заявленіями самой миссъ Фрей и двухъ свидѣтелей.

Каліоспро пожалъ плечами и хотѣлъ было уже идти за сборами, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ и звукъ ломаемой мебели. Киспро отворивъ двери, онъ увидѣлъ, что двое людей старались открыть спѣнной шкафъ, гдѣ хранились его рукописи и разныя мелкія, необходимыя для опытовъ, вещи, межъ прочимъ какъ разбросанныя бумаги, вскрытое

бюро и вообще полнѣй безпорядокъ ясно показывали, что злодѣи опредѣленно чего-то ищутъ, пренебрегая цѣнностями и деньгами, которыя лежали непронутными.

— Арестуйте взломщиковъ вмѣстѣ со мною! закричалъ графъ, обращаясь къ полицейскимъ, какого еще доказательства ихъ преступленія?!

— Мы дѣйствуемъ на основаніи закона! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, косоглазый, котораго Каліоспро гдѣ-то видѣлъ.

— Они дѣйствуютъ на основаніи закона!—какъ эхо повторили полицейскіе. Графъ яро оглянулся, но сдержался, только, скомкавъ платокъ, бросилъ его въ спѣху и презрительно воскликнулъ:

— Законъ!

36

Потомъ прибавилъ насмѣшливо:

— Для васъ будетъ совершенно бесполезно то, чего вы ищете, какъ греческая грамматика водовозу.

— А развѣ графъ знаетъ, чего мы ищемъ? обратился къ нему косою.

Каліоспро не отвѣтилъ на вопросъ, но выходя изъ дому, остановился и произнесъ торжественно:

— Вы думаете, мнѣ трудно было освободиться отъ васъ сейчасъ же и всѣмъ доказать свою невинность? но еще не пришло время. Пусть совершается правосудіе, чтобы обвиненіе на меня его мечъ, отъ него же погибъ!

Миснеръ Скоптъ (позднѣе Каліоспро точно узналъ его) отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, англійское правосудіе, какъ и всякое, имѣетъ не только глаза завязанными, но и уши зашпунными, такъ что ни прекрасныя рѣчи, ни важныя минны на него не дѣйствуютъ. Оно только взвѣшиваетъ, а иногда и вѣшаетъ.

Но графъ самъ былъ похожъ на Темеиду: ничего не слыша и даже кажется не видя, онъ плелся по грязи между полицейскими, изрѣдка взглядывая на пасмурное лондонское небо.

Дѣйствишельно, сворованная миснеромъ Скошномъ книга, гдѣ были записаны изысканія графа о дочерейныхъ биялахъ и коробочка съ краснымъ порошкомъ, оказались совершенно ненужными. А между тѣмъ вся исторія была занѣяна именно для того, чинобы добыти эиотъ манускриптъ, съ помощью копорого, по увѣренію Вишеллини, и безъ Каліостро можно было угадывать номера, и красивый порошокъ, необходимый для обращенія любого мешалаа въ золото. Мошеники воспользовались англійскимъ закономъ, по которому кредитору подтвердившему подъ присягой и нашедшему двухъ кляшвенныхъ свидѣтелей, что такой-то ему долженъ, давалось право подвергнути аресту должника. Надѣясь во время суматохи выкрасити нужное имъ, Скошнъ самъ отправился вмѣстѣ съ полицейскими, часнѣ которыхъ была съ ними въ долѣ.

Вишеллини долго разсматривалъ рукопись со всѣхъ сторонъ, наконецъ объявилъ, что часнѣ ся написана по еврейски. Привлеченный по этому случаю къ дѣлу миснеръ Симсонъ, опшикъ, сказалъ, что книга написана по арабски. Не имѣя возможности найти араба, Скошнъ посоветовалъ Вишеллини починати ее, перевернувши зеленый козырекъ задомъ напередъ, лишилъ его участія въ будущемъ барышѣ, а самъ подалъ еще двѣ жалобы на графа, обвиняя его въ вымогательствѣ и колдовствѣ.

Англійское правосудіе длилось почти годъ, пока не обнаружилась истина и графъ Каліостро не былъ оправданъ. Даже поручишели отъ него опказались и, похишивъ изъ мѣста его жишельснва, перевезли въ Кингсбенгеву шюрьму. То его опшускали на поруки, то сажали въ шемницу, то разлучали съ Лоренцей, то вновь соединяли, но графъ хотѣлъ, чинобы все шло чисто юридическимъ путемъ, и шолько въ декабрѣ 1777-го года Каліостро, оправданный, реабилитированный, покинулъ Лондонъ, потерявъ за время суда при съ половиной тысячъ гиней. Оправдались и слова графа опношительнo меча правосудія. Изъ четырнадцати главныхъ его обвинишелей и судебныхъ враговъ въ шеченіе года десяти умерло, не будучи ни снарыми, ни особенно

болѣзненными, и только четверо осталось въ живыхъ, завидуя мертвымъ: прокуроры Райнольдъ и Айленъ, выставленные къ позорному столбу за лжесвидѣтельство, судебный приставъ Саундерсъ, заключенный въ тюрьму, и наконецъ мистеръ Скоппъ, скрывшійся въ глубь Шотландіи, гдѣ, безъ друзей, безъ крова, онъ влачилъ свое существованіе, съ ненавистью видя богатство и благосостояніе другихъ.

И Мэри Фрей съ чистыми глазами, и старшій Вителлини съ зеленымъ козырькомъ, и добрая синѣора Блевари—всѣ, всѣ ушли въ ту спрану, гдѣ нѣтъ ни лотерей, ни шабакерокъ, ни судовъ, кромѣ нелицемѣрнаго Божьяго суда.

КНИГА ВТОРАЯ.

1.

39

Послѣ Лондона Каліоспро болѣе года провелъ въ странствіяхъ, хотя и вся его жизнь со времени отъѣзда изъ Рима—не что иное, какъ странствіе, не только въ томъ смыслѣ, что всякій рожденный человѣкъ есть путникъ на землѣ, но и въ смыслѣ самого обыкновеннаго кочеванія съ мѣста на мѣсто. Пробывъ нѣкоторое время въ Брюсселѣ, гдѣ онъ нѣсколько поправилъ свои разсиренныя денежныя дѣла, опчасни получивъ субсидіи отъ друзей, опчасни увеличивая брилліанты, графъ посѣтилъ Голландію, Льежъ и многіе города Германіи. Будучи посвященнымъ масономъ, онъ повсюду встрѣчалъ сердечный привѣтъ у брашневъ-каменщиковъ и вступилъ въ голландскую ложу, называемую 'большою' и въ льежскую 'Совершеннаго равенства'. Вездѣ онъ высказывалъ свои убѣжденія относительно доктрины и ритуала, изложенныя имъ впослѣдствіи подъ названіемъ 'Египетскаго посвященія', совѣщивалъ осперегатъсь суевѣрія и политики и старался уничтожить вліяніе португальца Хименеса и англійскаго раввина Фалькъ. А Фалькъ былъ не послѣдній чародѣй: это онъ далъ герцогу Орлеанскому талисманъ, разбиивъ который впослѣдствіи удалось только молитвѣ г-жи de la Croix. Тогда Филиппъ Эгаліне поблѣдилъ въ конвенціи и лишился чувствъ.

Такъ какъ часто не только свою миссію, но и происхожденіе, и имя графъ Каліоспро скривалъ, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его принимали недовѣрчиво и совсѣмъ не за того, кѣмъ онъ былъ.

такъ напимѣръ, въ Кенигсбергѣ баронъ Корфъ счелъ его за подосланнаго іезуита и такъ возбуждалъ противъ него все общество, что графъ принужденъ былъ покинуть городъ. Говорили, будто онъ — С. Жерменъ, чего онъ не опровергалъ; самъ же себя онъ именовалъ иногда графомъ Фениксомъ и графомъ Гара, будто умышленно усиливая мракъ и туманицу вокругъ своей личности.

Въ самомъ концѣ февраля 1779-го года графъ и Лоренца прибыли въ Курляндскій городъ Миняву и остановились въ гостиницѣ на базарной площади. Они прибыли около полудня и Каліоспро рѣшилъ отдохнуть раньше, чѣмъ идти къ Медемъ, къ конорымъ у него было рекомендательное письмо. Были уже сумерки и распаявшая за день земля снова замерзла. Со двора, черезъ конорый нужно было проходить въ домъ г-жи Медемъ, доносился дѣтскій крикъ и громкіе взрывы смѣха. Каліоспро обернулся и увидѣлъ невысокую ледяную горку, съ конорой на широкихъ саночкахъ капались преле малюшкѣ, четверо или пятеро ошалѣлыхъ прыгало и смѣялось на деревянной верхушкѣ горы, шормона высокую дѣвушку дѣтъ восемнадцати въ мѣховой шапкѣ съ наушниками и съ большою полосатою муфтою. Лицо ея, круглое и румяное, освѣщенное послѣднимъ оплѣскомъ зари и свѣга и оживляемое дѣтскимъ весельемъ, казалось почти сіяющимъ. Коронная полудѣтская юбка позволяла видѣть маленькія ноги, обутыя въ высокіе валеные сапожки, опорощенные мѣхомъ. Она смѣялась и бросала въ слѣдъ кашившимся куски скатаннаго свѣга.

— Лопта, Лопта, капись за нами! кричали ей снизу.

— На чемъ я покачусь? на своей шубкѣ? Возвращайтесь скорѣе съ санками.

Потомъ, подобравши шубку, она начала усаживаться въ широкія, но все же слишкомъ тѣсныя для взрослого человѣка, санки къ общему веселью дѣтей.

— Ну, кто со мною?

— Я! я! и я! и я, Лопхень, и я!

— Ну, вались всѣ кучей!

И она сгребла дѣйствительно смѣющейся и визжавшей кучей всѣхъ желающихъ. Санки пронулись. Отъ неправильной тяжести свернули въ сугробъ, опрокинулись и всѣ пассажиры разсыпались и покапались уже самоспоятельно, безъ санокъ въ разныя стороны, теряя шапки, рукавички, мелкая ногами въ шеплыхъ пестрыхъ чулкахъ, крича отъ испуга и восшорга. Сама Шарлотта долго не могла вснать отъ смѣха. Наконецъ ее подняли общими усилями и она, отряхнувшись отъ снѣга, легкой походкой въ кругу дѣшеи отправилась къ дому.

Каліостро, снявъ шапку, спросилъ:

— Какъ пройти къ г-ну Медемъ?

Дѣвушка останоилась въ нѣкоторомъ изумленнн.

41

— Вы къ папѣ?

— Я къ графу Медемъ, я не знаю, бапюшка ли онъ вамъ.

— Да. Это мой отецъ. У меня еще естѣ дядя, тоже Медемъ... Я сейчасъ васъ проведу. Подождите, дѣши, не ходите за мною и поклонитесь господину.

— Не безпокойтесь, я самъ дойду, вы мнѣ только укажите входъ. Я не хочу мѣшать вашимъ развлеченіямъ.

Дѣвушка покраснѣла.

— Вы давно смотрите, какъ мы дурачимся?

— Довольно.

— Вы навѣрное подумали: какая глупая дѣвушка, уже взрослая и возится съ ребятами. Я люблю дѣтей.

— Это дѣлаетъ честь вашему доброду сердцу.

— Ахъ, Лотта такая добрая, такая добрая.

— Сестрица совсѣмъ какъ ангелъ!

— Тише, дѣти тише!

— Это ваши братья и сестры? спросилъ графъ.

— Не всѣ.

— Нѣтъ, всѣ, ты всѣмъ сестрица, всѣмъ!

— Видите, какъ васъ любятъ.

Шарлотта стояла, опершись рукою на голову самого маленького и улыбаясь, отвѣтила:

— Вы ихъ простите, сударь, они маленькіе дикари и говорятъ безъ прикрасъ. И еще простите, что случайно вамъ пришлось попастись въ такое шумное общество.

— Мнѣ случай далъ возможность быть свидѣтелемъ очаровательной сцены.

— Благодарю васъ! отвѣтила дѣвушка, присѣдая, потомъ, указавъ графу подъѣздъ и подождавъ нѣсколько секундъ, вдругъ спросила вдогонку:

— Вы не изъ Берлина, сударь?

— Моя послѣдняя остановка была въ Кенигсбергѣ, но я былъ и въ Берлинѣ.

— Вы графъ Калиостро?

— Да, это я.

— Васъ ждутъ.

Графъ поклонился и продолжалъ идти къ высокому крыльцу.

42

2.

Если вообще Калиостро ждали въ семействѣ Медемъ, то въ данный вечеръ, казалось, никто не былъ приготовленъ къ его появленію.

Два брата Медемъ, нотаріусъ Гинцъ и г-жа Кайзерлингъ спокойно играли въ карты при свѣчахъ и со спущенными шторами. Графиня Медемъ, г-жа Биренъ и молодая г-жа Грашгаузъ рядомъ вязали за круглымъ столомъ, въ сосѣдней комнатѣ кто-то игралъ на фортепьяно; при каждомъ громкомъ пассажѣ собачка поднимала голову и ворчала, а г-жа Кайзерлингъ, не отрываясь отъ картъ, кричала:

— Тихо, Фрида! это совѣтникъ Швандеръ играетъ Гайднъ. Все въ порядкѣ.

Черезъ три комнаты служанка рѣзала хлѣбъ и разспавляла тарелки, паренъ съ фонаремъ стоялъ у порога, принесъ молоко съ погреба, и говорилъ о погодѣ.

Все было въ порядкѣ, все было какъ всегда, въ эпоху мирной мишавскіей вечеръ.

Пріѣздъ незнакомаго человѣка нарушилъ спокойствіе ужина. Прочитавъ переданное ему писъмо, Медемъ поцѣловался съ графомъ и, показавъ на него рукою своимъ семейнымъ, произнесъ:
— Это онъ.

Когда дошла очередь пожатъ руку Каліоспро до совѣтника Швандера, послѣдній, посмотрѣвъ на гостя поверхъ очковъ, спросилъ:

— Не графъ ли Фениксъ вы въ одно и то же время?

43 — Да, я иногда называюсь и этимъ именемъ, когда нужно соблюдать особенную тайну. Я думаю, что это не мѣняетъ дѣла.

— О, конечно! Намъ писалъ о васъ майоръ Корфъ.

— Изъ Кенигсберга?

— Вы угадали.

Каліоспро нахмурился. Г-жа Кайзерлингъ, складывая и раскладывая карты, которыя она держала въ рукѣ, замѣтила про себя:

— Совѣтникъ вѣренъ себѣ, какъ часы!

Каліоспро сдержанно словно съ неохотой произнесъ:

— г. Корфъ прекрасный человѣкъ, насколько я могу судить...

— Прекрасный, вполне достойный! съ удареніемъ подтвердилъ Швандеръ.

... но иногда легкомысленно судить о вещахъ и людяхъ, которые заслуживаютъ болѣе осмотришельнаго отношенія къ нимъ!

— Вы отлично говорите, но я думаю, что въ вещахъ важныхъ именно эта-то осмотришельность и руководитъ всегда майоромъ.

Графъ очевидно начиналъ приходить въ волненіе и даже нѣкоторый гнѣвъ. Осмотрѣвшись, онъ говорилъ:

— Меня удивляетъ ваше недовѣріе, господа. Когда я снабженъ такими писъмами отъ общества...

— Вы ихъ показывали и въ Кенигсбергѣ?

— Конечно!

— И однако они не убѣдили майора!

Каліостро только мигнулъ глазами и продолжалъ:

— Я прѣзжаю въ дикую и варварскую страну...

— Позвольте, господинъ гость! не слѣдуетъ порочить тѣхъ людей, копорые оказываютъ вамъ госпепріимство. Мы вовсе не такъ дики, какъ вамъ угодно думать: у насъ есть посвященные и общество, кромѣ того почтенный докторъ Шмаркъ уже давно преподаетъ намъ церемоніальную магію.

— Церемоніальная магія! нестерпѣливо воскликнулъ графъ и обернулся.

На порогѣ стояла Анна-Шарлотта Медемъ, окруженная тѣми же дѣтьми. Каліостро быстро подошелъ къ нимъ.

— Тутъ есть какой-нибудь ребенокъ не здѣшній?

— Какъ не здѣшній? спросила Шарлотта, — они все изъ Митавы.

— Я хотѣлъ сказать, не изъ этого дома.

— Вотъ маленькій Оскаръ Ховень, ему давно пора домой! опѣшила дѣвушка, выдвигая впередъ мальчика лѣтъ шести.

— Нѣтъ! проговорилъ тотъ упираясь.

— Какъ, ты не Оскаръ Ховень?

— Не надо домой!

— Пусть онъ останется на полчаса! сказалъ Каліостро и затѣмъ продолжалъ властно, будто отдавая приказаніе.

— Осмѣливая дѣти пусть удаляются. Пошлите письмо къ г-жѣ Ховень, пусть узнаютъ, что она дѣлала въ семь часовъ, подробно и точно. Здѣсь все свои?

Медемъ молча наклонилъ голову въ знакъ утвержденія.

Заперевъ двери, Каліостро положилъ руки на голову маленькаго Оскара и поднималъ глаза къ небу, словно въ мысленной молитвѣ. Затѣмъ произнесъ страннымъ голосомъ, совсѣмъ не тѣмъ, что говорилъ до сихъ поръ:

— Дитя мое, вотъ книжка съ картинками, ты увидишь тамъ маму. Говори все, что заметишь.

При этомъ онъ обѣ руки сложилъ шепрадкой и помѣстилъ ихъ ладонями къ глазамъ малютки. Топъ вздыхалъ и молчалъ, его лобъ покрывся испариной. Было такъ тихо, что было слышно, какъ потрескиваютъ восковыя свѣчи на карпачномъ столѣ и тихонько ворочается собака.

— Говори! повторилъ Каліостро еле слышно.

— Мама... мама шепетъ и сестрица Труда шепетъ. Мама уходитъ, кладетъ шиньоне, подвигаетъ скамеечку подъ диванъ... сестрица одна... ай, ай! что это съ сестрицей? какъ она поблѣднѣла... держитъ руку у сердца.. Вотъ опять мама, она цѣлуетъ Труду, помогаетъ ей встать... А вотъ пришелъ Фридрихъ... онъ въ шапкѣ... кладетъ ее на сундукъ... обнимаетъ маму... Труда улыбается... Фридрихъ очень красивый...

45

Ребенокъ умолкъ. Всѣ оставались неподвижно на мѣстахъ, часы тикали. Лицо мальчика перестало быть напряженнымъ и онъ заснулъ спокойно. Въ двери постукивали.

Въ письмѣ г-жи Ховенъ было написано.

— Въ семь часовъ я шла съ Гершрудой, потомъ вышла по хозяйству. Вернувшись въ комнату, я увидѣла, что съ дочерью сердечный припадокъ, она была страшно блѣдна и рукою держалась за сердце. Я очень испугалась, спала ее цѣловала, стараясь перевести въ спальню. Тутъ совершенно неожиданно для насъ вошелъ Фридрихъ, который вернулся изъ имѣнія раньше срока и котораго мы считали за десять верстъ отъ Митавы. Дочери стало легче, такъ что она даже спала улыбаясь. Тутъ пришелъ вашъ посланный, и вотъ я пишу.

Медомъ читалъ письмо вслухъ. Не успѣлъ онъ его окончить, какъ Шарлотта черезъ всю комнату бросилась къ Каліостро, смѣясь и плача стала цѣловать ему руки и колѣни, восклицая словно испуганная:

— Дождались, дождались! о, учитель! какой счастливый день!

— Милое дитя! нѣжно сказалъ Каліостро, цѣлуя Шарлотту въ лобъ и поднимая ее съ пола.

Графъ Медемъ почтительно подошелъ къ Каліоспро и сказалъ, наклоняя голову:

— Учителъ, простите ли вы нашу недовѣрчивость, наше сомнѣніе? Повѣрьте, только желаніе искренняго разсмотрѣнія и добросовѣстность заставили насъ не сразу раскрыть сердца. Дни лукавы, а враговъ у брагівевъ не мало.

3.

Порывъ Шарлотты никого повидимому не удивилъ. Она была извѣстна, какъ дѣвушка экзальпированная, порывистая и перемѣчивая. Обладая оспрымъ, слегка насмѣшливымъ умомъ, прекраснымъ и благороднымъ сердцемъ, дѣшскимъ и мечтательнымъ характеромъ, она пользовалась болышимъ вліяніемъ не только въ семейномъ кругу и у митавскихъ масоновъ, но у многихъ людей, даже мало ее знавшихъ, такъ что ея мнѣнія и поступки иногда служили совершенно неожиданными примѣрами. Но въ кружкѣ Медемовъ перемѣны наспроеній непоспоянной Шарлотты дѣйспвовали можетъ быть болѣе, чѣмъ слѣдовало и отражались неизмѣнно, какъ давлєніе атмосферы на барометръ. Такъ что Каліоспро даже самъ не предполагалъ, какую одержалъ побѣду, покоривъ сердце дѣвушки.

Кромѣ того, имѣя черезъ отца болышія связи, Анна Шарлотта ихъ энергично поддерживала, будучи яростной корреспонденткой и, сидя въ Митавѣ, имѣла новости, привязанности, порученія, дѣла, бездѣліе, свѣдѣнія о книгахъ, автографы знаменитостей почти изъ всѣхъ городовъ Германіи, Россіи, Польши, Франціи и Англіи. Она знала почти всѣ европейскіе языки и была хорошей музыкантшей, играя на фортепьяно, скрипкѣ и арфѣ и обладая пріятнымъ, нѣсколько сухимъ голосомъ.

На слѣдующее утро Лоренцъ сдѣлалъ визитъ Шарлотта съ матерью, ея теткѣ, г-жа Кайзерлингъ и другія дамы ихъ кружка,

а скоро графъ и графиня переселились къ Медемамъ, чтобы Каліостро удобнѣе было наставлятъ своихъ новыхъ учениковъ. Пошли весенніе дожди, не позволяя часто выходить изъ дому. Каліостро былъ всецѣло занятъ устройствомъ новой логи и даже часть дома Медемовъ передѣлывали спеціально, чтобы можно было собираться и дѣлать опыты ясновидѣнья, шочно слѣдуя указаніямъ новаго учителя. Лоренца нѣсколько скучала, хотя и подружилась съ Шарлоттой. Но идеалистическая экзальпированность дѣвицы Медемъ не очень нравилась италѣянкѣ и была ей даже непонятна, такъ что графиня чаще проводила вечера за картами съ пожилыми дамами.

Это было уже въ началѣ Апрѣля. Графъ пошелъ погулять по уединенной дорогѣ, рѣдко обсаженной березами и ведущей къ кладбищу. На серединѣ пути было выстроено довольно неуклюжее круглое сооруженіе съ тремя окнами, называвшееся ,кладбищенской бесѣдкой', куда никто не заходилъ, такъ какъ оно стояло въ сторонѣ и казалось мало привлекательнымъ съ виду. Сюда-то и зашелъ Каліостро не столько отдохнуть, сколько для того, чтобы остановить быстро бѣгущія мысли, которыя рисовали уже ему Петербургъ, куда онъ намѣревался отправиться, дворъ, сѣверную Семирамиду, будущую свою славу, вліяніе и новыя путешествія, новыя успѣхи, новыя ученики. Каліостро отгонялъ эти мысли, но когда случалось ему быстро ходить, особенно одному, всегда эти картины, эти мечты приходили ему въ голову. На этотъ разъ графу показалось, что его мѣсто уже занято, такъ какъ изъ бесѣдки раздавались голоса, но оказалось, что внутри никого не было. Каліостро заглянулъ въ окно; оказалось, что по другую сторону зданія, гдѣ былъ пустырь, находилась скамейка, гдѣ теперь сидѣло двое молодыхъ людей, одного изъ которыхъ графъ сейчасъ же узналъ за брата Анны-Шарлотты, молодого Амедея Медемъ, другой ему былъ неизвѣстенъ. Они продолжали разговоръ громко, очевидно не думая, что ихъ кто-нибудь услышитъ, къ тому же зная, что мѣсто очень пустынно.

— Я такъ измучился въ разлукѣ! говорилъ тотъ, кого графъ не зналъ,—я считалъ не только дни, часы тамъ, вдалекѣ отъ всѣхъ васъ, отъ тебя, отъ ненаглядной Шарлотты... Помнишь ли она обо мнѣ?

— Она тебя любитъ по прежнему... но теперь... отецъ вѣдъ запретилъ говорить о тебѣ послѣ того, какъ ты поссорился со своимъ батюшкой...

— Съ тѣхъ поръ, какъ разнесся слухъ, что отецъ лишилъ меня наслѣдства и выгналъ изъ дома?

— Зачѣмъ такъ горько говоришь? конечно, отецъ, желая сдѣлать свою дочь счастливой, не можетъ опираться на одни твои чувства.

— А и на капиталъ?

— Не на капиталъ, а на твое положеніе и доброе имя. Сестра и сама могла бы всѣмъ пренебречь, если бы...

— Если бы меня любила?

— Она тебя любитъ, Пепръ. Ты не можешь ничего сказать противъ этого. Это вѣрно. Но она не хотѣла огорчать отца. Вообще здѣсь всѣ противъ тебя очень возмущены.

— И это изъ-за дѣтской шалости!

— Изъ-за дѣтской шалости!

Молодые люди помолчали. Потомъ Амедей спросилъ:

— Какъ ты вернулся? ты помирился съ барономъ, или это ты пріѣздъ навлекъ на тебя еще болѣе гнѣвъ?

— Слышно было, что тотъ только вздохнулъ.

— Что же, Пепръ, ты не отвѣчаешь или ты уже не считаешь меня своимъ другомъ?

— Я не измѣнился, я все тотъ же Пепръ Биренъ, но я никому бы не посоветывалъ уѣзжать на полгода; самыя крѣпкія, самыя священныя привязанности не выдерживаютъ такого срока. О, Лотта!

— Я тебя увѣряю, что сестра моя любитъ тебя по прежнему. И вотъ что я предложу тебѣ! Если ты явился тайкомъ и не хочешь, чтобы тебя видѣли, поселись въ моей рабочей комнатѣ,

туда никто не ходитъ, а обѣдъ я тебѣ буду носить, какъ тюремщикъ. Можешь быть, я даже намекну Лоппѣ и устройю вамъ маленькое свиданіе.

— Амедей, ты настоящій другъ!

— А ты не вѣрилъ этому? Но пойдёмъ. Становится темно. Но все-таки въ Мипавѣ трудно прожить инкогнито...

Дѣйствительно, становилось темно, въ зеленоватомъ небѣ засвѣпились звѣзды и едва можно было различить лужи на дорогѣ. Калиостро, дождавъ, когда уйдутъ друзья, сталъ уходить тоже, какъ вдругъ ему показалось, что по дорогѣ мелькнула сѣрая тѣнь. Будучи полонъ только что слышаннаго разговора, графъ крикнулъ въ сумерки: Шарлотта! Анна-Шарлотта!

49

Тѣнь остановилась. Калиостро быстро по лужамъ подошелъ къ ней; дѣйствительно, это была сестра Амедея. Она была въ сѣромъ плащѣ и вся дрожала.

— Отчего вы здѣсь, дитя мое, и въ такой часъ?

Желая преодолѣть волненіе, она отвѣтила, спуча зубами:

— Я могла бы задать вамъ же самый вопросъ вамъ, графъ.

— Мы никто не можемъ задавать вопросовъ. Но вы вся дрожите, вамъ холодно... Куда вы идете?

— Туда! отвѣтила дѣвушка тоскливо, протягивая руку впередъ.

— На кладбище?

Шарлотта кивнула головою.

— Зачѣмъ? что за безуміе!

— Къ брату.

— Къ вашему брату Амедею?

— Нѣтъ, къ моему брату Ульриху!

Она отвѣчала монопопно и уныло, вродѣ ясновидящей, была совершенно непохожа на ту Лоппу, что каталась съ горы въ дѣтской кучѣ, но Калиостро, успѣвшій нѣсколько привыкнуть къ характеру Анны-Шарлотты, уже не удивился этимъ переменамъ. Между тѣмъ дѣвушка продолжала:

— Мой братъ Ульрихъ скончался прошлый годъ... О, ни одна душа не была мнѣ такъ близка, какъ его! Она и послѣ смерти имѣетъ постоянныя сношенія со мною. Я слышу его голосъ.., чувствую его мысли, желанія!... Это странное и сладкое блаженство. Учитель, не препятствуйте мнѣ.

Она продолжала дрожать и казалось, сію минуту могла упасть. Каліостро взялъ ее за руку.

— Развѣ вашъ братъ здѣсь похороненъ?

— Нѣтъ, онъ похороненъ въ Страсбургѣ, но онъ любилъ это мѣсто и его душа охотно сюда прилетаетъ.

— Успокойтесь! Она уже здѣсь. Вы слышите?

Выплыла неполная и блѣдная луна, освѣтивъ лужи и колонны бесѣдки; тихіи вѣтеръ качнулъ прутья березъ. Шарлотта закрыла глаза и склонилась на плечо Каліостро.

— Да, я слышу, я чувствую! какъ хорошо! шептала она.

Графъ повелъ ее домой, закрывъ отъ сырости полои своего плаща и поддерживая одной рукою. Она едва передвигала ноги и улыбалась, какъ больная. Тѣни отъ голыхъ деревьевъ смутнымъ рисункомъ бродили по лицу и фигурѣ идущихъ.

— Учитель, не оставляйте меня! сказала Шарлотта.

Каліостро, помолчавъ, отвѣтилъ.

— Скорѣе вы меня оставите, дитя мое, чѣмъ я васъ покину.

— Я васъ оставляю? это можетъ случиться, если вы оставите сами себя! съ жаромъ прошептала Шарлотта и снова склонилась на его плечо.

4.

Старуха Медемъ видимо была разспроена и невнимательно слушала Шарлотту. Та сидѣла на низенькомъ табуретѣ и пѣла, акомпанируя себѣ на арфѣ. Казалось, дѣвушка похудѣла, хотя

лицо ея не было меланхолическимъ, а освѣщалось скрытой, чуть теплившейся надеждой. Послѣдніе дни Анна-Шарлотта была особенно неровна, то молча сидя часами, то вдругъ прорываясь какой-то буйной радостью. Сегодня былъ день тихой, элегической грусти. И романсъ, который она пѣла, подходилъ къ ея настроенію. Въ немъ говорилось о разлученныхъ влюбленныхъ, которые одиноко повѣряютъ свои жалобы, одна—лѣснымъ деревьямъ, другой—морскимъ волнамъ, и арфа передавала то влюбленные стоны, то шумъ дубравы, то морской тихій прибой. Окончивъ пѣсню, дѣвушка не поднималась, а разсѣянно перебирала струны, словно не желая, чтобы звуки улетѣли безслѣдно.

— Чьи это слова, Лопта? я что-то позабыла.

51 — Чьи это слова? задумчиво повторила Шарлотта и поправила волосы.

— Да. Ты сама вѣрно не знаешь.

— Нѣтъ, я знаю очень хорошо.

— Чьи же?

Шарлотта улыбнулась.

— Имени этого поэта я не могу произносить въ вашемъ домѣ.

— Что за странное выраженіе „въ вашемъ домѣ“? Развѣ домъ своихъ родителей вмѣстѣ съ тѣмъ не твой домъ, дитя мое?

— Конечно такъ, но не я уснаавливаю въ немъ разныя правила и запрещенія, я подчиняюсь и нисколько не выражаю неудовольствія.

— Можно подумать, что ты въ тюрьмѣ.

— Никто этого не подумаетъ, милая мама, и я не думаю.

Мать подошла къ Шарлоттѣ, все продолжавшей сидѣть на табуреткѣ и прижала ея голову къ своей груди.

— Любишь? спросила она помолчавъ.

Дѣвушка отвѣтила, слегка усмѣхаясь.

— Ты видишь, я благоразумна и скрываю довольно хорошо свои чувства. Я не настолько люблю того, кого нельзя здѣсь называть, чтобы изъ-за этой привязанности забыть все, но я ни

за кого не пойду замужъ, кромѣ какъ за него. Я думаю, что я этимъ никому не причиняю огорченія.

— Бѣдная Лопта! проговорила г-жа Медемъ и задумалась.

— Но, мама, что съ тобою? ты сама чѣмъ-то разстроена.

— Нѣтъ, ничего!

— Ну какъ же ничего! Я вижу, чувствую. Ты не сможешь обмануть моего сердца. Скажи, дорогая, скажи, какъ я тебѣ сказала.

Г-жа Медемъ вздохнула и тихо отвѣтила.

— Очень горестно ошибаться въ людяхъ, встрѣчать вмѣсто дружескаго участія черствый педантизмъ. Особенно въ тѣхъ людяхъ, къ которымъ идешь съ открытымъ сердцемъ...

Не зная, къ чему ведетъ свою рѣчь старая дама, Шарлотта глядѣла вопросительно и молчала, ожидая продолженія.

— У меня случились маленькія денежныя затрудненія, которыя мнѣ не хотѣлось доводить до свѣдѣнія мужа и твоего дяди. Собственно говоря, это дѣло, подробности котораго тебѣ нѣтъ необходимости знать, меня не очень огорчаютъ. Меня огорчило совсѣмъ другое обстоятельство, имѣющее впрочемъ касательство къ этому дѣлу... Я обратилась къ графу...

— Къ графу Калиостро? спросила дочь, нахмурившись.

— Да, къ графу Калиостро, нашему ученику и другу.

— Простите, мама, что я васъ перебиваю... Но что вамъ нужно было, деньги?

— Если хочешь, деньги, припомъ такія, о которыхъ никто бы не зналъ. Я попросила графа придти мнѣ на помощь и употребить свои знанія въ алхіміи и свой опытъ въ увеличиваньи брилліантовъ.

— Но, мама! воскликнула съ упрекомъ младшая Медемъ и даже слегка отстранилась отъ матери.

— Что, мама? Онъ сдѣлалъ бы доброе дѣло и поступилъ бы дружески по отношенію къ нашему семейству. Докторъ Шпаркъ, несомнѣнно, это бы сдѣлалъ.

Шарлотта молчала, крайне взволнованная. Наконецъ беззвучно спросила:

— И что же графъ?

— Отказалъ... наотрѣзъ отказалъ. Сказалъ, что это все временныя заботы (будто я не знаю, что это затрудненіе временное! но я не свѣпая!), что знаніе преслѣдуетъ другія цѣли, цѣлюю кучу вещей! Былъ надмененъ и непріятенъ. Боюсь, что наша дружба его портитъ.

Старуха хлопнула табакеркой и недовольно умолкла.

Молчала и Шарлотта, лицо ея сіяло, изъ глазъ текли слезы. Наконецъ она сползла къ колѣнямъ мащери и заговорила воспорженнымъ голосомъ:

53

— Онъ отказался, благодареніе Небу! Онъ отказался, а мы такъ просила! Милый графъ, дорогой учипель, вы выдержали большое испытаніе! Мама, мама, не огорчайтесь, вы были только орудіемъ въ Божьихъ рукахъ. А затрудненія, они минуютъ! Богъ пошлетъ своего слугу, можетъ быть, онъ уже на порогѣ, чтобы избавить насъ слабыхъ и отъ этихъ мелкихъ заботъ!

Она цѣловала и гладила спарую даму, какъ вдругъ, взглянувъ въ зеркало, вскрикнула и вскочила.

— Графъ, и съ нимъ... и съ нимъ баронъ Петръ фонъ-Биренъ!

— Шарлотта! строго начала г-жа Медемъ.

— Разъ онъ идетъ подъ руку съ графомъ Каліоспро, значитъ можно произносить его имя: Петръ фонъ Биренъ, Петръ-фонъ Биренъ! возлюбленный мой.

И дѣвушка спряпала свое пылающее лицо на груди г-жи Медемъ, копорая, выпрямившись и наспорожившись, смотрѣла на двери.

На порогѣ, улыбаясь показался графъ подъ руку съ высокимъ молодымъ человекомъ съ маленькой головой, прямымъ носомъ и выдающимся подбородкомъ. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, вертѣлъ въ слишкомъ длинныхъ рукахъ треуголку, вообще казалось, что Каліоспро насильно тащитъ упирающагося юношу.

Не давъ времени заговорить г-жѣ Медемъ, графъ бѣспро и громко началъ:

— Анна-Шарлотта права: имя этого молодого человѣка можетъ звучать въ этомъ домѣ, какъ имя всякаго благороднаго и честнаго человѣка. Г-жа Медемъ, баронъ Петръ фонъ Биренъ является, какъ отвѣтъ на ваше желаніе. Онъ помирился со своимъ опцомъ, со своею совѣстью и возстановляется во всѣхъ своихъ правахъ. Только черствыя сердца могутъ помнить прошлое, заглаженное раскаянѣемъ и добродѣтелью, зло. Примите юношу изъ моихъ рукъ. Еще прибавлю: Петръ Биренъ любитъ вашу дочь и она—его. Не слѣдуетъ тушить чистаго пламени ихъ сердецъ, чтобы ихъ души, ожесточившись, не загорѣлись тусклымъ огнемъ сироты. Г-жа Медемъ, я обращаюсь къ вамъ, какъ къ матери, какъ къ благородной и великодушной женщинѣ, какъ къ ученицѣ—взгляните на нихъ! у васъ доброе сердце. Благословите ихъ. Убѣдите вашего супруга берусь я. Г-жа Медемъ долго молчала, смотря то на пришедшихъ, то на застывшую на ея груди Шарлотту. Наконецъ сказала:

— Добро пожаловать, молодой другъ.

Каліоспро зааплодировалъ, проворчавъ: „браво свашу“, и толкалъ барона, чтобы тотъ скорѣе цѣловалъ руку у будущей тещи, какъ вдругъ Шарлотта, поднявъ свое заплаканное и смѣющееся лицо, бросилась черезъ всю комнату не къ Бирену, а къ арфѣ, бѣспро опустилась на табуретъ, рванула струны и, закинувъ голову, заплала полнымъ голосомъ, на этотъ разъ не казавшимся даже сухимъ.

— Творца прославимъ: Онъ Великъ!

Любовь—Онъ и благоволеніе.

Святимъ въ сердцахъ Господень Ликъ,

Любви небесной отраженіе.

Г-жа Медемъ стояла распроганная, прижавъ платокъ къ глазамъ, опираясь съ одной стороны на во весь ротъ улыбавагося графа, съ другой на барона фонъ Бирена, не отводившаго воспаленныхъ и восторженныхъ глазъ съ закинутой головы

пѣвицы. На порогѣ показался г. Медемъ, увидя группу, остановился, приложивъ палецъ къ губамъ, будто прося не прерывать музыки, такъ какъ онъ все понялъ и на все согласился.

5.

55

Деревья уже покрылись зеленымъ пухомъ, дороги просохли, запѣли пѣвицы, паспухи уже недѣли двѣ выгоняли стада въ поле; графъ устроилъ особенную ложу, посвятивъ все семейство Медемъ, ихъ родственниковъ, семейство Ховенъ, совѣтника Швандера, нотаріуса Гинца, доктора Либе и даже кенигсбергскаго майора Корфа, бывшаго гонителя Каліоспро, теперь прѣхавшаго въ Митаву и сдѣлавшагося однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ новаго учителя. Графъ дѣлалъ послѣднія наставленія и проводилъ послѣдніе дни въ кругу друзей, собираясь вскорѣ отправиться въ Петербургъ. Предстоящее путешествіе не очень нравилось митавцамъ, расчислявавшимъ, что Каліоспро надолго, если не навсегда, останется въ ихъ городѣ, но наставникъ понималъ, что его дѣятельность не можетъ ограничиться Курляндіей и что, несмотря на крѣпкія сердечныя привязанности, путь его лежитъ все дальше и дальше. Семейство Медемъ считало его вполне за своего человека, особенно Анна-Шарлотта и ея женихъ, видѣвшіе въ Каліоспро благодѣшеля и виновника ихъ счастья. Они мечтали, что онъ опложитъ свой опѣздъ до дня ихъ свадьбы, но Шарлотта не просила объ этомъ, зная, что дѣла болѣе важныя, чѣмъ ея личная судьба, занимаютъ графа, и тайнѣ надѣясь, что къ концу мая онъ вернется въ Митаву. Самъ Каліоспро былъ озабоченъ и нѣсколько разсѣянъ; часто во время бесѣды онъ умолкалъ, всѣ молча ждали его слова, черезъ минуту онъ проводилъ рукою по глазамъ, извинялся и продолжалъ свою рѣчь усталымъ разбитымъ голосомъ.

13 мая было назначено послѣднее собраніе. Лоренца уже уложила сундуки и баулы, потому что на раннее утро были заказаны лошади.

Всѣ были печальны и нервны, какъ передъ отъѣздомъ. По обыкновенію, въ комнату, гдѣ стоялъ столъ съ графиномъ чистой воды, заперли „голубя“ (на этотъ разъ маленькаго Оскара Ховена, какъ и въ день пріѣзда Каліостро) и, прочитавъ молитвы, сначала спрашивали у него, видишь ли онъ, что дѣлается въ залѣ, чтобы знать, готовъ ли онъ принять видѣнія. По знаку Каліостро, Шарлотта опустилась передъ нимъ на колѣни, держа въ рукахъ карманные часы. Самъ графъ стоялъ у двери въ маленькую комнату, чтобы лучше слышать отвѣты голубя.

— Видишь ли ты насъ? спрашиваетъ графъ.

56

— Вижу! раздается изъ-за двери.

— Что дѣлаетъ Анна-Шарлотта?

— Стоитъ передъ тобой на колѣняхъ, въ рукахъ у нея часы, на часахъ десять часовъ.

Все это вполне соотвѣтствовало происходившему.

— Что ты еще видишь?

За дверями было тихо.

— Что ты еще видишь?

Опять не было отвѣта. Всѣ молчали и напряженно ждали. Шарлотта такъ и осталась, не вставая съ колѣнъ. Вдругъ въ голубиной комнатѣ нѣжно и вняшно прозвучалъ поцѣлуй.

— О небо! прошептала Шарлотта.

Повременивъ, Каліостро снова спросилъ:

— Что ты видишь?

— Духа, онъ въ бѣлой одеждѣ, на ней кровавыя кресла.

— Какое у него лицо, милостивое или гнѣвное?

— Я не вижу, онъ закрылъ лицо руками.

— Спроси объ имени?

— Онъ молчитъ.

— Спроси еще разъ.

— Онъ продолжаетъ молчать.

— Спроси какъ слѣдуетъ.

— Онъ говоритъ... онъ говоритъ, что позабылъ свое имя.

Каліоспро поблѣднѣлъ и произнесъ дрожащимъ голосомъ.

— Что ты еще видишь?

Молчаніе. И снова нѣжно и вняшно прозвучалъ поцѣлуй.

— Среди насъ Іуда! закричалъ на весь залъ графъ, смотря пылающимъ взглядомъ на Анну-Шарлотту; та закрыла лицо руками, поднялась среди общаго смятенія, но, когда опведя руки, взглянула на неподвижнаго Каліоспро, то съ крикомъ: „онъ самъ“ упала на полъ, какъ бездыханная.

6.

Лоренца долго не могла привыкнутьъ къ петербургскимъ бѣлымъ ночамъ, она занавѣшивала шрема занавѣсками небольшія окна ихъ квартиры близъ лѣшняго сада, закрывалась съ головою одѣяломъ, даже прятала голову подъ подушку, напрасно: болѣзненная бѣлизна, словно тонкій воздухъ или запахъ, проникала черезъ всѣ препяпспвія и шомла душу, заставляла пынь сердце и кровь останавливаться.

— Ахъ, Александръ, я не могу! говорила графиня, мы живемъ слишкомъ близко къ полюсу!

На Каліоспро цѣлодневное свѣтло не производило такого болѣзненнаго впечатлѣнія, наоборотъ эти ночи нравились ему и удивляли его, какъ и все въ этомъ странномъ городѣ. Ему даже казалось, что призрачный свѣтъ самое подходящее освѣщеніе для призрачнаго плоскаго города, гдѣ полныя воды Невы и каналовъ, широкія перспективы улицъ, какъ рѣки ровная зелень сприженныхъ садовъ, низкое спеклянное небо и всегда чувствуемая близость болотнаго неподвижнаго моря, все заставляешь бояться, что вонъ пробѣютъ часы, пѣтухъ закри-

чишь,—и все: и городъ, и рѣка, и бѣлоглазые люди исчезнушъ и обратятся въ ровное водяное пространство, отражая желтизну ночного стекляннаго неба. Все будетъ ровно, свѣтло и сумрачно, какъ до сотворенія мира, когда еще Духъ не лепалъ надъ бездной.

Дни были ясные, холодные и очень вѣтренные, пылъ сполбами носилась по улицамъ, кружилась около площадей и рынковъ, флаги бились кверху, нѣкоторые офицеры ѣздили съ муфтами и сарафаны торговокъ задирались выше головы.

Первые шаги Каліоспро въ новомъ городѣ были не совсѣмъ удачны. Свиданіе съ майоромъ Гейкингомъ, молодымъ кирасиромъ, повело къ обоюдному неудовольствію, почти ссорѣ. Графъ въ первой своей визитъ не засталъ барона Гейкинга, который на слѣдующее утро почтипелвно и пріѣхалъ къ Каліоспро. Но новый учитель не понравился молодому офицеру. Разспегнутый воротъ домашняго плаща, красное толстое лицо, сверкающіе глаза, перстни съ огромными (барону показались фальшивыми) камнями, быстрыя движенія, ломанный, полу-французскій, полунпальянскій языкъ, напыщенные обороты рѣчи, собственное обращеніе—все заставляло его думать, что онъ видитъ передъ собою зазнавшагося шарлатана. Это впечатлѣніе не ускользнуло отъ вниманія Каліоспро. Онъ пересталъ бѣгать по комнатамъ и, крупно обернувшись, прокричалъ:

— Вы сомнѣваетесь? но я васъ заставляю препешать! Баронъ усмѣхнулся и замѣтилъ сквозь зубы:

— Имѣйте въ виду, что я способенъ дрожать только отъ лихорадки.

Каліоспро все больше и больше вскипалъ. Опусшивъ одну руку въ карманъ, гдѣ бренчали монеты, и выспавивъ другую въ перстняхъ, онъ произнесъ:

— Видите эти брильянты, слышите золото? Это добыто моими знаніями, высокой наукой.

Гейкингъ молча опустилъ глаза, будпо стѣдясь за своего собесѣдника. Графъ внѣ себя заоралъ:

— У васъ есть умершій дядя!

— Есть. Это ни для кого не секретъ.

— Сейчасъ я вызову его шѣнь, дерзкій мальчикъ.

— Вызывайте, но съ однимъ условіемъ. Я выстрѣлю въ него изъ пистолета. Для шѣни это безопасно.

Каліоспро секунду смотрѣлъ на барона, потомъ бомбой вылетѣлъ изъ комнаты. Гейкингъ пожалъ плечами и сталъ тихо ходить по ковру, позвякивая шпорами. Лоренца, слышавшая всю эту сцену, ломала руки, не зная, что сдѣлаетъ графъ, но минутъ черезъ пять Каліоспро появился переодѣтымъ въ парадный кафтанъ и вѣжливо произнесъ:

— Можете ли вы, г. баронъ не откажется откушать кофе?

59

Гейкингъ отказался, они поговорили нѣсколько минутъ объ общихъ мишавскихъ знакомыхъ и разговорились, но офицеръ не могъ позабыть смѣшного и подозрительнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на него Каліоспро, и рассказы Гейкинга о его свиданіи съ графомъ не мало повредили послѣднему.

Баронъ Карберонъ (впрочемъ онъ получилъ баронскіи титулъ только въ 1781 г.), наоборотъ, отнесся очень привѣтливо и радушно къ нашему герою. Онъ былъ убѣжденный духовидецъ, петербургскій масонъ и большой другъ Мелиссино, съ которымъ вскорѣ и познакомился Каліоспро. Выходку барона Гейкинга они объясняли шѣмъ, что шонъ имѣетъ надменный характеръ и кромѣ того очень гордъ своею принадлежностью къ берлинской Ландложѣ, которая вообще нѣсколько пренебрежительно относится къ шведскимъ и англійскимъ масонамъ.

Карберонъ устроилъ графу и пріемъ ко двору. Императрица приняла Каліоспро съ улыбкой, но милостиво. Она уже охладѣла къ масонамъ и хотя не преслѣдовала ихъ, но далеко не такъ покровительствовала, какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Къ тому же она убѣдилась, что они не такъ ей полезны какъ она предполагала, а мечтательность и прекрасодушное фанназерство казалось ей смѣшнымъ и опаснымъ.

Каліоспро показавъ нѣсколько опытовъ во дворцѣ. Екатерина внимательно слѣдила, но потомъ произнесла:

— Браво, графъ! но что сказалъ бы мой другъ, покойный Вольтеръ?

Узнавъ, что Каліоспро занимается медициной и лечитъ, она совѣщивала ему обратиться особенное вниманіе именно на эту отрасль знанія, потому что

— облегченіе человѣческихъ страданій—достоинное занятіе мудреца.

Докторъ Роджерсонъ самодовольно закашлялся, принявъ замѣчаніе на свой счетъ, но посмотрѣлъ на Каліоспро косо.

60

7.

Первыя пробы леченія Каліоспро производилъ дома на своей женѣ, когда у нея болѣла голова или зубы. Понемногу онъ спалъ исцѣляя нѣкоторыя болѣзни, то пользуясь извѣстными лекарствами, то составляя снадобья самъ, то наложеніемъ рукъ безъ всякихъ медикаментовъ, то приказывая нездоровью, какъ слугѣ, покинуть болящаго. Онъ вылечилъ барона Спроганова отъ нервнаго расстройства. Елагина, Бушурлину и многихъ другихъ. Наконецъ онъ избавилъ отъ неизлѣчимаго рака ассесора Ивана Исленева, чѣмъ особенно прославился въ русской столицѣ, потому что Исленевъ послѣ выздоровленія впалъ въ какое-то воспорженное слабоуміе, запылъ и цѣлыми днями бродилъ по улицамъ, прославляя пріѣзжаго чудотворца, а за нимъ слѣдомъ бѣгала жена его, ища повсюду своего пьянаго мужа. Слава Каліоспро распространилась по разнымъ слоямъ общества; послѣ господъ къ нему повалила челядь: лакеи, повара, кучера, фореишоры и горничныя. Съ бѣдныхъ онъ ничего не бралъ и даже снабжалъ ихъ деньгами и платьемъ. Однажды

онъ исцѣлялъ даже на разспояніи, сидя у Пошемкина во дворцѣ и не всакая съ кресла. Со свѣтлѣйшимъ его связывала крѣпкая духовная связь, такъ какъ Григорій Александровичъ съ первой встрѣчи полюбилъ графа и увѣровалъ въ его силу и знаніе. Впрочемъ, было еще одно общоинтересное, которое привлекало къ Калиостро русскаго баловня и даже приводило его часно въ небольшія темнованія комнаты у Лѣвняго сада. Пошемкинъ полюбилъ не только графа, но и графиню и сдѣлалъ это, какъ и все, что онъ дѣлалъ, безъ удержа и безъ оглядки. Калиостро, можетъ быть, и замѣчалъ это, но смотрѣлъ сквозь пальцы, не придавая большого значенія любовнымъ исторіямъ, зная Лоренцу въ сущности вѣрной подругой и отлично понимая, что во всякомъ случаѣ шума поднимать не слѣдуетъ.

61 Уже при мѣсяца прошло, какъ графъ пріѣхалъ въ Петербургъ, городъ уже не такъ удивлялъ чужестранца, и темныя послѣднія августовскія ночи уже не помилан безсонницей Лоренцу. У Пошемкина горѣли при лампадки передъ образами и свѣтъ ихъ мѣшался съ албыми лучами заката. Въ окна былъ виденъ золотой прудъ и круглыя, свѣтлыя нвы. Самъ свѣтлѣйшій въ халатѣ безъ парика сидѣлъ на низкомъ диванѣ и слушалъ печально и мрачно, что говорилъ ему бѣгавшій по комнатамъ Калиостро. Наконецъ, тотъ умолкъ. Пошемкинъ медленно, будто съ трудомъ началъ:

— Регенерація, говоришь. Регенерація духа, возрожденіе... ахъ, графъ, если бы вѣришь, крѣпко вѣришь, что это возможно! что это не аллегорія! Душа такъ испомилась, загрязнилась. Порою самъ себѣ въ нѣгосѣ! Молишва? но нужно, чтобы распонилось сердце, чтобы слова молишвы не тяжелыми камнями падали куда-то. И куда? съ перваго взгляда я полюбилъ тебя, повѣрилъ, но какъ преодолѣшь косность тѣла, плоти? Охъ, какъ трудно! Я понимаю, чувствую, что разорви цѣпи, пуши тѣла, желаній нашихъ маленькихъ, себялюбія, гордости, корысти, и сдѣлаешься легкимъ, какъ перышко, какъ стекло свѣтлымъ.

— Я говорилъ вамъ, свѣтлостъ, внѣшнія наружныя предписанія, которыя способствуютъ внутренней побѣдѣ.

— Говорилъ, помню... Вродѣ нашихъ постовъ. Чтожъ, это хорошо. Но вотъ что мнѣ смѣшно. Скажемъ, построишь домъ въ этомъ саду, аккуратный, съ кухней и баней и удаляешься туда для духовнаго возрожденія по извѣстнымъ числамъ! Вотъ, что меня смѣшило. Нѣтъ, пустыня, такъ пустыня въ лѣсу, въ тундрахъ у Бѣлаго моря, съ комарами и грязью. Или въ шумѣ и пѣяніи, ничего будто не мѣняя, вдругъ измѣнишься. Можетъ быть, это еще труднѣе. А такъ, какъ ты говоришь, мнѣ что-то не очень нравится. Это для нѣмцевъ годится.

— Для всякаго человѣка свои пути, свои правила спасенія. Я думаю, ваша свѣтлостъ, вашъ путь возрожденія не пребудетъ измѣненія вашихъ внѣшнихъ привычекъ.

62

— Привычки-то у меня очень затруднительныя.

— Вамъ поможетъ Небо и ваши друзья.

— Знаешь? на Бога надѣйся, а самъ не плошай. А друзья? до перваго чина, до первой бабы. Какіе у меня могутъ быть друзья.

— Вы очень мрачно и несправедливо смотрите на людей.

— Повѣрь, справедливо. Да я вѣдь знаю, на что твой намекъ. Тебѣ-то я вѣрю. Не вѣрилъ бы—не говорилъ бы.

Графъ поклонился. Потемкинъ, помолчавъ, добавилъ съ запинкой.

— Еще меня одно смущаетъ. Не опводишь ли ты меня опъ церкви? Это ты брось.

— Помилуйше, ваша свѣтлостъ, развѣ я говорилъ когда что-нибудь подобное? Наоборотъ, крѣпче держишесъ за внѣшнюю церковь, особенно если она вамъ помогаетъ.

— Ты очень свободный человѣкъ, графъ, свободный и широкій. Ты во всемъ это такъ. Вѣдь я передъ тобой виноватъ.

— Я не знаю вашей вины передо мною.

— Не знаешь?

— Не вижу никакой вины.

Потемкинъ усмѣхнулся.

— Ну будь, по твоему: не виноватъ, такъ не виноватъ. Мнѣ же лучше.

Когда Калиостро ушелъ, хозяинъ долго стоялъ передъ окномъ, смотрѣлъ на пошемиѣвшій уже прудъ, перекрестился и обернулся.

Въ дверяхъ стояла Лоренца, опершись рукой о косякъ и улыбаясь.

— А, вотъ такъ господа! Ты не встрѣтилась съ мужемъ?

— Нѣтъ, а развѣ онъ былъ здѣсь?

Не дожидаясь отвѣта, Лоренца быстро подошла къ Потемкину и обняла его.

— Свѣтлосць не въ духѣ сегодня? сердился, разлюбилъ?

— Фу, какъ глупо!

63 Лоренца взяла со стѣны гишару и сѣла подъ образами съ ногами на диванъ.

— Цыганскій таборъ?

Графиня запѣла вполголоса италъянскую пѣсню. Пошемкинь сначала стоялъ у окна, потомъ подсѣлъ къ Лоренцѣ и, глядя ей ногу, слушалъ.

— Еще спой, пташка! попросилъ онъ и тихо началъ говорить, межъ тѣмъ, какъ Лоренца пѣла.

— Ты колдунья, Лоренца, какъ мужъ твой колдунъ. Ты звѣрекъ, заморская пташка, замороженная. Я люблю тебя за то, что ты хромая. Тебѣ этого не понятъ. Ты не хромая, ты хроменькая, убоженькая. Тебя нужно цѣлый день носить на рукахъ. И хорошо пожалуй, что ты не русская. Ты обезьянка и тѣмъ нѣжиѣ мнѣ. Я даже не знаю, есть ли въ тебѣ душа.

Лоренца кончила и слушала причитанья Потемкина. Потомъ спокойно сказала:

— Свѣтлосць не любитъ бѣдной Лоренцы, онъ ее стыдится. Онъ никогда не возьметъ ее съ собой въ театръ или хотъ прокатиться. Онъ боится.

Потемкинъ нахмурился.

— Бабуя дурь! мало я съ тобой сижу. Кого Потемкинъ боится?

— Свѣтлостъ сидитъ со мной! это не то, не то. Что жъ я для него тараканъ, который долженъ сидѣть за печкой?

Лоренца цѣловала его своими тонкими губами, закидывая голову и закрывая глаза. Лампада погасла. Потемкинъ твердилъ, наклоняясь самъ всѣмъ тѣломъ къ лежавшей.

— Пошла прочь, пошла прочь, обезьяна!

Наконецъ надолго умолкъ въ поцѣлуѣ; ошвалился и прошепталъ улыбаясь:

— Славная регенерація!

8.

Въ числѣ пациентовъ Калиоспро былъ бѣсноватый. Василии Желугинъ, котораго родственники посадили на цѣпь, такъ какъ онъ всѣхъ былъ смертельнымъ боемъ, увѣряя, что онъ—Богъ Саваоѣ. Жилъ онъ гдѣ-то на Василевскомъ островѣ. Первый разъ, когда графа ввели къ больному, тотъ зарычалъ на него и бросилъ глиняной чашкой, въ которой давали ему ѣду. Чашка разбилась объ стѣну, а Калиоспро, бѣспро подходя къ бѣсноватому, такъ сильно ударилъ его по щекѣ, что тотъ свалился на полъ, потомъ вскочивъ забормоталъ:

— Что это такое? зачѣмъ онъ дерется? уберите его сейчасъ же.

Вторая оплеуха опять свалила его съ ногъ.

— Да что же такое? что онъ все дерется.

Калиоспро схватилъ его за волосы и еще разъ повалилъ.

— Да кто есть-то?

— Я? Марсъ.

— Марсъ?

— Да, Марсъ.

— Съ Марсова поля? а я богъ Саваоѣ.

Каліостро опять его ударилъ.

— Да ты не дерись, а давай говоритъ толкомъ.

— Кто это? спросилъ графъ, указывая больному на его родственниковъ.

— Мои рабы.

— А я кто?

— Дуракъ.

Опять оплеуха. Больной былъ босъ, въ одной рубахѣ и полштанникахъ, такъ что можно было опасаться, что онъ зашибется, но Каліостро имѣлъ свой планъ.

— Кто я?

— Марсъ съ Марсова поля.

— Побдемъ кататься.

65 — А ты меня бить не будешь?

— Не буду.

— То-то, а то вѣдь я разсержусь.

У графа были заготовлены двѣ лодки. Въ одну онъ сѣлъ съ больнымъ, который не хотѣлъ ни за что одѣваться и былъ поверхъ бѣлая укушанъ въ бараній шулупъ, въ другой помѣстились слуги для ожидаемаго графомъ случая. Добравъ до середины Невы, Каліостро вдругъ схватилъ бѣсноватаго и хотѣлъ бросить его въ воду, зная, что неожиданный испугъ и купанье приносятъ пользу при подобныхъ болѣзняхъ, но Василій Желугинъ оказался очень сильнымъ и досаждочно сообразительнымъ. Онъ такъ крѣпко вцѣпился въ своего спасителя, что они вмѣстѣ бухнули въ Неву. Каліостро кое-какъ освободился отъ цѣпкихъ рукъ безумнаго и выплылъ отдуваясь, а Желугина выловили баграми, посадили въ другую лодку и укушали шубой. Гребцы изо всей силы загребли къ берегу, гдѣ уже собралась цѣлая толпа, глазѣвшая на странное зрѣлище. Больной стучалъ зубами и твердилъ:

— Какой сердитый, вотъ такъ сердитый! чего же сердиться-то? я не богъ, не богъ, не богъ, ей Богу не богъ. Я Васька Желугинъ, вотъ кто я такой! а вы и не знали.

— А это кто? спросилъ графъ на берегу, указывая на родителей Желугина.

— Папаша и мамаша! опившись потъ, ухмыляясь.

— Вы можете его взять домой, разсудокъ къ нему вернулся, молвилъ Каліостро.

Графъ, желая опереть воду, спруившуюся по его лицу, сунулъ руку въ карманъ и не нащупалъ тамъ табакерки, подаренной ему Государыней.

Васька, видя озабоченное лицо Каліостро, засмѣялся.

— Табачерочку ищете? а я ее подобралъ! и откуда-то, какъ фокусникъ, выпащилъ золотую коробочку.

— Гдѣ же ты ее подобралъ?

— У вашей милости въ карманѣ и подобралъ. Графъ обвелъ глазами присутствующихъ и молвилъ:

— Разсудокъ къ несчастному вернулся.

— Понятно вернулся, разъ табакерку своровалъ! раздались голоса.

Тутъ ударила пушка съ крѣпости. Больной закрестился, залопоталъ: «не богъ, не богъ!» и хотѣлъ выскочить изъ шубы и пуститься бѣжать въ мокромъ бѣльѣ, но его удержали. На набережной былъ и ассесоръ Исленевъ и жена его, оба находились въ сильномъ возбужденіи и ассесоръ казался пьянымъ. Каліостро хотѣлъ было ѣхать домой переодѣться, такъ какъ не расчищая самъ на ванну, не захватилъ съ собою перемѣну платья, какъ вдругъ къ мѣсту происшествія подкапала открытая коляска, въ которой важно сидѣла Лоренца, а рядомъ нахмуренный Пошемкинъ. Лоренца выскочила къ мужу и спала его спрашивая, но снова толпа шарахнулась, разступилась и глазамъ всѣхъ предстала Императрица съ маленькимъ зонтикомъ и лорнетомъ у глазъ. Коляска Государыни остановилась почти у самого проуара. Обозрѣвъ мокраго Каліостро, разряженную Лоренцу, смущеннаго Пошемкина, мокраго же въ одномъ бѣльѣ изъ-подъ шубы Желугина и прочихъ, Екатерина улыбнулась и промолвила.

— Да шутъ все знакомые! я думала, наводненіе, а это графъ чудеситъ. Но что это за люди?

— Я не богъ, я не богъ, я Васька Желугинъ! запараторилъ излѣчившійся, пытаюсь выскочить изъ своего шулуца.

— Что это за шутъ? юродивый?

Екатерина нахмурилась.

— Разумѣйте язвцы! гнусаво и очень громко возгласилъ ассесоръ и ударилъ себя въ грудь. Цѣлишель и спасишель, графъ Калоша, благодаритель! онъ тянулся поцѣловашъ у Каліостро руку, жена его тянула за полу, вапошнѣй карпузъ свалился, а за нимъ распянулся и самъ ассесоръ.

— Онъ пѣянъ! сказала Императрица, — убрать, пусть проспится.

67 — Матушка, Государыня, десяти лѣтъ ходилъ съ ракомъ!.. завопилъ было Исленевъ, но его подняли и уволокли.

— А кто же эта дама? дальше спрашивала Екатерина, снова подымая лорнетъ, который она опустила на время выступленія Желугина и Исленева.

— Моя супруга, графиня Каліостро.

Лоренца присѣла чуть не до земли. Императрица долго смотрѣла на нее и на Пошемкина. Наконецъ молвила:

— Я и не знала, что графиня такъ хороша.

— Для меня хороша, она мнѣ жена.

— Ну я думаю, что графиня и не для одного графа хороша! сказала Государыня и дала знакъ прогнать, но обернувшись еще добавила:

— Что это, графъ, я слышала, вздоръ какой-то. Думаю, что враки. Вѣдь ты же полковникъ испанской службы, а Нормандесъ увѣряетъ, что нѣтъ у нихъ въ спискахъ полковника Каліостро. Путаешь навѣрно. Ну, будь здоровъ, не простудись. Дѣла Каліостро пошли все хуже, Императрица спала къ нему замѣтно холодно, съ нею вмѣстѣ и дворъ не такъ спалъ относился къ графу. Доктора съ Роджерсономъ во главѣ заводились и стали распускать всякія сплетни про своего кон-

курента. Говорили, что онъ излѣчивается только перевозныхъ субъектовъ или мигрени. Про ребенка, котораго онъ вернулъ къ жизни, увѣряли, что шопъ былъ просто подмѣненъ другимъ. Баронъ Гейкингъ и графъ Герцъ злословили и оспаривали насчетъ Каліоспро во всѣхъ салонахъ. Самъ Помекинъ спалъ какъ-то неровенъ и не такъ часто бесѣдовалъ съ ученикомъ, предпочинная почти открыто высказывая Лоренцу, какъ свою любовницу. Это грозило скандаломъ. Кавалеръ Карберонъ, Мелиссино и другіе друзья совѣщывали Каліоспро уѣхать, шѣмъ болѣе, что Адамъ Понинскій зазывалъ графа въ Польшу, а шведскій король Густавъ тоже передавалъ свое приглашеніе, спеціально приславъ въ Петербургъ полковника Толля. Проборовшись съ врачами почти годъ, Каліоспро выѣхалъ изъ Петербурга въ апрѣлѣ 1780 года, причемъ полиціи донесли, что графъ выѣхалъ изъ всѣхъ заспавъ. Вездѣ его видѣли и вездѣ онъ оставилъ свою подпись. Куда онъ выѣхалъ съ заплаканной Лоренцой, было неизвѣстно, но пріѣхалъ онъ шѣмъ же апрѣлемъ въ Варшаву.

9.

Въ польской столицѣ Каліоспро встрѣтили любезно и пышно. Пріѣхавшій раньше него Понинскій всѣхъ предупредилъ о прибытіи великаго ученика, расхваливая его силу, будто это возвышало въ общественныхъ глазахъ и самого приглашеннаго. Ложя тампліеровъ ждала съ нетерпѣніемъ графа, ожидая отъ него новыхъ открытій, варшавскіе алхимики и кабалисты, а ихъ было не мало, интересовались его химическими опытами и пресловутымъ свѣнящимся камнемъ, о которомъ можно зажигать свѣчи и который гаснетъ отъ простого прикосновенія рукава, дамы мечтали о предсказаніяхъ и интересовались графин-

ней Лоренцой, а самъ Адамъ Понинскій фантазировалъ, что онъ выпроситъ у Каліоспро домашняго духа и будетъ водить его гайдукомъ. Собственно говоря, Варшаву они только проѣхали, прямо опривившись въ загородный домъ Понинскаго, гдѣ для Каліоспро были отведены пять комнатъ, и въ отдѣльномъ флигелѣ тотчасъ же начали устраивать лабораторію подъ присмотромъ пана Мосчинскаго. Въ первый же свой выходъ въ ложѣ Каліоспро всѣхъ поразила слѣдующей демонстраціей. Велѣвъ всѣмъ присутствующимъ подписаться на пергаментѣ, онъ сжегъ его у всѣхъ на глазахъ и потомъ тайными формулами заставилъ тотъ же свитокъ упасть съ неба непроникнутымъ, съ полными, даже не закомившимися подписями. Нѣсколько свѣтскихъ предсказаній упрочили его извѣстность. Но здѣсь мало говорили о возрожденіи духа и еще менѣе были, склонны къ сентиментальному прекрасодушію минавцевъ. Варшавяне преобладали золотомъ, каббалистическихъ брильянтовъ, свѣтящихся камней и поразительныхъ успѣховъ въ разныхъ областяхъ, кончая успѣхомъ у женщинъ. Адамъ Понинскій былъ капризный и великодушный человѣкъ, но зараженный духомъ среды, часто поражалъ Каліоспро грубостью и недуховностью своихъ желаній и требованій.

Лоренца зато была въ полномъ восторгѣ отъ привольной и пышной варшавской жизни. Имѣя и постороннія знакомства кромѣ масонскихъ кружковъ, Понинскій ввелъ ишалъянку въ общество, наполнявшее свое время прогулками, праздниками, театрами и балами. Время было лѣтнее, Лоренца часто ѣздила по усадьбамъ, всегда сопровождаемая именитыми и неименитыми кавалерами, коимъ правилось свободное обращеніе и полудѣтская красота графини.

Въ іюнѣ, въ день рожденія графини Каліоспро, Понинскій устроилъ роскошный вечеръ и ночной праздникъ у себя за городомъ. Ожидали массу гостей и самого короля, несчастнаго Спанислава-Августа Поняшовскаго. Послѣ обѣда гости разсыпались по саду; на лужайкѣ предполагались танцы, по озеру ѣздили

ожечники въ голубыхъ кунтушахъ, и эхо смягчало до нѣжнаго воркованья охотничьи hallali и мазурки. Надъ высокими липами и каштанами лиловѣло сладкое дымное небо, будто въ истомѣ мерцали звѣзды; мальчики бѣгали, высоко поднявъ подносы со сластями или темнымъ медомъ, разбуженныя пчелы жужжа падали на траву, гдѣ горѣли еле видныя при песнрыхъ фонаряхъ свѣшляки. Начался фейерверкъ: кружились, взлетали, щелкали, шипѣли и лопались разноцвѣтныя брызги; съ далекой псарни каждому взрыву отвѣчалъ долгій лай, пробуждая дальше, какъ эхо, лай деревенскихъ шавокъ за Вислой.

Адамъ Понинскій, взявъ Каліостро подъ руку и опведя въ темную аллею, проговорилъ капризно:

— Вы можете быть довольны. Какой праздникъ для милой графини.

70

— Вы слишкомъ добры, сударь!

— Пустяки! какой же иначе я былъ бы кавалеръ? но у меня просьба къ графу.

— Говорите.

— Дайте мнѣ наипокъ, чтобы сломить эту упрямыцу пани Кепинску. Вы не знаете, это необъѣзженная лошадь! но хороша дьявольски.

— Какой напитокъ?

— Пустяки! капли двѣ. Вы же не можете этого не знать!

— Конечно, я знаю подобныя средства.

— Ну вошъ, и для пріятеля все это сдѣлаете. Я могу вамъ еще пригодиться.

Каліостро посмотрѣлъ на капризное лицо поляка, освѣщенное наполовину желтымъ, наполовину зеленымъ свѣшомъ бумажнаго фонаря.

— Но зачѣмъ вамъ прибѣгать къ такимъ средствамъ. Вамъ пріятнѣе, если дама полюбитъ васъ добровольно.

— Чортъ ли мнѣ въ ея доброй волѣ. Я хочу добиться, больше ничего.

— Я не могу этого сдѣлать.

— Отчего? въ чѣмъ-нибудь недовольны или графиня, кто-нибудь изъ слугъ вамъ нагрубилъ?

— О, нѣтъ, но я не дамъ вамъ эликсира.

Понинскій искоса взглянулъ на собесѣдника.

— Можетъ быть графъ не знаетъ рецепта, тогда конечно другое дѣло.

Каліоспро бѣспро схватилъ Понинскаго за руку.

— Идемте!

— Куда?

Графъ велъ хозяина къ уединенному павильону на берегу пруда. Въ окно разноцвѣтно, волнами врывались огни, отраженные водой и небесами, музыка съ озера и лужайки, запахъ скошенной травы и сладкой липы. Въ комнатѣ было нѣсколько стульевъ, столъ, диванъ, на стѣнѣ противъ окна помѣщалось круглое зеркало.

— Смотрите! приказалъ Каліоспро.

Въ зеркалѣ кружась отражались уменьшенные огни фейерверка и темное небо. Постепенно изъ пестраго движенія выплыли прозрачныя черты, и огни будто живая кровь подъ кожей, шевелились подъ ними. Прямой носъ, опущенныя губы и по-кишайски приподнятыя глаза выражали веселость, надменность и своеобразие.

— Пани Кепинска! воскликнулъ Адамъ и упалъ на колѣни.

— Это труднѣе сдѣлать, чѣмъ наболтать пузырекъ, котораго вамъ я не дамъ! сказалъ Каліоспро, выходя изъ бесѣдки.

Скрипки однѣ уже пѣли съ лужайки, рожки умолкли. Графъ сѣлъ подъ большой фонарь и вспомнилъ, что въ карманѣ у него письмо отъ Шарлотты Медемъ, которая къ нему не писала давно. Ему его передали передъ самымъ обѣдомъ, и онъ не поспѣлъ его прочитать.

— Милый и добрый учитель и братъ, не буду вамъ писать новостей, такъ какъ ихъ нѣтъ, а старыя вы все знаете. Скажу вамъ то, что давно хотѣла сказать. Знаете, у меня есть зубъ противъ васъ. Почему вы не заѣхали въ Мишаву, гдѣ все васъ

такъ любящъ, гдѣ каждая вещь хранищъ для меня воспомина-
ніе о васъ? Конечно, вашъ великій путь лежищъ мимо насъ,
скромныхъ и незамѣтныхъ, но, дорогой учитель, боюсь ска-
зашъ, до насъ доходятъ превожные слухи. Я ихъ гоню, не вѣрю,
чтобы даже слухи не шемнили свѣтлаго имени Каліостро. Вѣдь
вы на виду у всего свѣта. Какая осторожность требуется.
Вы даете людямъ то, чего они просятъ, но то ли имъ нужно,
чего они хотящъ? подумайте. Они запрашиваютъ у васъ денегъ,
успѣха, любви, почестей, фокусовъ. Этимъ вы можете ихъ
уловить ко спасенію, но хорошо ли это? Я не сужу, я спраши-
ваю. Можешъ бытъ я предупреждаю и умоляю. Но нѣтъ, я
слишкомъ увѣрена въ графѣ Каліостро и знаю, что онъ ни-
когда не свернешъ съ пути, хотя бы обманчивая видимость и
говорила намъ противное.

72

Да хранищъ васъ небо, учитель. Цѣлую ваши руки. А. Шар.
Медемъ.

Каліостро оглянулся, ему показались такими далекими не только
дворъ Медемовъ, гдѣ Шарлотта кашалась съ горки, но даже
и покои свѣтлѣйшаго, въ которыхъ шотъ вздыхалъ о регене-
раціи духа.

Скрипя каблуками по сырому песку, къ нему быстро подошла
Лоренца. Положивъ голову ему на плечо, она помолчала, по-
томъ произнесла будто про себя:

— Это жизнь! О, Александръ, я начинаю расправлять крылья!
Польскимъ прошелся со мной король!

Она опять задумалась, потомъ проговорила недовольно:

— Что у тебя вышло съ синьоромъ Понинскимъ? нужно испол-
нить его просьбу, вѣдь это пустяки, какія-то капли. Онъ такъ
щедръ и любезенъ, можешъ бытъ намъ пригодится и на будущее.
Графъ ничего не говорилъ, смотря на звѣзды. Потомъ спо-
койно и тихо произнесъ:

— Завтра мы уѣзжаемъ, Лоренца.

Графиня подняла было брови, но, взглянувъ на мужа, поняла,
что прекословищъ было бы бесполезно.

1.

73

Чья карета, красная съ пестро намалеваннымъ гербомъ, изображавшимъ въ одномъ углу лазурнаго поля золотую куропапку, мчалась по Спрасбургу съ шести часовъ утра до поздней иногда ночи? мчалась по бѣднымъ квартирамъ, по богатымъ улицамъ, иногда въ Базель, иногда въ Савернъ. На чемъ пущи нищія останавливались, крестились и благословляли небо? чьи двери осаждались больными, начиная съ блестящихъ офицеровъ и кончая деревенскими роженицами? чей слуга все время разносилъ порошки, мази и капли? чей салонъ самый многлюдный, самый оживленный, гдѣ сидятъ по три часа онъ пьян до восьми, ожидающа кино хочеть обѣдать, всегда открытый столъ, гдѣ бывають графы, кардиналы, базельскіе банкиры и богатые еврейки? чье имя служитъ городскою гордостью, ради кого гостиницы вѣчно полны прїѣзжихъ, дороги наполнены пѣшеходами, будто богомольцами въ храмовой праздникъ? Кто это?

Графъ Калиостро.

Лоренца можетъ быть довольна. Кажется, еще никогда они не были окружены такимъ почетомъ, такимъ обожаніемъ, такимъ прославленіемъ!

Калиостро вскорѣ по прїѣздѣ въ Спрасбургъ показалъ себя, какъ чудотворный цѣлитель; его всегда скорая помощь, безкорыстїе, вдохновенный и властный видъ привлекали къ нему такую массу больныхъ и любопытныхъ, что черезъ мѣсяць,

уже въ октябрѣ 1780-го года онъ долженъ былъ снятъ большое помѣщеніе на оружейной площади, гдѣ и продолжалъ свою дѣятельность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Онъ почти до восьми у него были не медицинскіе приемы, куда дѣйствительно собиралось не только все спрасбургское общество, но и пріѣзжіе специально издалека. Всѣмъ онъ находилъ привѣтъ, наставленіе, средство или просто улыбку. Графиня сидѣла у камина въ сосѣдней комнатѣ, окруженная дамами, счастливая и гордая. Главными друзьями графа были кардиналъ Роганъ и базельскій банкиръ Сарразенъ, оба богатѣйшіе люди. Подружились они на почвѣ исцѣленій, такъ какъ кардиналъ былъ освобожденъ отъ астмы, а кромѣ того избавилъ онъ скарлатины кузена своего, князя Субизъ, для чего Каліоспро ѣздилъ даже въ Парижъ на 13 дней, а у Сарразена графъ вылечилъ жену. Оба крѣпко привязались къ Каліоспро и были до конца вѣрными друзьями. Въ Спрасбургѣ Каліоспро почти исключительно занимался медициной, возбуждая конечно зависимость врачей, которая однако до середины 1780 года не смѣла высказываться. Особенно не любилъ Каліоспро докторъ Оспернагъ. Скоро ему нашлись союзники по ненависти къ графу. Однимъ изъ нихъ былъ виконтъ де Нарбоннъ, молодой человекъ, почти мальчикъ, очень красивый, служившій въ мѣстномъ полку, хвастливый, влюбчивый и упрямый. Онъ долго ухаживалъ за Лоренцой, она повидимому оказывала ему вниманіе, но не въ такой мѣрѣ и не такъ очевидно, какъ ему хотѣлось бы. Однажды въ августѣ на обѣдѣ у кардинала виконтъ сидѣлъ рядомъ съ Лоренцой. Передавая ей соусникъ, онъ смотрѣлъ на ея лицо своими свѣтлыми какъ свѣтлыя фіалки глазами, не замѣчая что коричневый соусъ печетъ спруей на розовое платье графини. Лоренца тоже этого не замѣчала, сама смотря съ удовольствіемъ и удивленіемъ на розовое лицо, печальное и спрастное, де Нарбонна. Г-жа Сарразенъ черезъ столъ закричала: — Но послушайте, господа, вы думаете, что платье графини — роза, которую нужно поливать удобреніемъ.

Оба вздрогнули, покраснѣли и соусникъ окончательнѣо упалъ на колѣни Лоренцѣ. Всѣ вскочили, дамы бросились вышпиратъ поспрадавшую, мужчины смѣялись, графъ нахмурился, а виконтъ проворчалъ, отъ смущенія не вставая съ мѣста:

— Сколькѣ шума и разговора изъ-за какого-то соусника!

Г-жа Сарразенъ воскликнула, поворачивая Лоренцу, какъ куклу:

— Но вѣдь платьѣ все испорчено, какая жалость!

— Можно купить новое! не совсѣмъ соображая, что говоритъ, отвѣчалъ де Нарбоннъ.

— Я вамъ говорилъ, графиня, чтобы вы не сѣдились рядомъ съ этимъ господиномъ! замѣнилъ громко Калиостро. Виконтъ вскочилъ, съ прескомъ отодвинувъ стулъ и гремя амуницией, шпорами, саблей, цѣпочками, будно вспряхнули мѣшокъ съ металлическимъ ломомъ.

— Вы нахаль, сударь, я васъ вызываю на дуэль! закричалъ мальчикъ сорвавшимся голосомъ и покраснѣлъ, какъ свекла.

— Я не фехтовальщикъ. Это ваше дѣло, отвѣтилъ графъ спокойно, но поблѣднѣлъ и сжалъ кулаки.

— Тогда стрѣляйтесь на пистолетахъ!

— И этого не буду. Мое дѣло возвращать людямъ жизнь, а не отнимать ее.

— Трусъ.

Лоренца бросилась къ графу, крича „Александръ“, но вдругъ тарелка, брошенная виконтомъ, какъ дискъ мягко поднялась и со звономъ разбилась о голову Калиостро. Общій крикъ, лепишь стулъ, по угламъ чухъ не дерущся, споря, кто правъ, графа оппаскивающъ, онъ расстрепанъ, лицо красно, косиномъ расперзанъ, де Нарбоннъ громыхая уходитъ, хлопаетъ дверью, кардиналъ для чего-то снялъ парикъ и на его лысину желтымъ кружкомъ капнулъ воскъ съ люстровыхъ свѣчей. Лоренца давно безъ чувствъ, испуганныя карены быстро разъѣзжаются въ разныя стороны. Миѣніе многихъ: „вотъ что значитъ водиться съ неизвѣстными графами и графинями, которые вамъ сваливаются, какъ снѣгъ на голову“. Кардиналъ считается колпа-

комъ; Сарразены—что же? разбогатѣвшіе еврейскіе выскочки, а виконтъ де Нарбоннъ—мальчикъ изъ хорошей семьи съ манерами и традиціями.

На слѣдующее утро по городу были расклеены памфлеты на графа, графиню и кардинала. Было смѣшно, смѣялись даже тѣ, кто дружилъ съ Каліоспро, докторъ Осмернагъ пощипалъ руки. Выкопали какіе-то слухи, сплетни, неудавшіяся леченія. Родилъница и бабка предъявляли претензіи къ графу, его собственнѣйшій слуга и помощникъ, Карлъ Сакка рассказывалъ по кофейнямъ о хозяйнѣ вещи, какихъ не выдумашъ бы фелъетониспамъ. Каліоспро сократилъ приемы, хотѣлъ уѣхать, но осмался по просьбѣ друзей, думая этимъ поднвердинѣ свою невинность. Болѣе скромная жизнь только въ кругу философическихъ друзей, не была особенно по душѣ Лоренцѣ и она была почти рада, когда графъ покинулъ Спрасбургъ. Популярность его не уменьшалась, но шумъ и блескъ его существованія убавились; иностранцы не прѣзжали, нѣкопрыхъ онъ самъ не допускалъ, жену держалъ взаперти, молодыхъ людей не зазывалъ и вообще велъ себя очень сдержанно. Виконтъ де Нарбоннъ, встрѣчая на улицахъ Лоренцу, кланялся ей издали, краснѣлъ и пошупаялся, а графъ грозилъ ему палкой.

Наконецъ главнѣйшій другъ Каліоспро, кардиналъ де-Роганъ перѣхалъ въ Парижъ, а изъ Неаполя пришло извѣщеніе, что кавалеръ Аквино умираетъ и хотѣлъ бы видѣнъ спариннаго своего спутника. Все-таки въ Спрасбургѣ Каліоспро пробылъ около трехъ лѣтъ и былъ знаменитъ не менѣе собора. Наше солнышко уѣзжаетъ! говорили горожане и поднимали дѣтей, чпобы тѣ видѣли, какъ быспро кашилась размалеванная съ гербами карена, съ одной стороны которой кланялся краснѣйшій графъ, а съ другой наруганная кивала Лоренца.

Принявъ послѣдній вздохъ и послѣднее наставленіе своего друга и покровителя, Каліостро посѣтилъ Бордо и осенью 1784 года пріѣхалъ въ Ліонъ.

Его огорчали раздѣленія между масонами, различіе и соревнованіе ложъ, диспуты и распри, онъ хотѣлъ всѣхъ братіи собрать подъ одно крыло, какъ добрая насѣдка цыплятъ, всѣхъ привести къ ‚египетскому‘ согласу, стать во главѣ и... голова кружилась отъ мысли, что было бы дальше! Что венценосцы, что святѣйшій отецъ былъ бы тогда въ сравненіи съ нимъ, Каліостро?!. Теперь его главнымъ занятіемъ было леченіе и организація обществъ. Въ Ліонѣ была уже двѣнадцатая ложа, кромѣ того тамъ были послѣдователи Сведенборга и ученики ‚незвѣстнаго философа‘ — мартинисты. Тамъ была извѣстна спрасбургская дѣятельность графа и его прибытія ждали съ сердечнымъ волненіемъ. Въ этотъ же день въ честь пріѣзда Каліостро было устроено факельное шествіе, передъ гостиницей ‚королевы‘, что держали дамы Форэ, была исполнена серенада, дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ поднесли по букету графу и графинѣ; ихъ непрерывно приглашали на обѣды и засыпали подарками. Лоренцѣ этотъ почетъ казался скучноватымъ и она вздыхала, вспоминая не только варшавскіе праздники, но и Петербургъ и даже недавно покинутый Спрасбургъ. Банкиръ С. Косторъ вполне замѣнилъ графу базельскаго Сарразена, выдающіеся и вліятельные въ духовномъ отношеніи люди не только относились благосклонно, но записывали у новаго учителя, и звѣзда Каліостро засвѣтилась мирнымъ, но большимъ и свѣтлымъ огнемъ. Но самъ мастеръ тоже не радовался. Надоѣла ли ему тихая и спокойная работа, пишалъ ли онъ болѣе честолюбивыя мечты, смущали ли его сомнѣнія или онъ просто усталъ, но все печальнѣе и какъ-то тяжелѣе становилось его лицо, лишь глаза горѣли и воспаляли по-прежнему.

Ложа „Побѣдительнои мудрости“ была уже устроена, открылась подписка на сооруженіе зданья „храма“ въ Бромпто за рѣкой, никакого раздѣленья не предвидѣлось, время шло благочестиво и достойно. Верхъ мирной славы графа произошелъ въ среду 24 Ноября 1784 года, когда на собраніи братьевъ Каліостро вызвалъ шѣнь недавно скончавшагося Проспа де Ронэ; и она всѣмъ была ясно видима, говорила со всѣми и всѣхъ благословила. Проспъ де Ронэ умеръ въ полной бѣдности, все свое огромное имущество роздавъ бѣднымъ и обществу. Братья были взволнованы до слезъ появленіемъ почтенной шѣни; всѣ обнимались, плакали, бросались къ ногамъ Каліостро и даже, выходя на улицу, сообщали свою радость прохожимъ. Графъ пришелъ домой поздно, долго прощаясь на улицѣ со своими учениками. Лоренца повидимому уже спала, все было темно. Войдя въ свой кабинетъ, графъ почувствовалъ, что въ комнатѣ кто-то находится. При этомъ не было холода, какъ онъ присущесвія духовъ, а теплыи комнатный воздухъ былъ тихъ и душенъ. Значитъ находился человѣкъ. Можетъ быть воръ? Каліостро громко сказалъ въ темноту:

— Кто здѣсь?

Отвѣта не было. Слабое мерцанье неподвижно стояло тамъ, гдѣ былъ столъ и книжный шкафъ.

— Кто здѣсь? Я знаю, что здѣсь кто-то есть, повторилъ Каліостро.

— Графъ Каліостро, зажгите огонь. Пусть будетъ свѣтъ! раздался мужской голосъ.

Графъ нѣсколько разъ спускалъ кремнемъ, наконецъ зажегъ свѣчу на комодѣ. У стола стоялъ молодой человѣкъ въ простомъ темномъ платьѣ, но съ ярко розовою перевязью черезъ плечо. Каліостро не нужно было вглядываться, онъ сразу узналъ того незнакомца своего дѣтства, того человѣка съ прекраснымъ лицомъ и даже не удивился, видя его совершенно неизмѣненнымъ. Графъ не очень любилъ воспоминанья дѣтства, предпочитая воображать себя существомъ, взявшимся неизвѣстно

откуда, но теперь въ этой комнатной ночной тишинѣ, съ глазу на глазъ съ тайнственнымъ господемъ, его сердце тепло и мягко раскрылось. Еще минуша, и онъ бросился бы на шею незнакомому юношѣ. Тотъ смотрѣлъ печально и строго, словно сожалѣя.

— Графъ Калиостро, я пришелъ васъ предупредить.

— Мнѣ грозитъ опасность?

— Да, но отъ самого себя. Графъ, провѣрьте свое сердце, вспомните вашу дѣятельность, и только если найдете, что она никогда не была продиктована корыстью, тщеславіемъ, гордостью или властолюбіемъ, только тогда ее продолжайте.

— Моя совѣсть чиста, я не имѣлъ ни одного изъ перечисленныхъ вами побужденій.

79

Гость помолчалъ, потомъ ясно выговорилъ:

— Это неправда.

Калиостро вскочилъ.

— Какъ неправда? что же, вы лучше меня знаете мои побужденія?

— Лучше.

— Чего же тогда спрашиваетъ, тогда объявляйте, приказывайте.

— Я пришелъ не приказывать, а предупреждать.

— Я не знаю, теперь всѣ командуютъ. Митавскія дѣвочки шлютъ мнѣ наставленія и не насчетъ того, какъ играть въ куклы.

— Анна-Шарлотта одушевлена лучшими стремленіями и она васъ не наставляла, а умоляла.

Калиостро пожалъ плечами, потомъ спросилъ просто:

— Чего же вы хотите?

— Я говорю не отъ себя. Графъ Калиостро, не увлекайтесь честолюбіемъ, не откалывайтесь изъ желанія самостоятельности, потому что всякій отколъ—пораненіе, не вступайте въ интриги политическія или корыстные, не пускайте пыль въ

глаза бѣднѣмъ ропозѣямъ, не желайте быти прославленнѣмъ.
Надѣйтесь только на Того, Чье Царство—Сила и Слава.

— А если я не исполню этого?

— Вы будете оставлены.

— Оставленъ? кѣмъ?

Незнакомецъ молчалъ. Каліостро принялся бѣгать по комнатамъ.

— У меня есть друзья высокихъ степеней и могущественныхъ
вліяній, у меня есть сила, богатство, знаніе. Кѣмъ могу я быти
оставленъ?

— Старайтесь быти другомъ Тому, безъ котораго все друзья
ничто.

Графъ расхохотался.

— Повѣрьте, я лучше васъ знаю все это.

— Графъ Каліостро, прошу васъ не разговаривати со мной
такимъ тономъ и перестати мешати изъ угла въ уголъ.

— Простите!

— Я говорю не о себѣ, я васъ предупреждаю. Если вы не
вѣрите, я вамъ могу дать знакъ.

Вокругъ гостя странно зарѣяло какое-то неопредѣленное
сіяніе, предчувствіе свѣта, воздухъ сдѣлался легче и теплѣе;
казалось, сейчасъ послышится не то звукъ, не то запахъ. Ка-
ліостро протянулъ руку.

— Я вѣрю.

Оба стояли молча.

— Графъ Каліостро, можетъ быть, не слѣдуетъ говорить
того, что я скажу, но ответственность я беру на себя. Іосифъ
Бальзамо, не губи себя, прошу тебя послушаться.

Голосъ незнакомца зазвучалъ совсѣмъ по другому, онъ протя-
нулъ обѣ руки и Каліостро бросился къ нему на грудь. Больше
госпъ ничего не говорилъ; обнявъ послѣдній разъ графа, онъ
поклонился, покрывъ голову преуголкою и вышелъ за дверь.

Каліостро долго стоялъ смущенный, распроганный, не замѣчая,
какъ по толстымъ щекамъ его текутъ слезы. Проведя рукою
по лицу, онъ замѣнилъ, что оно мокро. Будто придя въ себя,

онъ бросился къ двери, словно думая, что тамъ еще кто-нибудь есть. Потомъ шлепнулся въ кресло, опять вскочилъ и, сдвинувъ парикъ на сторону, принялся бѣгать, шепча:

— Выдумка! и я хорошъ: графъ Каліостро плачетъ въ объятіяхъ мальчишки! великій мастеръ, спидипесъ! ваша сила, знаніе—все исчезнетъ? глупости! вошь я велю свѣчѣ потушить—и она гаснетъ (и дѣйствительно, свѣча на комодѣ заморгала, заморгала и погасла, будто кто прикрывъ ее колпачкомъ), вошь велю ей горѣть—и она снова свѣтитъ (правда, свѣча снова забрезжила и разгорѣлась). О-го, наша сила еще не исчезла! а не исчезла сила—и все въ порядкѣ! я буду сильнѣе всѣхъ! какой воспоргъ. Всѣ люди мнѣ подчинятся и я имъ дамъ то, что имъ нужно. Царство мое будетъ царствомъ милости и благости. Бѣдные братья, хотите вы золота? золото къ вамъ потечетъ изъ моихъ рукъ, какъ источника, хотите успѣхъ?—успѣхъ идетъ вамъ навстрѣчу; любви, власти?—все вамъ дается, только признайте меня. Я беру всѣ ваши слабости, ваши грѣхи на себя; спите спокойно, только поставьте меня вершицею вашей судьбы! кто можетъ остановиться между мною и моимъ Богомъ, какіе самозванцы въ сѣрѣхъ плащахъ? все это фокусы! никто лучше меня не знаетъ Его воли, Его желаній, Его путей. Пусть меня ославляютъ, я не буду ославленъ!!

Каліостро закинувъ голову, поднялъ глаза, остановился въ какомъ-то неподвижномъ воспоргѣ, какъ вдругъ легкій металлическій трескъ и звякъ привелъ его въ чувство. Онъ прямо бросился къ стѣнѣ, гдѣ висѣла обнаженная шпага. Теперь на гвоздѣ повисъ только одинъ кусокъ, прилегающій къ рукояткѣ, остальные два обломка лежали на землѣ, скрестившись. Каліостро опустился на полъ и долго смотрѣлъ на мерцающій крестъ изъ сломаннаго напрое лезвія, потомъ вскочилъ такъ порывисто, что свѣча потухла, и закричалъ:

— Графиня! Лоренца, Лоренца!!

Жена вѣроятно спала крѣпко, потому что никто не опозвался на крикъ Каліостро. Закрывъ лицо руками, онъ прошепталъ: „одинъ, одинъ!“ но вдругъ выпрямился и, толкнувъ бречавшіе обломки ногою, произнесъ торжественно:

— Свѣтъ увидишь, что можешь сдѣлать одинъ Каліостро, предославленный собственнымъ силамъ!

3.

Отъѣздъ графа 28 января 1785, обславленный полною тайною, для всѣхъ былъ большою неожиданностію; впрочемъ Каліостро любилъ такія неожиданности, окружая иногда неважные поступки шумомъ, чтобы они не опличались для непосвященнаго взгляда отъ такихъ, которые дѣйствительно требовали таинственности. Ліонскіе масоны надѣялись, что маснерь вернется къ 20-му августа, когда предполагалось торжественное открытіе обновленной ложи, и предполагали, что въ Парижѣ графа вызвали масонскія дѣла, такъ какъ въ февралѣ тамъ долженъ былъ быть съѣздъ разныхъ ложъ подъ названіемъ „Филаделфы“. Можеть быть Каліостро и думалъ принять участіе въ засѣданіяхъ „филадельфовъ“, можеть быть скорѣе хотѣлъ броситься въ кипучую парижскую жизнь, бороться, блистать, удивлять и властвовать, убѣдиться, что сила его не потеряна, увѣрить себя на дѣлѣ и скорѣй, скорѣй. А можеть быть на его отъѣздъ повліяли письма г-жи де-ла Мопшъ, писавшей ему время отъ времени. Онъ такъ хорошо помнилъ эту пріятельницу кардинала, съ которой онъ познакомился еще въ Савериѣ! она была мила, небольшого роста, съ каштановыми волосами, вздернутымъ носомъ, голубыми глазами и слишкомъ большимъ ртомъ. Происходя изъ обѣдѣвшей дворянской семьи, выросшая почти въ нищетѣ, пока ее не взяла

на свое попеченіе маркиза Булэнвилъ, Жанна де-ла Мошпъ уже скоро пять лѣтъ была замужемъ за жандармскимъ офицеромъ, толстымъ г. де-ла Мошпъ, имѣла свой салонъ въ Марэ и пользовалась вліяніемъ у королевы. Злые языки увѣряли, что маленькая ла Мошпъ просно сняла въ Версалѣ комнату и сидѣла тамъ иногда безъ бды, просно для вида, когда слуги важно заявляли, что госпожа поѣхала ко двору. Но какъ бы то ни было, многимъ лицамъ она оказывала пропекцію и доставляла мѣста, разумѣется, за плату деньгами или шоварами, пошому что она могла выхлопывать и поставки. Она оказала нѣкоторыя услуги родственнику де Роганъ, что еще болѣе скрѣпило ея дружбу съ кардиналомъ. Каліостро она легкомысленно и шуманно писала, что его присутствіе было бы очень полезно, такъ какъ ни она, ни добрый кардиналъ не могутъ рѣшиться на какое-то дѣло.

Въ Парижѣ графъ пріѣхалъ въ началѣ февраля и очевидно собирался устроиться на широкую ногу, такъ какъ, проведя всего нѣскольکو дней въ ошелѣ, гдѣ платилъ по пятнадцати ливровъ въ день, онъ снялъ особнякъ маркизы д'Орвиле, по соседству съ г-жей де-ла Мошпъ, въ томъ же Марэ, и обставилъ его очень быстро богатою мебелью.

„Филалеты“ дѣйствительно разсчитывали на участіе Каліостро въ ихъ засѣданіяхъ, но графъ заставлялъ себя упрашивать, предъявлялъ разныя требованія, чтобы пригласили непременно г. Лаборда, чтобы уничтожили архивъ „филалетовъ“, чтобы раньше признали обязательнымъ „египетское посвященіе“, такъ что братья увидѣли, что, пойдя на уступки, они тѣмъ самымъ предрѣшаютъ исходъ совѣщаній, и оставили его въ покоѣ. Кажется, Каліостро ожидалъ другихъ результатовъ отъ своей требовательности, но предсавился вполне довольнымъ и занялся устройствомъ собственной логи.

Кардиналъ ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Ему столько же нуженъ былъ совѣтъ Каліостро, сколько хотѣлось просто разсказать про необыкновенное приключеніе. Спросивъ мелкомъ

про дѣла графа, кардиналъ съ таинственнымъ и лукавымъ видомъ произнесъ:

— Ну, графъ, намъ нужна ваша помощь.

— Вы знаете, что мои знанія и способности всегда къ вашимъ услугамъ.

— Знаю, но путь нужно совсѣмъ особое, непригодное къ другимъ случаямъ искусство. Рѣчь идетъ о слишкомъ высокопоставленномъ лицѣ.

— Что вы, мой другъ, говорите? какъ будто не знаете, что для всѣхъ людей дѣйствуютъ одни и тѣ же правила?

— Мнѣ нужно узнать, получила ли королева ожерелъе?

— Какая королева? Марія Антуанета?

— Ну да, Марія Антуанета. Видите ли, милый графъ, вы конечно только что пріѣхали и не знаете, что путь происходило. Это тайна, но вамъ я могу открыть.

— Тѣмъ болѣе, если вы ищите совѣта.

— Полгода тому назадъ мнѣ нужно было передать королевѣ прошеніе. Мнѣ успроила свиданіе наша добрая маленькая фея, г-жа де-ла Мопшъ. Это было лѣтомъ въ саду Трианона. Незабываемыя минуты! Ну хорошо, дѣло было сдѣлано, все вышло какъ нельзя лучше. Теперь мѣсяца два тому назадъ та же де-ла Мопшъ пишетъ мнѣ, что королева въ большомъ затрудненіи, г. Бемеръ сдѣлалъ спеціально для нея ожерелъе, но королева сейчасъ не имѣетъ должной суммы и ищетъ кого-нибудь изъ друзей, кѣмъ впайнѣ опъ короля разумѣется помочь бы ей устроить это дѣльце. Я очень благодаренъ г-жѣ де-ла Мопшъ, что она меня извѣстила. Мнѣ было спѣшно не поспѣшить помочь нашей обожаемой королевѣ, когда у меня кружева на праздничной сушанѣ стоятъ 100000 франковъ и когда я принужденъ держать четырнадцать дворцовыхъ. Четырнадцать! я только на дняхъ это узналъ. Иначе не обойтись. Тѣмъ болѣе, что съ г. Бемеромъ мы условились, что платежи будутъ производиться частями, какъ обѣщала и королева возмѣщать затраты.

— Вы видѣли письма королевѣ?

— Ну конечно, и подпись: Марія Антуанета Франціи.

— Причѣмъ же тутъ Франція?

— Но она королева Франціи.

— Все-таки глупо такъ подписываться.

— Вы спали вольнодумцемъ. Королева прелестна.

Каліоспро былъ разсѣянъ и скученъ. Ему казалось, что кардиналъ какой-то не шотъ, что бывало. Самыи Парижъ ему представился вдругъ мельче, буржуазнѣе и скучнѣе. Онъ равнодушно спросилъ:

— Чего же вы хотите, мой другъ? на мой взглядъ дѣло запутанное и не совсѣмъ чистое. Хорошо, если вы поспрадаете только мажорбально, т. е. денежно. Но разъ всѣ формальности соблюдены, условія ваши подписаны и вещь передана королевѣ, то значитъ дѣло кончено. Чего же вы хотите?

— Узнавъ, передано ли ожерелье по назначенію.

— А вы кому его передали?

— Г-жѣ де-ла Мошнѣ, которая при мнѣ же опдала его посланному отъ Маріи Антуанетты, котораго я знаю въ лицо, такъ какъ онъ же сопровождалъ королеву на свиданіе въ Тріанонѣ. Каліоспро молчалъ; молчалъ и кардиналъ, очевидно недовольный, что его разсказъ не произвелъ желаемого впечатлѣнія. Снизу раздался звонокъ. Каліоспро замѣшилъ:

— Конечно, я вамъ узнаю, но думается, что вамъ и такъ эта исторія стоила не мало денегъ.

Кардиналъ самодовольно кивнулъ головою.

— Конечно, г-жа де-ла Мошнѣ очень милая женщина.

— Кіпо говорите, что г-жа де-ла Мошнѣ очень милая женщина? Какъ графъ Каліоспро въ Парижѣ, и я ничего не знаю? злодѣи! злодѣи! но вы загладите вашу вину завтра въ пять часовъ у меня. Не правда ли? я живу въ Марэ. Нефъ с. Жилъ. И вы въ Марэ? мы всѣ сосѣди. Ну, кардиналъ, я сажусь, не дожидаясь приглашенія. Впрочемъ, я такъ боюсь, что вамъ некогда предложитъ мнѣ кресло. Я такъ разспроена, г. Бемеръ все-таки

не виходить почему-то у меня изъ головы. Я такъ впечатли-
тельна. Нашъ ангелъ королева вчера была вся въ голубомъ.—
Можно было умереть отъ восторга.

Хотя кардиналъ и придвинулъ кресло къ камину для г-жи де-ла
Мопшъ, она все же двигалась по комнатѣ, повертываясь, при-
сѣдая, разводя руками, словно танцевала менуэтъ. Ужинавъ
рѣшили здѣсь же для шепла и не зажигать люстру, поспавивъ
только канделябры. Когда кардиналъ вышелъ зачѣмъ-то, де-ла
Мопшъ, сощутивъ глаза и понизивъ голосъ, сказала:

— Вы упрекали кардинала въ распочинчивности и предупре-
ждали относительно меня?

— Откуда вы знаете.

— Такъ, я просто слышала. Вамъ не выгодно со мною ссориться.
Вамъ нужны деньги и власть, все это въ моихъ рукахъ. Если 86
хотите, давайте дружить, вы не раскаетесь.

Г-жа де-ла Мопшъ говорила очень быстро, боясь, что войдетъ
кардиналъ. Она наклонилась къ графу, причемъ онъ видѣлъ всю
ея небольшую грудь въ разрывѣ открытаго платья, и сказала:

— Хотите союзъ? не пренебрегайте. Я могу дать недурные
совѣты. Когда будете узнавать объ ожерельи, въ голубки возъ-
мите ла Туръ, мою племянницу: она очень способная дѣвочка.
Входилъ кардиналъ. Де-ла Мопшъ разсмѣялась и хлопнула
графа по рукѣ.

— Однако какія манеры привезъ изъ провинціи графъ! мы это
все здѣсь передѣлаемъ.

Идя домой Каліостро вспомнилъ, что все время власно пра-
вила разговоромъ и будто отдавала приказанія г-жа де-ла
Мопшъ, а онъ, Каліостро, покорно слушалъ.

Опытъ даже съ очень способной племянницей г-жи де-ла Мошнь не удался. Маленькая ла Туръ не увидѣла ни королевы, ни какого духа, а только расплакалась и болтала какой-то вздоръ. Тетка ее тушь же приколошила, сказала, что она и безъ сеанса знаетъ, что королева ожерелъе получила, такъ какъ сегодня опъ нея принесли писъмо, гдѣ она проситъ подождать, какъ ни-будь устроишься до 1-го октябрю. когда она внесетъ двойной взносъ, а пока присылаетъ прицатъ тысячъ въ качествѣ процентовъ. Кардиналъ обрадовался, подарилъ голубкѣ коробочку съ драже и даже утѣшалъ графа въ неудачѣ.

Съ парижскими сущеснвующими ложами Каліоспропоспепенно расходился, уснпронвъ свою опдѣлнвую, но замѣчалъ, что опыты чаще не удаются, такъ что приходилось прибѣгать къ механической помощи или даже проспо помощи рукъ. Лоренца служила ему въ этомъ хорошей помощницей. Графъ не дѣлалъ изъ этого никакихъ заключеній, только сердился и сердясь упрямѣи старался добиться того, что опъ него ускользало. Не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать и того, что соснавъ слушателей его дѣлался все болѣе легкомысленнымъ и смѣшаннымъ. Правда, оспавался кардиналъ, Сарразены и Леожанъ—друзья, но первѣи былъ увлеченъ и взволнованъ авантюрой съ ожерелъемъ, а вторые были далеко. Мишава, Петербургъ казались оставленными за милонъ верспъ. Графъ уснпронлъ свой домъ богато и импозантно и съ внѣшней споронъ его жизнь была крайне блестяща. Его собранія обрашались въ смѣшанный салонъ, гдѣ посѣпители мѣнялись каждыи день, говорили о дѣлахъ, назначали свиданья. Между тѣмъ какъ графъ, собирая обрывки, вдругъ почему-то исчезнувшихъ знаній, говорилъ напыщенныя и смѣшныя рѣчи объ Анланнидѣ, Египтѣ, арканахъ, философскомъ камнѣ, прерывая ихъ комплименами близко сидящимъ дамамъ.

Впрочемъ суевѣрная слава о немъ держалась крѣпко и ночью, проходя пустыннымъ Марэ, крестьяне со страхомъ показывали

другъ другу на огонь въ его лабораторіи и спѣшили дальше, крестясь. Г-жа де-ла Мопанъ перенесла часѣ своей дѣятельности въ салонъ Каліоспро, что прибавило ему оживленія, но не способствовало духовности и серьезности общества. Графиня должна была бы радоваться свѣтской жизни, но ее превозжило состояніе Каліоспро, которое, несмотря на видѣніе какъ будто еще увеличившуюся дѣятельность графа, чувствовалось превозжимымъ и мрачнымъ. Когда онъ не думалъ, что на него глядящъ, лицо его дѣлалось обрюзгшимъ, печальнымъ и тупымъ. Кромѣ того Лоренца, при всей своей наивности, замѣчала, что чаще и чаще графъ бываетъ смѣшнымъ, что шопотъ и смѣлки окружающихъ почти не скрываются и что онъ слушаетъ расперянно и жадно всякаго, кто власно говоритъ. Наконецъ весь Парижъ, свѣтскій, газетный, масонскій, уличный, придворный, разинулъ ротъ отъ изумленія и смѣха: графъ основалъ женскую ложу „Изида“ и масперомъ выбралъ графиню Лоренцу. Сдѣлано это было по совѣту г-жи де-ла Мопанъ. Туманные и высокопарные объясненія Каліоспро о значеніи женщины въ общей регенераціи духа еще болѣе смѣшали не только остряковъ, особенно, когда вспоминали какой рой пустыхъ хохолушекъ, спарыхъ дѣвъ, авантюристокъ и своденъ ринулся въ открытыя двери этого святилища. Появились памфлеты, списки и брошюры, гдѣ „Изиду“ сравнивали чуть не съ публичнымъ домомъ, а Каліоспро изображался въ видѣ султана среди своихъ женъ. Особенно смущало однихъ и веселило другихъ, что послѣ сеансовъ, на которыхъ присутствовалъ и Каліоспро, всѣ переходили въ сосѣдную залу, гдѣ были накрыты столы, ждали кавалеры и запросно ужинали, танцовали и пѣли куплеты. Однажды упрямъ кардиналъ прѣхалъ въ Марэ сильно поспрясенный. Прямо пройдя въ кабинетъ, онъ бросилъ перчатки въ каминъ, вмѣсто того, чтобы положить ихъ на геридонъ и началъ, отдуваясь.

— Графъ, я виноватъ, я скрывалъ отъ васъ, но теперь я признаюсь и умоляю о совѣтѣ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Каліостро шже взволнованно, видя искреннюю тревогу де Рогана.

— Королева ожерелья не получила.

— Какъ?

— Бѣмеръ узналъ это онъ г-жи Кампонъ, лектрисы королевы. Всѣ письма подложны. Марія Аннуанеша Франціи! вы правы: кто же будетъ подписываться такъ глупо? мы всѣ обмануты, но главное задѣна честь королевы. Ювелиры были уже въ Версаль, тамъ все извѣстно. Боже мой! что же намъ дѣлать?

— Ъхашъ къ королю, броситъся къ его ногамъ и скажетъ правду.

— Нѣтъ, я этого не могу сдѣлать.

— Тогда это сдѣлаетъ за васъ вашъ другъ.

89

— И этого не надо! слишкомъ поздно! — и кардиналъ закрылъ свое полное лицо маленькими ручками.

Каліостро молчалъ, глядя въ окно и стараясь собрать свои силы. Что-то последнее рухнуло словно около него. Но силы не увеличивались.

Кардиналъ поднялся совсѣмъ спаричкомъ.

— Прощайте, учинелъ, благодарю васъ за любовь и за совѣты, копорыми я къ сожалѣнію не могъ воспользоваться. И вышелъ. Каліостро стоялъ среди комнаты. Покинутъ! справились ли? конечно есть и другая сила. Въ комнатѣ упрямъ Лоренца кроила новыі лифъ, ножницы и бумага лежали на солнцѣ. Графъ подошелъ къ нимъ, улыбаясь, и машинально сталъ вырѣзывать мелкія неровныя звѣзды, шепча:

— Есть и другія силы, другія силы!

Въ дверь постучали. Вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, психѣій на адвоката. Увидя ножницы въ рукахъ Каліостро, онъ попятился, но потомъ сверкнулъ глазами и поклонился. Назвался Франческо ди С. Мауриціо, увѣряя, что бывалъ у графа на пріемахъ. Каліостро молчалъ, ожидая, что будетъ дальше. На полу лежали мелкія неровныя звѣзды. Господъ еще разъ поклонился, прижимая руку къ сердцу. Было непріятно, будто онъ безъ костей.

— Не удивляйтесь, что я вам скажу. Насъ никто не слышитъ?

— Никто.

— Я пришелъ васъ спасти. Вы оставлены, но несправедливо.

Калиостро нахмурился.

— Почему вы это говорите?

Гость извиваясь поклонился.

— Просните. Я васъ зову. Миѣ поручили снова дать вамъ помощь.

— Знакъ, знакъ!—Калиостро топнулъ ногою.

— Я знаю, что вы оставлены и скоро будете въ Баснильи, сударь.

— Что же дальше?

— Обѣ ваши шемницы будутъ разрушены, срыты съ лица земли. Повѣрьте миѣ, я вамъ помогу. Кто же вамъ поможетъ, эта мошенница де-ла Мопшъ?

Калиостро молчалъ, пошупаясь. Пошомъ глухо спросилъ:

— Что я долженъ дѣлать?

Незнакомецъ изогнулся чуть не до полу, отвѣчая:

— Помириться съ Апостольской Церковью.

Калиостро во все горло расхохотался, пошомъ вдругъ замѣтилъ мелкія звѣзды на полу и медленно подошелъ къ гостю. Тотъ стоялъ улыбаясь и не гнулся.

— Такъ вы...?

— Да, конечно! отвѣтилъ Франческо, пожимая прозянувшую ему руку.

5.

Кардиналъ, какъ оказалось, былъ лучшій провидѣцъ, нежели графъ Калиостро: было дѣйствительно поздно обращаться къ королю. Версаль былъ въ волнении послѣ депутаціи ювелировъ,

коморные все рассказали королю; былъ тайно созванъ совѣтъ министровъ, на которомъ было рѣшено подвергнуть аресту кардинала де Роганъ, котораго арестовалъ самъ король публично на приѣмѣ 15-го августа, г-жу де-ла Мошпъ, арестованную 18-го августа, и наконецъ Каліоспро арестованнаго послѣ всѣхъ, можетъ быть по наговору г-жи де-ла Мошпъ, 23-го августа въ 7 часовъ утра. Арестовали и ничего не знавшую Лоренцу.

91 Г-жа де-ла Мошпъ сопровождалась власнями; хотя арестъ ея производился днемъ, она раздѣлась, спустила шпоры и легла подъ кровать. Сначала она кричала, что она спитъ, потомъ увѣряла, что не можетъ выйти, такъ какъ совсѣмъ голая, ее выпачкали за ногу, причемъ она укусила въ икру сержанта; она все буянила и вошла, наконецъ разбила объ голову арестовывающаго ночной горшокъ и только тогда предалась въ руки правосудія.

Всѣмъ извѣстное дѣло тянулось съ августа 1785 по июнь 1786. Кардиналъ посматрѣлъ, велъ себя смирно, отвѣчалъ тихимъ голосомъ и не могъ сообщить ничего, чего бы не знали тотъ же Бемеръ, г-жа Кампонъ или любой непричастный къ дѣлу человекъ. Графъ Каліоспро и г-жа де-ла Мошпъ обвиняли другъ друга. Г-жа де-ла Мошпъ волновалась, плакала, кричала, выдумывала всякія обвиненія вроде того, что графъ наслалъ ей въ камеру блохъ и ш. п. Каліоспро на вопросъ: „кто онъ?“ отвѣчалъ:

— Знашійй путешественникъ,
и потомъ, поговоривъ часа полтора о сотвореніи міра и тайнахъ природы, называлъ г-жу де-ла Мошпъ воровкой и вранбей. Судьи дремали, свѣчи оплывали и подсудимыхъ разводили по ихъ мѣстамъ. Между тѣмъ нужно было поропинѣться съ этимъ дѣломъ, такъ какъ въ немъ была замѣшана королева. Писма ея сочли подложными только на основаніи подписи „Маріи Антуанеты Франціи“, такъ какъ такая подпись не принята и не умна. Но вѣдь можно и королевѣ иногда быть не умной и

въ дѣлахъ необычныхъ подписывавшся не такъ, какъ принято! Увѣряли, что и письма были подложны, и на свиданье къ кардиналу ходила вмѣсто Маріи Аннуанесны судомойка г-жи дела Монинъ (это сходство не оскорбило королеву, но вызвало краску на лицѣ кардинала), и что роль слуги королевы исполнялъ г. Рено, которъй служилъ у г-жи де-ла Монинъ, гдѣ кардиналъ его видѣлъ всякій разъ, какъ бывалъ тамъ. Не было явныхъ уликъ, но дѣло для всѣхъ было подозрительнымъ и страннымъ тѣмъ болѣе, что оцѣдѣныя часни ожерелья могли бытъ пущены въ продажу черезъ подставныхъ лицъ къ кому угодно.

Начались очныя ставки. Надѣялись многое выяснивъ изъ очной ставки графа и г-жи де-ла Монинъ; но на этотъ разъ Каліоспро измѣнилъ своей важности и краснорѣчію. Едва только ввели ее, какъ Каліоспро закричалъ и обрушился на свою приятельницу съ извозчичьей бранью. Г-жа де-ла Монинъ не осмалась въ долгу, потому что, окончивъ бранивша, она схватила зажженную свѣчку и бросила ее въ живонъ Каліоспро, но такъ неудачно, что капли сала попали ей самой въ глазъ и она чухъ не окривѣла. Графъ воскликнулъ:

— Небо тебя покарало!

Г-жа де-ла Монинъ показала ему языкъ и замолкла.

Наконецъ, 31 мая кардиналу и графу Каліоспро былъ вынесенъ оправдательный приговоръ. Лоренца была освобождена еще 26 марта. Плѣнниковъ выпустили на волю ночью, около полночи 1-го іюня, тѣмъ не менѣе все происшедшее передъ Басшиленъ было полно народомъ. Народъ же толпился на дѣшиницѣ, ожидая выхода оправданныхъ. Какъ-то сразу въ объѣмахъ Каліоспро очутилась Лоренца.

— Александръ, Александръ. Небеса видятъ правду! восклицала она, покрывая лицо и руки мужа поцѣлуями.

Съ улицы доносился шумъ.

— Что это? спросилъ графъ, или это простой уличный шумъ я, отвыкнувъ, принимаю за народное волненіе?

— Тамъ народъ привѣснвуеиъ освобожденіе графа, объяснилъ подскочившій Франческо. Каліоспро прислунался. Внизу гудѣли голоса на одной ровной нотѣ, на которои вдругъ выскакивало: „долой убійцы! „долой фальшивомонетчиковъ! „да здравснвуеиъ справедливосиы! „наконецъ кшо-шо вдали прокричалъ какъ иѣ-нухъ „да здравснвуеиъ Каліоспро!

Графъ улыбулся, Франческо ди С. Мауриціо взялъ его подъ локоти и извиваясь говорилъ:

— Добрый французскій народъ любитъ графа. Цѣлый день снотъ молла, ожидая вашего выхода. Они просиые и чисно-сердечныы, съ ними можно дѣлать что угодно: они довѣрчивы. Каліоспро онспранился иѣсколько, будно не помнилъ, что это за человекъ, гдѣ онъ его видѣлъ и зачѣмъ онъ здѣсь.

— Я—Франческо ди С. Мауриціо. Вы меня не помните?

Графъ болѣзненно сморщился. На Франческо почему-то была рабочая блуза и замасленый колпакъ.

Выйдя на улицу, онъ снялъ колпакъ и, махая имъ какъ дирижеръ, закричалъ:

— Да здравснвуеиъ графъ Каліоспро, невинно пострадавшій. Иѣсколько голосовъ ему онвѣтило. Шелъ пенный черныи дождь; черная мокрая молла гудѣла, кое-гдѣ видны были фонари на пакахъ. Каліоспро проиискался сжимая руку Лоренці!

— Моженъ быиъ, это самая счастливая минута моей жизни! Молла бросилась бѣжати за кареной графа, но крича „да здравснвуеиъ Каліоспро!, но „смериъ палачамъ! —пономъ онспнала, чтообы громиы иракширь. Черныи дождь гулко лился. Каліоспро дремалъ въ каренѣ, покачиваясь, держа руку Лоренці въ своей и всякій разъ, когда пробуждался, удивляясь, зачѣмъ въ ихъ каренѣ сидитъ Франческо. Дома была приготовлена домашняя вспрѣча графу, и на столѣ у него лежало писъмо отъ Шарлоты Медемъ. Каліоспро задумчиво покачалъ его на рукѣ, пономъ пошелъ мыиъся и переодѣиъся.

Въ писъмѣ было иѣсколько строкъ.

—Графъ Каліоспро, я вамъ была вѣрна, покуда вы были вѣрны сами себѣ. Теперь объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Какъ человека, мнѣ васъ жалко, и я готова буду сдѣлать все, что вамъ нужно, но какъ ученикъ и бранецъ, вы для меня совершенно умерли, и я могу только плакать о васъ и о себѣ всю свою жизнь. Можетъ быть даже хуже, чѣмъ умерли, потому что человекъ мрака хуже мертваго шѣла. Забудьте, что я была когда-то вашей ученицей

Анной Шарлоттой ф. Медемъ.

6.

94

Все оправданные шѣмъ не менѣе должны были покинуть Парижъ какъ можно скорѣе, шѣмъ болѣе, что Марія Аннуанеша, узнавъ о приговорѣ, была взбѣшена и легко могла найти способъ избавившись отъ непріятныхъ и неудобныхъ для нея людей. Кардиналъ уѣхалъ въ Овернь, а Каліоспро съ Лоренцей отправились въ Лондонъ. Вѣроятно графу хотѣлось сперва въ расцвѣтѣ, какъ ему показалось послѣ 1-го іюня, своей славы показаться тамъ, гдѣ были его первые шаги, но въ Англіи сейчасъ же началъ противъ него газетный походъ знаменитый журналистъ Морандъ, говорящій, подкупленный французскимъ правительствомъ. Каліоспро захотѣлъ опровергать шѣмъ же оружіемъ и помѣщалъ статьи, опроверженія, письма и брошюры, гдѣ чувство достоинства замѣнялось подозрительнымъ краснорѣчіемъ, а полемика—бранью. Пробывъ меньше году въ Англіи, почти исключительно проведя это время въ борьбѣ съ Морандомъ, такъ что подъ-конецъ это пересмало интересовать даже любителей скандаловъ, Каліоспро снова переправился на материкъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Базелѣ у Сарразеновъ, онъ направился черезъ Швейцарію въ Римъ, куда давно хотѣлось графинѣ. По пути Каліоспро выбиралъ мѣста,

гдѣ у него оставались вѣрные друзья вродѣ Сарраzenовъ или лiонскаго г. С. Коспоръ, или же небольшіе городки, гдѣ онъ лечилъ съ перемѣнчивымъ счастьемъ, дѣлалъ кое-какія не сохранившіяся предсказанія, да основывалъ 'египетскія' лѣжи. Въ Эонѣ встрѣтился съ Казановой, но оба великіе человека другъ другу не понравились. Въ швейцарскомъ городкѣ Освередо они остановились нѣсколько дольше. Это было въ сентябрѣ 1788 года. Дни шло яли солнечные и ясные; изъ оконъ ихъ номера были видны снѣжныя горы, гдѣ вечеромъ и упрямъ горитъ небесная 'альпійская роза'.

Лоренца вспала очень рано и открывши окно выснавила голову въ свѣжій прозрачный воздухъ. Почини не было видно людей, какія-то старухи спѣшили въ капеллу, звонкій колоколъ коимъ-то напоминалъ пастушьи звонки; внизу на озерѣ ловили рыбу, и вода, и горы, и лодки—все было молочно-голубого цвѣта; кричали пѣшухи и курь спокойно, еще по-утреннему кудах-тали; пахло парнымъ молокомъ и чумъ-чумъ сѣномъ. Изъ пѣкорныхъ трубъ поднимался уже дымъ, голубой на голубомъ небѣ. Хорошо въ такое утро бывшъ проездомъ въ мѣстности, въ которую никогда не вернешься.

Лоренца не замѣтила, какъ подошелъ къ ней Каліостро и положилъ руку ей на плечо.

— Ранняя пичка!

— Да. Я теперь и забыла, что значить рано вставать.

Оба помолчали, смотря на голубую радость за окномъ.

— Какая простая жизнь, какъ жизнь младенца! сказалъ задумчиво графъ и вздохнулъ.

— Тебѣ некогда и отдохнуть, Александръ! завтра всѣ узнаютъ, что ты пріѣхалъ, и поплеснутся болѣвые, калѣки, твои масоны и желающіе подачекъ. А ты усталъ, мой милый! я даже устала, а рѣдко женщины, особенно такія пустыя, какъ я, устаютъ отъ суеты.

— Мой спдыхъ—дѣлаиъ добро.

Лоренца помолчавъ спросила:

— Александръ, ничего не случилось?

— Нѣтъ, что могло случиться.

— Я не знаю, я спрашиваю.

Помолчавъ, она снова спросила:

— Зачѣмъ около насъ эпопъ С. Мауриціо. Онъ—гадъ.

Я не брезглива и плохо разбираюсь въ людяхъ, мнѣ не прошивны мошенники, я даже г-жу де-ла Мошнѣ могу находить милой, но эпопъ Франческо, зачѣмъ онъ съ нами?

— Его же зѣсѣ нѣтъ.

— Да, онъ ждетъ насъ въ Римѣ, готовитъ намъ квартиру. Римъ! эпо моя родина и попомъ городъ, которъй нельзя не любить. Но теперь мое чувство какъ-то дѣлится: мнѣ и радостно видѣть мѣсто, гдѣ я росла, гдѣ мы съ шобой встрѣтились, и вмѣстѣ съ шѣмъ, будто чье-то черное крыло все покрываетъ. Мнѣ кажется, это опъ С. Мауриціо. У тебя плохіе слуги! Вишеллини, Сакки, но Франческо мрачнѣе всѣхъ.

— Ты приспосаблива къ нему. Просно онъ тебѣ не нравится, вопъ и все. Онъ честнѣйшій малый.

— Дай Богъ.

Солнце, вставая все выше, позолотило голубой упреннѣй свѣтъ. Лоренца опять начала.

— У тебя, Александръ, мало друзей, и будетъ еще меньше. У тебя одинъ настоящій другъ, эпо—я, но какой же я тебѣ другъ. Ты знаешь, я нашего брата, женщинъ, не очень-то высоко ставлю, а самое себя вижу хуже многихъ. Курица какая-то!

— Что ны сказала? разсмѣявшись, переспросилъ графъ.

— Курица? какія у тебя мысли въ головѣ.

Онъ обнялъ еще разъ Лоренцу и поспоялъ молча. Лоренца еще разъ сказала:

— А все-таки что-то измѣнилось, и я даже скажу, съ какихъ поръ.

— Съ какихъ же?

— Незадолго до нашего отъѣзда изъ Лондона.

Графъ поблѣднѣлъ и закрылъ окно, но ошибкѣ закрылъ и

ставни. Утро исчезло.

— Что ты хочешь сказать, Лоренца?

— Зачемъ ты закрылъ окно?

— Холодно.

— Въ тебѣ что-то исчезло.

— Лоренца!

— Что-то исчезло...

— Но что?

— Я сама не знаю.

— Не надо никогда этого говорить!

— Хорошо, я не буду, но это такъ.

— Это не такъ, глупая курица!

97

Калиостро началъ одѣваться, попомъ дѣйствительно поплелись болѣные, калѣки и ш. п. и онъ позабылъ объ этомъ разговорѣ, и лишь гораздо позднѣе, въ римской тюрьмѣ вспомнилъ о вызвавшихъ его досаду словахъ единственнаго и глупаго своего друга, Лоренцы.

7.

Франческо ди С. Мауриціо, въ самомъ дѣлѣ отправившись ранѣе въ Римъ, снялъ тамъ на испанской площади помѣщеніе для Калиостро и убралъ его по своему усмотрѣнію. Особенно поражала своимъ устройствомъ пріемная зала: огромная комната была вымощена зеленымъ мраморомъ, по стѣнамъ висѣли чучела обезьянъ, рыбъ, крокодиловъ. по карнизу вились греческія, еврейскія и арабскія изреченія, стулья стояли полукругомъ, въ центрѣ треножникъ для графа, а посрединѣ зала стоялъ большой бюстъ Калиостро, сдѣланный съ оригинала Гудона. Тайныя занавѣски, потайныя входы, скрытыя лѣстницы въ изобиліи разнообразили помѣщеніе. Графъ остался не очень

доволенъ, но ничего не сказалъ, шѣмъ болѣе, что Франческо увѣрялъ, что подобнымъ образомъ обставленная комната производитъ непобѣдимое впечатлѣніе на римскую публику, вкусы которой онъ будто бы отлично знаетъ. Лоренца проспо боялась входить въ эту залу, особенно когда Каліостро возсѣдалъ на треножникѣ и давалъ отвѣты собравшимся.

Но все въ Римѣ измѣнилось за эти пятнадцать лѣтъ; почти никого изъ прежнихъ друзей и знакомыхъ не было и общество собиралось смѣшанное, легкомысленное и непостоянное, пожалуй еще болѣе жадное до диковинныхъ зрѣлищъ и опытовъ, нежели парижская публика, такъ что С. Мауриціо былъ опчаспи правъ, устраивая для него такую балаганную обстановку. Каліостро не удалось въ Римѣ устроить собственную ложу, а отъ существующихъ онъ споронился, такъ что даже почти не былъ ни на одномъ изъ брапскихъ собраній. Можно было подумать, что онъ слѣдуетъ первому совѣту Франческо помириться съ Апостольскою церковью, но сдержанность графа объяснялась другими причинами. Не закрывая уже глаза на то, что силы его слабѣютъ, знаніе и вліяніе утрачиваются, опыты часто не удаются, онъ предпочиталъ дѣлать сеансы у себя, гдѣ система портверъ, зеркалъ, выдуманная С. Мауриціо, много помогала въ томъ случаѣ, когда приходилось прибѣгать къ механической помощи, а спранные чучела и тексты отвлекали вниманіе.

Лоренца, единственный другъ, была какъ-то въ сторонѣ, проводя большую часть времени въ прогулкахъ по разнымъ частямъ Рима не только тамъ, гдѣ она выросла и гдѣ встрѣчалась съ графомъ, но и тамъ, гдѣ она никогда раньше не бывала. Словно она хотѣла насмотрѣться досыща ненаглядной и торжественной красою унылаго и прекраснаго города. Графинѣ шелъ тридцать седьмой годъ, она пополнѣла и хромота ея стала менѣе замѣтна, а свѣжее безъ единой морщинки лицо дѣйствительно заснавляло подозрѣвать, что Каліостро знаетъ секретъ молодости.

Лоренца зашла какъ-то въ церковь; это была маленькая приходская церковь, день былъ будній и молодой священникъ съ мальчикомъ служили тихую обѣдню для трехъ, четырехъ чело-
вѣкъ. Графиня удивилась, она кажется со дня своей свадьбы не была въ церкви. Она не спрогалась, — ей стало жалъ себя и на кого-то обидно. Она опять вспомнила про Франческо.

99
Время шло, приближалось Рождество Христово. Однажды на праздникахъ Лоренца, сидя у окна, вдругъ услыхала дудки и волынку, то пифферари шли съ вервепомъ поздравлять хри-
стіанъ съ праздникомъ. Лоренца упросила графа позволить пригласить къ нимъ пифферари, сама вѣтромъ сбѣжала съ лѣстницы. Дулъ холодный вѣтеръ и казалось, скоро пойдетъ снѣгъ. Такая тишина на площади, мальчики везутъ свой кар-
тонный песпрый вертепъ.

Лоренца, накинувъ шубку на одно плечо, крикнула весело, какъ дѣвочка:

— Мальчики, зайдите къ намъ!

Маленькій сблалъ было шагъ къ синборѣ, но старшій взялъ его за руку и, посмотрѣвъ на домъ и Лоренцу, отвѣшилъ не снимая шапки:

— Намъ некогда!

— Почему некогда? пойдите, поиграйте. Вонъ, какая у тебя славная волынка.

Мальчикъ нахмурился.

— Мы къ ерешикамъ и жидамъ не ходимъ. Вы проклятые. Для васъ Христосъ не родился.

Графиня осталась стоять на порогѣ, шубка на одно плечо, рукой опершись о косякъ, улыбаясь, будто замерзла. Потомъ тихо побрела по лѣстницѣ, когда ужъ маленькіе пифферари съ своимъ вервепомъ скрылись изъ виду. Придя домой, Лоренца бросилась на кровать и громко зарыдала. Каліостро, даже позабывшій про пифферари, спрашивалъ жену съ тревогою:

— Но что съ тобою, Лоренца? курочка, что съ тобою?

— Мы проклятые, для насъ Христосъ не родился, и даже дѣти, уличные мальчишки гнушаются нами.

Каліостро помолчавъ сказалъ ласково:

— Вѣдь ты знаешь, что это вздоръ. Охота вѣрнопъ и придавать значеніе словамъ дѣтей.

Однако Римская курія разсуждала не лучше маленькихъ пифферари и 27 декабря арестовала графа и графиню Каліостро, какъ еретиковъ, колдуновъ, масоновъ и безбожниковъ.

Въ доносѣ, на основаніи котораго былъ произведенъ этотъ арестъ, было такъ охотно описано все странное убранство графскаго помѣщенія и такъ любовно поставлена каждая мелочь въ вину, что сдѣлавъ это могъ только человекъ и устроившій это убранство, т. е. Франческо ди Мауриціо, который какъ разъ куда-то исчезъ.

100

Такъ какъ масоны думали, что арестъ графа повліяетъ на ихъ судьбу, то всѣ въ ту же ночь бѣжали: и Вивальди, и Танганелли, и художникъ Любель; маркиза Вивальди, та даже переодѣлась венгерскимъ гусаромъ для бѣгства. Никто не раздѣлилъ участи съ Каліостро, кромѣ несчастнаго пріятеля и спутника его на всю жизнь, бѣдной Лоренцы.

8.

Римская курія на все привыкла смотрѣть съ точки зрѣнія вѣчности, потому срокъ отъ 27 декабря 1789 до 20 апрѣля 1791 г. ей казался довольно короткимъ для того, чтобы вынести свой приговоръ надъ несчастнымъ заключеннымъ. Сначала графа заточили въ крѣпость Св. Ангела, потомъ перевели въ тюрьму С. Лео близъ Урбано. Рѣдко кто выходилъ къ милой жизни изъ этихъ мрачныхъ затворовъ. Развѣ только для того, чтобы увидѣть въ послѣдній разъ золотое вѣчное

римское небо сквозь дымъ и искры еретического костра! Графиню убѣждали давать показанія противъ мужа, какъ противъ простаго мошенника и шарлатана, увѣряя, что такимъ образомъ наказаніе будетъ легче; Каліостро оправдывался, дѣлая логическія и богословскія доказательства своей правоты и чистоты своего сердца. Соединяя все вмѣстѣ, получали смѣшную и чудовищную жизнь учителя, самозванца, цѣлителя, благодѣтеля человѣческаго рода и антихриста. Вспомнили всѣ лондонскія, парижскія, варшавскія, петербургскія, спрасбургскія и ліонскія сплетни. Книги противъ Каліостро, компиляціи фантазій и клеветъ, появились во всѣхъ странахъ. Волъфгангъ Гете ѣздилъ по Італіи собирать матеріалы о первыхъ годахъ Каліостро. Даже Анна Шарлотта бросила свой камень въ покинутого и заблудившагося учителя.

101 На допросахъ присутствовалъ папа Пій VII, что случилось не часто. Говорилъ ли графъ какъ философъ, его обвиняли въ масонствѣ, говорилъ ли какъ христіанинъ,—его обвиняли въ іезуитствѣ, а масоны и іезуиты были почти одинаково ненавистны святому отцу. Всѣ были напуганы великимъ шатаваніемъ, которымъ уже раскачивалась грозно растерянная Франція. Искали и ненавидѣли виновниковъ сбиравшейся бури. Когда Каліостро провозили арестованнаго въ крѣпость Св. Ангела, римская толпа мрачно бросала камни, крича „смерть французамъ“. Графъ вспомнилъ свой выѣздъ изъ Бастиліи, тоже среди толпы, и заплакалъ. Что могли сдѣлать друзья, деньги, вліяніе? Каліостро былъ слишкомъ цѣннымъ и нужнымъ узникомъ для Ватикана. Оставалось одно: публично отречься отъ заблужденій, чтобы избавиться отъ позорной смерти.

Графъ и исполнилъ этотъ обрядъ. Босой, покрывъ голову чернымъ покрываломъ прошелъ онъ отъ крѣпости Св. Ангела до церкви Св. Маріи и тамъ предъ пастыремъ прочиталъ свое отреченіе. между тѣмъ какъ на сосѣдней площади сжигали его рукописи, письма и бумаги.

Конечно, будь онъ прежнимъ Калиостро, трудно ли бы ему было сдѣлать, чтобы дождь залилъ костеръ, распались цѣпи, самъ учитель былъ перенесенъ въ Парижъ, Лондонъ, Варшаву, чтобы освободить Лоренцу. Лоренца была заключена въ монастырь. Тамъ тихо, на Рождество навѣрное приходятъ мальчики съ вертепомъ и играютъ на дудкахъ!..

Но теперь Калиостро былъ не тотъ. Онъ пробовалъ въ тюрьмѣ и напрягать волю и говорить заклинанья и кричать отъ желанья. Только стуки слышались въ сырой стѣнѣ, да проносились лиловатыя искры. Тогда онъ бросался на полъ и кусалъ палецъ, чтобы не выть отъ досады и боли. А то и кричалъ, требовалъ себѣ вина, просился гулять, бился головой объ стѣну.

Что же? онъ, какъ флаконъ, изъ котораго вылили духи: легкій запахъ остался, но онъ пустой, а съ виду такой же.

Покинутый, воистину покинутый. А у него былъ путь, была миссія. Вѣдь не въ томъ смыслѣ его жизни, чтобы дать примѣръ школьникамъ или исцѣлить нѣсколько тысячъ больныхъ. Но если бы онъ даже умалился до разума дитяти, что бы было? Развѣ онъ можетъ теперь мыслить, какъ ребенокъ, развѣ напрасно даны были разумъ и сила и свободная (увѣ!) воля. Вмѣсто блестящей звѣзды взлетѣла ракета и теперь дымится, медленно угасая на землѣ.

Калиостро умеръ въ тюрьмѣ 26 августа 1795 года въ 3 часа утра и погребенъ на холмѣ безъ оппѣванія и креспа. Лоренца умерла нѣсколько недѣль спустя, не выходя изъ монастырской ограды.

19 февраля 1797 года французскія войска заняли С. Лео, генераль Добровскій спрашивалъ, здѣсь ли Калиостро. Ему сказали, что узникъ два года какъ умеръ. Тогда генераль освободилъ остальныхъ плѣнниковъ, а крѣпость взорвалъ.

Извѣстно, что Бастилія тоже была разрушена 14 июля: какой-нибудь мечтатель подумаетъ, что эти неодушевленные сооружения постигла кара за то, что они скрывали въ своихъ стѣ-

нахъ Каліостро, но не слѣдуетъ забывать, что много тюремъ, гдѣ сидѣлъ Балъзамо, стоятъ до сихъ поръ, а если развалились, то опѣ вѣнхостѣ, а также и того, что естѣ крѣпости, въ копорѣхъ никогда не было Каліостро, а онѣ между тѣмъ были взорваны. Впрочемъ, мечтателямъ законъ не писанъ.

В. РОЗАНОВЪ.

ИЗЪ КНИГИ, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ БУДЕТЪ ИЗДАНА.

•

Египтянки, провожая въ Серапеумъ новаго Аписа, заглядывали въ глаза юношамъ и напѣвали изъ Толстого:

107

Узнаемъ коней ретивыхъ
по такимъ-то ихъ паврамъ...
юношей влюбленныхъ
узнаемъ по ихъ глазамъ.

Тутъ встрѣтилъ ихъ пьяный Камбизъ:
— Изъ Толстого?! запрещено! Святѣйшимъ Синодомъ!
И пронзилъ Аписа.

•

Въ Мюнхенѣ я видѣлъ остатки - муміи Аписовъ. Такъ какъ ихъ балъзамировали какъ людей, какъ равныхъ себѣ и близкихъ. Увы, мертвые — они были отвратительны. Чудовищные бока и страшные рога. Правда, и соображеніе: умершій, даже архіерей не стоитъ живого дьячка. И вотъ, когда Аписъ палъ, о немъ пѣли:

- Умеръ! онъ умеръ, нашъ возлюбленный!
Женщины разрывали на себѣ одежды и головы посыпали пепломъ.

*

Такъ и египтянки, вспоминая длиннокудраго Владиміра Соловѣва, процитировали изъ него при выходѣ пѣянаго Камбиза:

Нынѣ такъ же, какъ и древле
Адониса погребаемъ...
тяжкій стонъ стоитъ въ пустынѣ:
жены скорбныя—рыдаемъ...

Дьяконъ подтягиваетъ:

— И нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ
.

* . *

— Ъдемъ на тройкѣ кататься!!

И всѣ оживляются. Всѣмъ веселѣе.

Ей-ей: на эту минуту—всѣ добродѣтели ѣе: не завидуютъ, не унываютъ, не подкапываются другъ противъ друга.

„Маленькій кабачекъ“—не только отдыхъ тѣла, но—и очищеніе души. И недаромъ saturnalia завелись даже въ пуриспическомъ Римѣ, гдѣ были все Катоны.

Ты насъ Катономъ не подчуй, а дай Петра Петровича Пѣтуха съ его ухой.

Вотъ русская идея; часть ея
.

Какъ задавили эти негодяи Страхова, Данилевскаго, Рогинскаго... задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси.

109 Было какъ въ Египтѣ — ,пришествіе гиксосовъ'. Чортъ ихъ знаетъ, откуда-то ,гиксосы' взялись, ,народъ пастырей', пастухи. Историки не знаютъ, откуда и кѣмъ такіе. Вѣрно какіе-нибудь кочующіе номады изъ Туркестана или съ Ирана. Они пришли и разрушили вполнѣ уже сложившуюся египетскую цивилизацію, существовавшую въ дельтѣ Нила двѣ тысячи лѣтъ; разрушили до пла, съ религіей, сословіями, благоустройствомъ, законами, фараонами. Потомъ, черезъ полтора вѣка ихъ прогнали. И начала изъ разоренія она возстановляться; съ трудомъ, медленно, но возстановилась.

,60-ые годы у насъ' — такое нашествіе номадовъ.

,Откуда-то взялись и все разрушили'. Въ сущности, разрушили вѣру, церковь, государство (въ идеяхъ), мораль, семью, сословія.

•

Кто силенъ, тотъ и насилуетъ. Но женщины ни къ чему такъ не влекутся, какъ къ силѣ. Вотъ почему именно женщины понесли на плечахъ своихъ Писарева, Шелгунова, Чернышевскаго, ,Современникъ'.

Наша исторія за пятьдесятъ лѣтъ — это ,исторія изнасилованія Россіи нигилистами'. И тутъ свою огромную роль сыгралъ какъ разъ ,слабый полъ'. Въ ,первой любви' Тургенева влюбленный въ дѣвушку мальчикъ видѣлъ, какъ отецъ его, грубый помѣщикъ, верхомъ на лошади, ударяетъ хлыстомъ дѣвушку, которую любитъ этотъ мальчикъ, но ему соперни-

комъ-побѣднелемъ оказался отецъ. Мальчикъ заплакалъ, закипѣлъ негодованіемъ. Но дѣвушка робко пошла за ударившимъ ее.

Вотъ исторія ,неудачъ' Достоевскаго, А. Григорьева, Страхова, всѣхъ энихъ ,слабыхъ сердецъ', энихъ ,бѣдныхъ людей'.

— Толпа похожа на женщину: она не понимаетъ любви къ себѣ (Страховъ, Григорьевъ, Достоевскій).

Она проситъ хлыста и расправы.

— ,фу, какая ты баба', хочется сказать человѣчеству.

· ΘΕΔΟΡΨ ΣΟΛΟΓΥΒΨ.

ПОКЛОНЕНІЕ.

(Изъ Рэмбо).

113

Моей сестрѣ Луизѣ Ванаенъ де Ворингемъ:—Ея голубой чепецъ, повернутый къ Сѣверному морю.—За утонувшихъ.

Моей сестрѣ Леоніи Обуа д'Асби. Бау—лѣтняя трава, гудящая и вонючая.—За лихорадку матерей и дѣтей.

Лулу,—демону, который сохранилъ вкусъ къ ораторіямъ времени Друзей и своего неоконченнаго воспитанія. За людей! —
— Господи ***

Подростку, которымъ я былъ. Этому святому старцу, скипъ и миссія.

Духу бѣдныхъ. И очень высокому духовенству.

Также всякому культу въ такомъ мѣстѣ памятнаго культа и среди такихъ обстоятельствъ, что надо предать себя, слѣдуя внушеніямъ момента или даже нашему собственному серьезному пороку.

Въ этотъ вечеръ, въ Сирсето высокихъ лѣдовъ, жирной, какъ рыба, и разрумяненной, какъ десяти мѣсяцевъ красной ночи—(его сердце янтарь и ясписъ). — за мою единственную молитву, нѣмую, какъ области ночи, и предшествующую мужествамъ, болѣе жестокимъ, чѣмъ полярный хаосъ.

Во что бы то ни стало и какъ бы то ни было, даже въ метафизическія путешествія.—Но уже не ,тогда'.

В. МАЯКОВСКИЙ.

Нѣтъ

Это не правда!

Нѣтъ!

И ты?

Любимая

за что

за что же!

Хорошо

я ходил

я дарил цвѣты

я ж изъ ящиков не выкрал серебряных ложек

Бѣлый

сшатался с пятого этажа

Вѣтер щеки ожег

Улица клубилась визжа и ржа

Похопливо влазил на рожок рожок

вознес над суетой столичной одури

строгое

древних икон

чело

На тѣлѣ твоѣмъ какъ на смертномъ одрѣ
сердце
дни
кончило

Въ грубомъ убійствѣ не пачкала рукъ ты
Ты
уронила толькo
,постель какъ постель
онъ
Фрукты
Вино на ладони почного столика'

Любовь
толькo в моемъ
воспаленномъ мозгу
была ты

Глупой комедіи остановише ходъ

Смотрите
срываю игрушки латы
я
величайшій Дон Кихотъ

Помните

секунду
усталый сталъ
Толпа орала
,марала
ма-ра-ла
маа-раа-лаа!'

Правильно

Ночью вскочите
Я
звал
Бѣлым быком возрос
Му у у у у у
В ярмо замучена шея язва
над нею смерчи мух

Лосем обернусь
В провода
впущаю голову вѣтвистую
С налитыми кровью глазами
Да
Заправленным звѣрем над міром вѣстою

120

Не уйти человеку
Молитва у рта.
Лег на плиты просящ и грязен он

Солнце
лучей не кинь
Изсохните рѣки
жажду утолить не дав ему
Чтоб тысячами рождались мои ученики
трубить с площадей анаѹему

И когда
на вѣков верхи став
послѣдній выйдет день им

зажгусь кровавым видѣніем

Свѣтает

Все шире разверзается неба рот
Ночь
плет за глотком глоток он
От окон зарево
От окон жар течет
От окон жидкое солнце льется на спящий город

Святая месья моя
опять над уличной пылью
ступенями спрок ввысь поведи
До края полное сердце
вылью
в исповдан

121

Грядущие люди!
Кто вы?
Вотъ я
весь
боль и ушиб
Вам завещаю сад фруктовый
моей великой души

Н. ЕВРЕИНОВЪ.

УТОНЧЕННЫЙ ,ГРАН-ГИНЬОЛЬ'.

Есть масса 'вещей', въ которыхъ намъ до ужаса совѣстно, до ужаса страшно самимъ себѣ признаться.

Одно представленіе, что кто-то объ этомъ узнаетъ, коснется этого своею чуждостью да еще (скорѣе смерти!) начнетъ объ этомъ 'распространяться' и (ледяной холодъ при одной мысли!) станетъ критиковать, обсуждать, порицать, стыдитъ или поощряетъ, злодѣйски издѣваясь, о... Тысяча замковъ на дверь моей спальни, чтобы во снѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, какъ-нибудь, все-таки, тѣмъ не менѣе, я не проговорился, а другой (да будь онъ проклятъ!) не подслушалъ!..

Вотъ какія бываютъ 'вещи' на свѣтѣ!

Ужъ такія интимныя 'вещи', что мать родная не узнаетъ, духовнику побоюсь признаться, бочку вина выпью — и то себя не выдамъ.

Словомъ, 'тайна сія умретъ вмѣстѣ со мною', и вы во вѣки вѣковъ о ней не догадаетесь!

Да что вы!.. — мнѣ самому 'сія тайна' не вполне извѣстна, такъ какъ думать о ней мучительно стыдно, до-смерти унижительно, и я и разговаривать-то о ней съ собой не дерзаю!

И однако...

Когда эдакъ зазнобитъ слегка или не спится ночью, весь день нервы до сто разъ перечеркнутого 'до' натягивались, во рту сухо, руки холодныя, и хочется, маниакально хочется чего-нибудь такого, чтобы потрясло до обморока, до истерики, до я

не знаю чего, лишь бы наступила реакція, полнѣйшій рамолиментъ, необоривій сонъ, а на завтра вкусъ манной каши во рту.

Да-съ. И вотъ въ такіе-то моменты хорошо продѣлать слѣдующее: взять и загримироваться какимъ-то ,неизвѣстнымъ господиномъ' подозрительной наружности. Эдакъ ,психологически' загримироваться, я хочу сказать: въ максимальной корреспонденціи съ вашимъ нервнымъ тонусомъ. Ну и одѣться соответственно. Недурно использовать дымчатое пенсне или очки, чтобы и такъ ужъ загримированные глаза еще чуждѣ казались. (Конечно на такой случай нужно имѣть все заготовленнымъ въ пожарной аккуратности, чтобы моментально явилось подъ рукой; начнешь валандаться.—все дѣло на смарку). Свѣтъ передъ зеркаломъ установите такъ, чтобы, освѣщая онъ не давалъ явственно разглядѣть гримировку. Словомъ, пришелъ какой-то ,неизвѣстный' господинъ, который, чортъ его знаетъ какимъ путемъ, все про васъ вывѣдалъ, влѣзъ въ домъ, усѣлся передъ вами, поправилъ пенсне рукойъ въ перчаткѣ и начинаетъ свои обличенія, подхихикиванья, обѣщанья непременно рассказать объ этомъ вашимъ знакомымъ, врагамъ, женщинамъ, передъ которыми вы хопите гарцованъ на бѣломъ конѣ безъ пятнышка и т. д.

Онъ даже собирается кой-кому написать анонимное письмо, гдѣ это, вотъ это самое, ваше ,шабу', ваше ,святая святыхъ', будетъ дважды подчеркнуто и разъяснено во всей подробности, во всей своей сверхъ-интимности.

Онъ рассказываетъ вамъ проектъ этого миленькаго писемца, нагло фанпазируя о томъ, какое впечатлѣніе оно произведетъ на такую-то; начинаетъ касаться, во всѣхъ подробностяхъ, этой такой-то; какъ она, лежа въ постелькѣ-съ въ эдакомъ ,безбѣльѣ-съ', и прочее, получивъ письмо, въ которомъ всѣми буквами, четкимъ почеркомъ, даже дважды подчеркнутое, раскрывается... раскрывается...

О, конечно вы быстро отворачиваетесь отъ мерзкой хари этого кошмара, нагрянувшего къ вамъ съ визитомъ въ неуказанное время! Вы запыкаете уши, вы грозите его размозжить, вы вынимаете изъ кармана револьверъ, вы... Нѣтъ это не вы, это онъ цѣлился въ васъ, онъ овладѣлъ позиціей, онъ здѣсь хозяинъ!...

И снова текутъ безобразныя рѣчи, одна другой кощунственнѣй, одна другой гаже, подлѣе, неслыханнѣй.

127 Онъ произноситъ запрещенное, какъ произносятъ слово ‚счуль‘, ‚счуль‘, ‚чай‘, онъ повторяетъ подрядъ вашу тайну, даже только начальнѣйшій звукъ этой тайны, десять разъ, двадцать, сорокъ, пятьдесятъ,—сколько ему угодно... Онъ говоритъ объ эффектѣ, какой произвело бы его ‚раскрытіе‘ въ кругу вашихъ милыхъ знакомыхъ, гдѣ-нибудь на балу, на бѣдѣ, въ театрѣ на примѣръ, во время антракта, когда все смолкло передъ поднятіемъ занавѣса. ‚А вы знаете, господа, что такой-то, когда остается одинъ, имѣетъ привычку‘...

Брр... Тутъ вы, нѣтъ онъ, т. е. вы, хоть и... ну словомъ кто-то изъ васъ тушитъ свѣтъ и спектакль кончается.

Нѣтъ, вы только представьте себѣ самый что ни на есть невиннѣйшій примѣръ, жалкій-прежалкій примѣръ, который и въ сошой долѣ не можетъ сравниться съ конфузомъ отъ разоблаченія вашей собственнѣйшей тайны—представьте себѣ, что вы барышня, что у васъ руки помѣются, но что объ этомъ никто, никто въ мірѣ никогда не узнаетъ, такъ какъ вы ихъ пудрите какимъ-то ‚судориномъ‘, моею въ уксусной водѣ и т. д. И вдругъ въ театрѣ, гдѣ цѣлый хвостъ вашихъ поклонниковъ и цѣлый рой вашихъ зависунцовъ, кто-то нагло, спокойно, очень серьезно, громко и опчепливо произноситъ: ‚господа, такая-то скрываетъ, что у нея руки вѣчно помѣны, она воображаетъ, что ужъ такая неземная, а на самомъ дѣлѣ въ нижнемъ ящикѣ ея комода, сзади, тамъ же, гдѣ положены прошлогоднія балныя шубы, находится жестянка, а на жестянкѣ надпись ‚судоринъ‘. Это отъ пошля, господа! Она смѣло можетъ реко-

мендовать вамъ это средство, такъ какъ у нея, даю вамъ честное слово, руки потѣютъ. А вотъ пускай она вамъ дастъ честное слово, что это неправда!...

Повторяю, это невиннѣйшій примѣръ; такъ сказать тѣнь тѣни той дѣйствительности, какую власпень обѣщанъ вамъ вашъ наглѣйшій ,незнакомецъ'.

Вы и не помыслите о разспросахъ, зачѣмъ же ему это нужно, какая ему отъ этого польза, что вы ему сдѣлали такого, чтобы... Вѣдь людямъ доставляетъ такое колоссальное удовольствіе дѣлать гадости другому, и... (здѣсь зарыта собака) когда, когда нѣтъ храбросни, нѣтъ возможности сдѣлать гадости другому, ну хотя бы себѣ, самому себѣ сдѣлать гадость, даже и не сдѣлать пожалуй (уступаю), а помечинать объ этомъ, раззадорить себя на мечтѣ, съинсценировать эту гадость мысленно, обратить ее силой воли къ театру въ такую видимость дѣйствительности, что небу тошно спанеть.

Конечно, для простого, здороваго, свински здороваго человѣка, эдакаго спортсмена съ мѣднымъ лбомъ, все это чепуха невозможнѣйшая, невыслымаемая, недостижимая. Знаю и не прекословлю. Разумѣется, такой ,театрикъ' не для краснощекихъ футболистовъ, спящихъ сномъ живою невинности. Это, какъ я (извиняюсь) называлъ, утонченнѣйшій ,Гран-Гинболъ'! утонченнѣйшій, слѣдовательно приверженцамъ системы доктора Миллера онъ присталъ какъ къ коровѣ сѣдло. Желая и впредь имъ здравствовать, дарю насъ здоровымъ попомомъ, устраивать эдакія образцовыя санаторіи на началахъ послѣдняго слова гигиены и т. п. Самъ, если въ конецъ ,сдереюфлю', на колѣнкахъ приползу къ нимъ лѣчишься и во всей своей чепухѣ денно и ночью каяться буду. А пока (хе, хе!) да здравствуетъ мой Гран-Гинболъ во всей своей преутонченности. Въ болѣзни родился я, въ болѣзни живу, въ болѣзни и скончаюсь. А вы... будьте здоровы, господа, будьте здоровы, отъ души желаю вамъ, честное слово! Ужъ вы простите за чепуху, не осудите больного!

В. ХЛѢБНИКОВЪ.

То истина: не всѣхъ пригожихъ
Плѣняетъ шелковая тряпка.
,Мнѣ холодно', надвинувъ кожухъ,
Сказала дѣва зябко.
Сквознякъ и вѣперъ, вотъ причина!
Тепла широкая овчина
И блещетъ бѣлое плечо
Умно, уютно, горячо.
У стрекозъ возъмю я шалость.
Онѣ смотрятся въ пруды.
Унесу твою усталость,
Искуплю твои труды.
Я до боли въ селезенкѣ.
Стану бѣшено скакать,
Чтобы мрачныя глазенки
Научилися блистать.
Но что тамъ? женщина какая-то
Ушами красная платка...
,Ахти, родимый, маета,
Избушка далека.
На, блинчики съ сметаной,
Все до верху лукошко.
Съ тобою краля панна?
Устала я немножко...

Ты гдѣ ходилъ? въ лѣсу, не далѣ?
А наши ты видали
Ты бѣсомъ малымъ съ ней юлилъ,
Ей угодить все норовилъ.
Ужо отвѣдай коровай!
Прощайте! прощевай!
Да вотъ, чтобъ сонъ вашъ не былъ плохъ,
Али принесѣ лишай и мохъ?
Вѣдѣ все здѣсь камни и пески
Они, ихъ шутъ возьми, жестки.
Пусть милость неба знаетъ ты!
Она ушла, вздохнувъ, кряхтя.
Торчали уши.
Ея платокъ горѣлъ какъ макъ
Шаги все дѣлалися глуше.
Ее сокрылъ широкій мракъ.
Какъ очаровательны веснушки!
Онѣ идутъ твоей спарушкѣ.
Невзгодъ и радостей пастушкѣ.
Другъ друга мы плечомъ касались.
Когда опъ ливня рѣкъ спасались,
Полунаги и босикомъ...
Прогулку помнишь ты вдвоемъ,
Съ однимъ грибомъ дождевикомъ?
Но онъ насъ плохо защищалъ
И кто-то на небѣ трещалъ.
Вкругъ насъ собрался водоемъ.
Поля опъ зноя освѣжались.
Другъ къ другу мы тогда прижались.
Пострѣлы, молвилъ пастушонокъ,
И спалъ близъ насъ угрюмъ и тонокъ.
За нимъ пришла его овчарка.
Намъ было радостно, и жарко.
Съ тѣхъ поръ прошло ужъ много дней,

А ты не сдѣлался роднѣй'.
Она сидитъ главою низкая,
Цвѣтокъ полей руками тискаю.
,И черепъ все облагородитъ
Все, все минуетъ и проходитъ.
Не стану я, умрешь и ты.
Смѣшивъ соннаго чертѣ.
Спи, голубчикъ, соловѣй,
Если звонокъ соловей.
Ты знаешь, кто я?
Я ,не проиъ меня'.
Близъ костра печально стоя,
Боюсь грубаго огня.
Упади, слеза нескромница:
Мотылькамъ про солнце помнится'.
Мечта и грусть въ глубокихъ взорахъ.
Подъ нею былъ соломѣ ворохъ.
И съ восхитительной замашкой
Ты шила синюю рубашку.

В. РОЗАНОВЪ.

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ СТРАНИЦЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ КРИТИКИ.

Встрѣтивъ выраженіе „сладенвкій“
въ статьѣ объ Айхенвалдѣ.

137

... кромѣ „сладенвкаго“ нужно опмѣтити и то, что онъ —
холодный. Посмотрите, какъ онъ поспунилъ съ Ёбанскимъ. Онъ не напалъ на него горячо, какъ кришникъ на кришника, какъ напалъ бы „нашъ бранецъ“ Скабичевскій или Рогъ-Рогачевскій (сей „бранецъ“ много), не сказалъ о немъ немногихъ спрасно-ненавидящихъ или спрасно-презрительныхъ словъ (Достоевскій и кн. П. Вяземскій), а ограничился очень коротенькою статьею, спраниць въ 6, посвящая другимъ писателямъ и полуписателямъ по двадцати спраниць... Онъ сжалъ ее до мінімумъа, но наполнивъ всю ее спроками чрезвычайно вѣскими, чрезвычайно значительными, мѣлкими, вѣрными (кажущимися вѣрными), убійственными. Это article Волыцера такъ же кратко, изящно и слабо. Такъ же холодно и опвращенельно. Онъ даетъ, размѣрено и счиная, пощечины и пакосты — какъ это на шести спраницахъ — на цѣлыхъ десяти! — но нужно предсказать, что вѣнесь Ёбанскіи на этомъ пошениѣ адскомъ „сквозѣ“ спрой“. И такъ изящно началъ: „Ёбанскіи: собспвенно говоря — много. Изъ его хвалителей никто его не читалъ (а вотъ я — прочелъ: но, нужно думать, вполнѣ прочитали и Венгеровъ и Овсяннико-Ковалевскіи и Рогъ-Рогачевскіи съ Ивановымъ-Разумникомъ). и — разь! разь! разь!... (къ читателямъ): — „Вы видите, ничего не осталось“ и „Ёбанскаго

дѣйствиительно иѣтъ и никогда не было... „Бѣлинскаго выдумала наша критика“.

Понятно, почему взбѣленились наши „чурки“: Сакулинъ и сонмы другихъ.

„Бѣлинскаго никогда не было. Его выдумали“...

Первымъ „пришелъ“ Флексеръ* и его ввела симпатичная еврейская дѣвушка, Любовь Гуревичъ, „совсѣмъ русская“, мягкая, добрая, не умная. „Совсѣмъ—мы“. Но Богъ (какъ и русскихъ дѣвушекъ) наградила ее любящимъ сердцемъ, и она, основавъ „Сѣверный Вѣстникъ“, вела за-руку Флексера.

Флексеръ уже совсѣмъ не то, что Любовь Гуревичъ. Та—„вся русская“ эпонимъ—„только еврей“ по существу и формѣ.

Бритый, сухой, дѣятельный, производительный.

„Сколько часовъ сдѣлалъ?“—я всѣ часы сдѣлалъ.

Ничего не подѣлалъ: „часы только опъ Флексера“.

Онъ копался, работалъ. Ушелъ въ рудники. Русскіе не любятъ лазить подъ землю, они существенно дидактичны. И вотъ „изъ рудниковъ“ онъ вынесъ на видъ, на солнце всю нашу погребенную въ библиотекахъ журналистике и, показывая по одинъ халатъ, „то другой халатъ“, произносилъ:

— Это же халатъ дырявый. И изъ скверной манерѣ. У насъ въ Варшавѣ шьютъ лучше.

— Это не годно.

— То глупо.

— Бѣлинскій не изучалъ Канта.

— Добролюбовъ даже не зналъ основательно социализма.

— Это невѣжество, грубость и при томъ опусценіе всякой логики. Мозговія линіи самыя слабыя.

Хорошо, что случился Михайловскій и началъ его лаять по щекамъ. Флексеръ свалился. Но за Флексеромъ и, какъ будто не имѣя съ нимъ ничего общаго, пришелъ Гершензонъ. Съ этимъ уже и Михайловскій не справился бы.

*) А. Л. Волынский.

Что сдѣлаешь? Вѣришь въ Бога, даже по-православному? Пишетъ какъ Александръ Спатовичъ мемуары. Деревней пахнетъ. Яицъ ни у кого не паскаетъ какъ Горнфельдъ-правосоль (по-мелочамъ). Онъ папріонъ. Защитникъ опечесства. Почти полицію любитъ. Совсѣмъ русскій. Лучше русскаго. А въ сущности въ немъ сноп евреевъ и всѣ точно въ чулкахъ, башмакахъ (бабѣ начало) и съ пейсами.

Ничего не подѣлаешь. Перетончилъ всѣхъ, ибо прямо влѣзъ въ миску со щами и высовывается изъ нея весь облѣпленный листьями капусты (щи конечно, лѣнивыя).

Русскіе люди сморяютъ. Пугаются. Гершензонъ читаетъ „Опче нашъ“.

— Господи. Онъ совсѣмъ русскій.

139 Гершензонъ покрылся бѣлой простыней и читаетъ „Опче нашъ“.

— Съ нами крестная сила.

— Вотъ вамъ и крестная сила.

И наконецъ этотъ Айхенвальдъ.

Красота. Донъ-Жуанъ. Курсиски съ ума сходятъ. Правда, онъ уродъ по лицу, но вѣдь не въ лицѣ дѣло (бабья присказка). Пишетъ какъ самъ Пушкинъ. Правда—холодно, но вѣдь кто это разберетъ. По формѣ совсѣмъ какъ Пушкинъ, и ему совсѣмъ не опасны всѣ эти Сакулины, Игнатовы, Жебелевы Овсяннико-Куликовскіе. Далъ же ему легова перо въ руки. Перо въ литературѣ рѣшаетъ все, — какъ копье въ войнѣ. Что же онъ пишетъ?

Силуэты.

Уже критика прошла. Не нужно. Пусть надъ „критикою“ трудятся эти ослы Скабичевскіе... Мы будемъ писать теперь „силуэты“, т. е. „такъ вообще“, портреты писателей, характеристики, причемъ читатель, нашъ глуповатый русскій читатель, будетъ все время восхищаться характеризующимъ, а конечно не тѣмъ, кого онъ характеризуетъ. И черезъ это самый предметъ, т. е. русская литература, почти исчезнетъ.

испарится, а передъ чипапелемъ будетъ только Айхенвалдаъ и его „силуэты“.

Вы посмотрѣли направо—и видите Айхенвалда. Посмотрѣли налѣво въ зеркало и видите тоже Айхенвалда. Впрямь, вглубину, въ и назадъ, гдѣ угодно—все зеркала, въ нихъ одинъ Айхенвалдаъ.

—Ну и довокъ же! какъ это онъ успроилъ. Нѣтъ болѣе русской литературы, а только вездѣ Айхенвалдаъ.

Но что дѣлать... Такъ вѣдь и сказано: „и о сѣбѣ и своемъ благословятся всѣ народы“.

Теперь, если принявъ во вниманіе, что около этихъ прехъ прудился со своимъ безполковнымъ „словаремъ“ Венгеровъ, совмѣщая въ немъ „критику“, „библіографію“ и „всѣ вообще книги“—что въ каждомъ почтѣ журналѣ пруженичаютъ два Горнфелда и два Кранихфелда, да еще подають вездѣ „анкеты о себѣ“ Оль д'оръ и В. Азовъ, и шипитъ „дѣлая дѣло“, „Шиповникъ“, издаваемый Коппельманомъ,—то русская литература окажется въ довольно печальномъ положеніи.

Есть „бывшіе люди“—перманентъ популярности и вразумительный но придется говорить и поговаривать о „бывшей русской литературе“.

АЛЕКСАНДРЪ БЕЛЕНСОНЪ.

АВТОПОРТРЕТЪ.

143

Религіозный организмъ
и вѣрующая ключица,
а духъ презрителенъ и низменъ,
а сердце яростно стучится.

Безъ убѣжденій, безъ отчизнъ-
обременительныхъ котурнъ,
проектъ лица безукоризненъ
и глазъ осмысленно прищуренъ.

OLK N 46385

30
2 р. 50

Типографія И. Н. ЛАВРОВЪ и Ко, улица Гоголя, № 9.
ОТДѢЛЕНІЕ: Невскій 8 (бывш. Меркушева).